

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации

Восток на Востоке, в России и на Западе

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ И ДИАСПОРЫ

East in the East, in Russia and in the West

CROSS-BORDER MIGRATIONS AND DIASPORAS

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 314.7

ББК 60.7

В78

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. А. Алексеенко*;

доктор экономических наук *Ю. Г. Александров*

В78 Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / Автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. — СПб. : Нестор-История, 2016. — 304 с.

ISBN 978-5-4469-0883-7

Сборник статей подготовлен по результатам первого этапа исследовательского проекта Института востоковедения РАН «Восток на Востоке, на Западе и в России: миграция — адаптация — идентичность». Участники этого этапа являются одновременно и авторами сборника; это специалисты из Москвы (ИВ РАН, ИСАА, РАНХиГС), Санкт-Петербурга (МАЭ РАН, НИУ ВШЭ, СПбГУ), Барнаула (АлтГУ), Иркутска (ИГУ), Улан-Удэ (ИМБиТ СО РАН), а также ученые из Монголии (МГУНТ) и Италии (Болонский ун-т).

Статьи сборника распределены по трем разделам. Первый из них посвящен трансграничной миграции с Востока на Восток, т. е. из одного культурного мира в пределах афро-азиатского пространства в другой. Конкретно в этой части разбираются миграции из Монголии в Республику Корею (из Внутренней Азии — в Восточную) и из Эфиопии в нефтедобывающие страны Персидского залива. Во второй части собраны статьи о различных аспектах миграции в Россию из Китая, Вьетнама и государств Центральной Азии; читатель найдет в ней и исторические очерки, и тексты, основывающиеся на социологических опросах или же рассказывающие о работе с мигрантами РПЦ и исследователей-волонтеров. Последнюю часть образуют статьи, авторы которых по материалам собственных полевых исследований пишут об учебной и брачной миграции на Запад из стран тропической Африки и пространства бывшего СССР.

В оформлении обложки использована репродукция картины «Отъезд Авраама (Исход)», выполненной в мастерской Якопо Бассано или Якопо даль Понте (1510–1592) и хранящейся в Национальной галерее Великобритании (Лондон).

Источник: <http://gallerix.ru/album/National-Gallery-London-6/pic/glrX-105930464>

ISBN 978-5-4469-0883-7

© Институт востоковедения РАН, 2016
© Фонд им. Фридриха Эберта
в Российской Федерации, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сергей Панарин</i> . Предисловие: трансграничные миграции как предмет исследования	7
--	---

РАЗДЕЛ I

Восток на Востоке:

МОНГОЛО-КОРЕЙСКИЙ CASE С ЭФИОПСКИМ ДОПОЛНЕНИЕМ

<i>Нямаа Галиймаа</i> . Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются	19
<i>Цэнд-Аюш Батцэрэн</i> . Монголия: влияние трансграничной трудовой миграции на воспитание детей	35
<i>Анна Пинигина</i> . Трансграничная миграция в Республику Корею	46
<i>Марина Балдано, Нямаа Галиймаа, Светлана Кириченко</i> . Монголы в Южной Корее: миграция и адаптация	64
<i>Николай Стеблин-Каменский</i> . Волло, Эфиопия: локальное представление о трансграничной миграции и стигматизация вернувшихся	85

РАЗДЕЛ II

Восток в России:

ВОСПРИЯТИЕ — АДАПТАЦИЯ — ИДЕНТИЧНОСТЬ

<i>Ирина Бочкарёва, Сергей Панарин</i> . Трансграничные мигранты в восприятии российских студентов (по материалам экспресс-опросов в трех университетах)	107
<i>Виктор Дятлов</i> . Восток на Востоке России: китайские мигранты в переселенческом обществе (позднеимперская и постсоветская эпохи)	124
<i>Анатолий Соколов</i> . Вьетнамцы в России: история миграций и диаспоры	145
<i>Сергей Абашин</i> . И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию	159
<i>Дмитрий Полетаев</i> . Изменение практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии в России	177

<i>Евгений Варшавер, Анна Рочева.</i> Интеграция мигрантов на локальном уровне: западный и российский опыт.	194
<i>Сергей Филатов.</i> Русская православная церковь и трудовая миграция из ареала ислама	214

РАЗДЕЛ III

ВОСТОК НА ЗАПАДЕ:

С РАЗНЫХ «ВОСТОКОВ» С РАЗНЫМИ ЦЕЛЯМИ

<i>Екатерина Деминцева.</i> Учиться, чтобы остаться: африканская элита во Франции.	233
<i>Моника Перотто.</i> Мигранты из постсоветских государств в Италии	250
<i>Раиса Акифьева, Валерия Ерашова.</i> Культурные и интеграционные практики русскоязычных женщин в процессе брачной миграции в Нидерланды	271
Summary.	296
Сведения об авторах	302

CONTENTS

Sergei Panarin. Foreword: Cross-border migrations as a subject of study 7

PART I

EAST IN THE EAST:

A MONGOL-KOREAN CASE WITH AN ETHIOPIAN POSTSCRIPT

- Nyamaa Galiimaa*. The Mongols' cross-border migration: Why do they leave and why do they return 19
- Tsend-Ayush Battseren*. Mongolia: The influence of cross-border labour migration on children's upbringing. 35
- Anna Pinigina*. Cross-border migration to the Republic of Korea 46
- Marina Baldano, Nyamaa Galiimaa, Svetlana Kirichenko*. Mongols in South Korea: Migration and adaptation 64
- Nikolay Steblin-Kamensky*. Wollo, Ethiopia: Local meanings of migration abroad and stigmatization of those who came back. 68

PART II

EAST IN RUSSIA:

PERCEPTION — ADAPTATION — IDENTITY

- Irina Bochkaryova, Sergei Panarin*. The perception of cross-border migrants by Russian students (following the results of express surveys in three universities) 107
- Viktor Dyatlov*. The Orient in Russia's East: Chinese immigrants in settler society (late Imperial and post-Soviet eras) 124
- Anatoly Sokolov*. The Vietnamese in Russia: A history of migrations and diaspora. 145
- Sergei Abashin*. Both here and there: Transnational aspects of migration from Central Asia to Russia 159
- Dmitry Poletaev*. The changes in patterns of Central Asian labour migrants' behavior in Russia 177

<i>Evgeniy Varshaver, Anna Rocheva.</i> The migrants' integration on the local level: Western and Russian experience	194
<i>Sergei Filatov.</i> Russian Orthodox Church and labour migrants from traditionally Islamic lands	214

PART III

EAST IN THE WEST:

FROM DIFFERENT 'ORIENTS' WITH DIFFERENT GOALS

<i>Ekaterina Deminsteva.</i> To get education in order to stay: African elite in France	233
<i>Monica Perotto.</i> Migrants from post-Soviet states in Italy	250
<i>Raisa Akifyeva, Valeriya Yerashova.</i> Cultural and integration practices of Russian-speaking women in the context of marriage migration to the Netherlands.....	271
Summary.....	290
About the authors	302

Сергей Панарин

ПРЕДИСЛОВИЕ: ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансграничная миграция может быть трудовой или учебной, временной или постоянной, из страны в страну или из региона в регион, образующей транснациональные сети или не образующей их и т.д. В любом случае в ходе ее мигрирующие люди пересекают одну или несколько границ. Границы эти могут быть государственными, этническими, языковыми, культурными, выявляться по какому-то иному признаку, но любой их вариант будет ощущаться/осознаваться как наделенный смыслом, который больше и богаче представления об обозначенных в пространстве разграничительных линиях между территориями. Ибо, пройдя либо обойдя пограничный и таможенный контроль, человек попадает в мир, если не совсем иной, то уж точно не совсем такой, к которому привык. В сборнике исследуются как раз те отряды мигрантов, для которых переход государственной границы означает одновременно и переход из одного культурного пространства в другое: из одного макрорегиона Востока — в другой, с Востока — на Запад, с Востока — в Россию и даже из России, воспринимаемой как Восток, — в так ее воспринимающий Запад.

Ключевые слова: миграция как человеческое свойство, трансграничная миграция, потенциал отчуждения, макрорегионы Востока, референтный фон самоидентификации.

Нстоящий сборник статей вырос из докладов, прозвучавших на Международном семинаре «Восток на Востоке, Восток на Западе, Восток в России: миграция — адаптация — идентичность» (Суздаль, 18–20 ноября 2014 г.)¹. Он посвящен разновидности миграций, известной под несколькими названиями: внешняя, международная, транснациональная, трансграничная.

Каждое из этих определений фокусирует внимание на какой-то принципиально важной характеристике. Когда говорят «внешние

¹ Обзор этого семинара см.: [Панарин, Бочкарёва, 2015].

миграции» (*outmigration*), акцент делается на расположении их адреса за пределами тем или иным образом очерченного и контролируемого пространства государства или его административного подразделения. Так описываемые людские перемещения объединяются в совокупность, явно или неявно противопоставляемую миграциям внутренним. Определение «международные» фокусирует внимание не на адресе, а на континууме перемещения — от пункта выхода до пункта прихода. При этом, когда оно понимается как эквивалентное английскому *inter-national*, т. е. как указывающее на перемещения между нациями-государствами, оно побуждает соотносить эти перемещения с международными нормами и ответственными за их соблюдение институтами. В этом случае оно придает определяемому им феномену довольно точный политический и юридический смысл. Но в русском языке оно обладает и расплывчатым культурологическим оттенком значения — дает понять, что речь идет о перемещении «из народа в народ»: из одного (этно)культурного ареала в другой, от одних, привычных, образцов мировидения и наборов ценностей — к другим, непривычным. В понятии «транснациональные миграции» смысловой акцент делается на тех соединяющих место выхода и прихода связях, которые мигранты сохраняют и укрепляют в первом месте, завязывают — во втором². Наконец, понятием «трансграничные миграции» наше внимание переключается на то обстоятельство, что мигрирующие люди пересекают одну или несколько границ. Границы эти могут быть государственными, этническими, языковыми, культурными, выявляться по какому-то иному признаку, но в любом случае будут ощущаться/осознаваться как границы между пространственно локализуемыми различиями, значимыми для людей, живущих по обе стороны этих границ.

Трансграничные миграции (далее ТГМ) и составляют предмет сборника. На первый взгляд в нем собраны тексты о мигрантах, преодолевающих государственные границы. Однако в сегодняшнем мире государств, являющихся национальными (или, не будучи на деле национальными, претендующих на то, чтобы таковыми считаться), смысл границы всегда оказывается больше и богаче представления об обозначенных в пространстве разграничительных линиях между соседними странами. Пройдя либо обойдя пограничный

² Подробнее см. статью Сергея Абашина в данном сборнике.

и таможенный контроль, человек попадает в мир, если не совсем иной, то уж точно не совсем такой, к какому он привык. Мир не такой, потому что принятые в нем стандарты отношений и способы их избегания, правила и исключения из них, маркеры пространства и символы его присвоения, типовые образцы мировосприятия и бесконечное разнообразие его оттенков — это и многое другое, пусть даже и не целиком ему чуждое, отлично, как минимум, в каких-то значимых деталях, от аналогов, оставленных им по ту сторону границы.

Как правило, граница между соседними государствами выражена более резко, чем между частями одного государства, сколь бы гетерогенными те ни были. Конечно, и здесь возможны исключения. Так, велика вероятность, что житель Москвы будет чувствовать себя более комфортно в «чужом» по критерию государственной границы Минске, чем в «своем» по тому же критерию Грозном — или даже в калужской деревне, всего-то в двухстах километрах от российской столицы. Но это исключение, как всегда, лишь подтверждает правило. А правило в данном случае заключается в том, что государственная граница обладает, если можно так выразиться, собственной логикой воздействия на пространство, рассекаемое ею, и на пересекающих ее людей: в ней по определению заложен мощный *потенциал отчуждения*. Достаточно будет измениться исторической ситуации — и этот потенциал проявится, и с Минском произойдет метаморфоза, похожая на ту, что произошла с еще недавно почти столь же комфортным для москвича Киевом. Иначе говоря, даже недавно проведенная государственная граница, разделившая к тому же прежде почти однородное пространство, способна из линии на карте превратиться чуть ли не в пропасть между людьми по обе ее стороны. Тем более это справедливо, когда в границе воплощается столь значительная культурная дистанция, что возникает соблазн интерпретировать ее в категориях цивилизационных различий. Или, если определять ее не столь глубокомысленным образом, — как границу скорее между *макрорегионами*, локальными и в то же время крупными культурными мирами, — чем между государствами.

ТГМ текли и текут в различных направлениях. На двух из них и было предложено сосредоточиться авторам, объединившимся во круг идеи сборника о миграции. Во-первых, на тех ТГМ, в которых высылающим пространством выступает мир Востока в целом,

понимаемый и как пространство географическое — Азия и Северная Африка — и как совокупность макрорегионов, объединяемых в целое лишь постольку, поскольку все вместе они противопоставляются другим большим совокупностям — миру Запада и миру России. Во-вторых, на ТГМ внутри самого Востока — из одного его макрорегиона в другой. Граничные различия между частями Востока были велики и в прошлом, сейчас же, смягчаясь под воздействием модернизации и глобализации по одним параметрам, по другим (например, по темпам и качеству роста, уровню информатизации, стадии становления гражданского общества, степени секуляризации/десекуляризации) становятся, напротив, резче, чем были когда-то. Кроме того, нельзя игнорировать тренд последних лет — выравнивание миграционных потоков, движущихся с Востока на Запад и из одних частей Востока в другие³.

Конечно, конструкции типа «потоки» или «отряды» мигрантов являются в значительной мере умозрительными. В 1930–1980-х гг. границу США с мексиканской стороны пересекали преимущественно люди, в социальном плане действительно образующие более или менее однородный и обособленный отряд сезонных сельскохозяйственных рабочих [Карелина, 2002]. Но мигранты, направлявшиеся в то же время в те же США с Востока, представляли собой людей, столь различавшихся по этнической принадлежности, вероисповеданию, достатку, статусу, уровню образования, месту и способу пересечения границы, что и слияние их в один отряд, и распределение по многим отрядам — преимущественно логические операции. И продукты этих операций обычно находят весьма приблизительное и непрочное соответствие в реальности.

Как бы ни разделяли реальных мигрантов их индивидуальные обстоятельства, причины и цели миграции и сколь бы ни были велики различия между конструируемыми в целях анализа миграционными потоками, в одном отношении те и другие едины. А именно: мигранты рассчитывают достичь своих, то различающихся, то совпадающих, целей с помощью одного средства — перемещения в пространстве.

³ Количество мигрантов в Европе и Азии практически сравнялось в 2013 г.: соответственно 72 и 71 млн человек. В Азии число приезжих из других стран с 2000 г. увеличилось на 20 млн человек, и большинство составили трансграничные мигранты, устремлявшиеся в нефтедобывающие страны Ближнего Востока и в новые индустриальные/постиндустриальные государства Восточной Азии [США, Россия, Германия... 2013].

Сила миграции заключается в ее универсальной применимости: для решения своих личных/групповых проблем люди перемещались везде и всегда. Как мигранты заселили они землю от Чукотки до Тасмании и от Гренландии до Огненной земли. Равным образом, и время человечества⁴ — это время миграции. Начиная с эпохи антропогенеза вся человеческая история может быть представлена как совокупность перемещений на малые и большие расстояния, где-то изолированных и дискретных, но чаще взаимосвязанных и последовательных. И даже там и тогда, где и когда потребность в перемещении, казалось бы, веками не возникала, люди отказывались от движения в пространстве все-таки после того, как взвешивали все его возможные плюсы и минусы, т. е. после того как совершали его **мысленно**.

Взятая в неразрывности перемещения подлинного и воображаемого, миграция — едва ли не такое же неотъемлемое свойство человека, как его способность реагировать на холод или видеть сны. Перефразируя слова графа Шефтсбери [Шефтсбери, 1974, с. 81], можно сказать, что мигрант — это человек, каков он в себе, в своем естестве жителя единого — до-национального, до-граничного — мирового пространства. Конечно, это только метафора, ее не следует понимать буквально; но как способ акцентировать древность, первичность, архетипичность состояния миграции, она, пожалуй, уместна. Ибо миграция возвращает и мигрантов, и принимающее их общество к древнейшей дихотомии — к связке-противостоянию «мы — они»⁵.

Степень фенотипической, культурной, языковой близости между трансграничными мигрантами и принимающим обществом, как и целевые установки мигрантов, играют значительную роль в их «притирке», в ходе которой противостояние может быть преодолено либо увековечено. Поэтому так важно исследовать отряды мигрантов, для которых переход государственной границы означает одновременно и переход из одного мира-региона в другой.

В то же время не менее важно помнить и о том, что границы между культурными мирами — подвижные и изменчивые. И что

⁴ Парафраз метафоры *le temps du monde*, использованной Фернаном Броделем в названии третьего тома его главного труда. См.: [Бродель, 1992].

⁵ «Мы» еще в глубокой древности сделалось «универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей», при этом оно «всегда подразумевает противопоставление» другой, не всегда даже определенной, общности, обозначаемой как «они» [Поршнев, 1979, с. 84].

определение того или иного региона в рамках предельного пространственного воплощения дихотомии «мы — они» как члена антиномии «Восток — Запад» очень сильно зависит от множества факторов. Например, от физического расстояния между определяющими и определяемыми. Или от протяженности разделяющей их этнокультурной дистанции «по Барту»⁶. Или от оценки того, кого определяют, подсказываемой тому, кто определяет, памятью об истории взаимоотношений между их народами/странами. Наконец, от такого элементарного факта, как наличие или отсутствие опыта личного общения человека из одного мира с человеком из другого мира. Соответственно, макрорегион, жители которого склонны относить себя, например, к Западу, жителями этого самого Запада, с помощью противопоставления стремящимися высветить собственную идентичность, может квалифицироваться как Восток. Или как Азия, свой косностью подчеркивающая динамизм Европы. Или как Юг, своей неразвитостью оттеняющий развитость Севера. А то и просто как вместилище варваров, противопоставляемое счастливой обители трудолюбия, просвещенности, безопасности и свободы — пространству Цивилизации.

Фоном самоидентификации Запада не раз оказывалась и Россия [Нойманн, 2003] после того, как с накоплением исторических и географических знаний ее пространство перестало быть обиталищем совсем уж мифических аримаспов и псоглавцев. Правда, принадлежность русских к христианам, индоевропейцам и, по старой терминологии, к европеоидам, как и вхождение России в XVIII в. на правах великой державы в европейский концерт способствовали оттеснению ее отождествления с Востоком на задний план; но оно сохранилось в арсенале западной идентичности и периодически всплывает⁷.

Возвращаясь к изучению ТГМ, отметим, что из-за ситуационной изменчивости/многоликости идентификаций Другого вряд ли возможно точно и навсегда зафиксировать антиномию «Восток — Запад» в пространстве. В особенности подобная фиксация была бы излишне строгой как раз тогда, когда в исследовательском поле оказывается Россия — и как реципиент миграции с Востока, и в качестве

⁶ «Чем больше разница между... ценностными ориентирами, тем больше ограничений они накладывают на межэтническое взаимодействие» [Barth, 1969, p. 18].

⁷ Например, когда «возникает соблазн подчеркивать инаковость России ради интеграции европейского “Я”» [Нойманн, 2003, с. 155].

миграционного донора для Запада. Ибо в своем восприятии мигрантов большинство в любом принимающем обществе руководствуется не академическими дефинициями и даже не школьным атласом, а различными стереотипами, нередко далекими от реальности. В соответствии с ними русские либо просто принадлежат Востоку, либо, без уточнения их принадлежности, «традиционно считаются не-европейцами» [Delanty, 1995, p. 11]. И сколько бы мы ни возмущались «высокомерием» такого взгляда обыденного западного сознания, — тут же, кстати, забывая об изъянах нашего собственного восприятия Востока,⁸ — он до сих пор распространен. С нашей точки зрения, он искажает восприятие мигрантов из России и, шире, из бывшего СССР. Но для того чтобы корректно его оспорить, надо о нем помнить, его учитывать и исследовать, соответственно, включать в **единое исследовательское поле**, наряду с миграцией с Востока на Запад и в Россию, миграцию из России на Запад.

Как со сказанным выше соотносится конкретный состав сборника?

Тематически он разбит на три неравных по величине блока. Первый блок посвящен миграциям с Востока на Восток. Причем это направление миграционных перемещений исследуется преимущественно по методу *case study* — на примере относимой обычно к Внутренней или Центральной Азии Монголии как донора и Республики Кореи, интегральной части Восточной или Северо-Восточной Азии как реципиента. Это статьи Галиймы, Батцэрэн, Анны Пинигиной и Марины Балдано с соавторами. Три из этих четырех статей написаны монгольскими авторами или при их участии, а взятые вместе, четыре статьи дают общую характеристику миграций из Монголии и в Южную Корею, заостряют внимание на некоторых их потоках и особенностях, показывают процесс образования в Корее монгольской диаспоры. По пространственной локализации предмета исследования особняком стоит в первом блоке статья Николая Стеблина-Каменского, но она вполне вписывается в данный блок тематически, поскольку посвящена в основном двум проблемам, одна из которых лишь отчасти затронута в «монгольско-корейских» статьях, а вторая вообще больше в сборнике нигде не исследуется. Имеются в виду,

⁸ В момент перехода от советской эпохи к постсоветской оно было не столько приносящим, сколько обезличивающим [Панарин, 1993]. Спустя 25 лет добавились, с одной стороны, ксенофобия, с другой, растущее понимание, что и на Востоке есть для нас образцы для подражания.

во-первых, проблема реадaptации в прежнем социальном окружении вернувшихся мигрантов, во-вторых, отношение этой среды к миграции как таковой.

Во втором блоке рассматривается взаимодействие принимающего российского общества и мигрантов в Россию из Китая, Вьетнама и Центральной Азии. Читатель найдет здесь результаты социологических опросов, показывающих восприятие трансграничных мигрантов учащимися трех российских вузов (в статье Ирины Бочкарёвой и Сергея Панарина), и оценку самими мигрантами их адаптации в России (в статье Дмитрия Полетаева). Есть здесь и исторические по преимуществу статьи о двух периодах китайской миграции (статья Виктора Дятлова) и о вьетнамской диаспоре (статья Андрея Соколова). Также представлены: взгляд на трансграничную миграцию в Россию из Центральной Азии как на миграцию транснациональную (статья Сергея Абашина); сравнительный анализ западного и российского опыта волонтерского содействия взаимной адаптации мигрантов и принимающих локальных сообществ (запись совместного доклада Евгения Варшавера и Анны Рочевой с последующим его обсуждением); исследование работы Русской православной церкви с мигрантами с Востока (статья Сергея Филатова).

Последний блок образуют три статьи, написанные по результатам полевых исследований двумя российскими и одним итальянским автором. В них, в отличие от статей первого и второго блоков, главным предметом рассмотрения оказались мигранты — представители диаспор, формирующихся по миграционным каналам менее насыщенным, чем канал трудовой миграции. В статье Екатерины Деминцевой речь идет о диаспоральном «осадке» от учебной миграции в Европу из Тропической Африки. В статье Моника Перотто акцент делается на сопоставлении адаптации и идентификации двух категорий преимущественно нетрудовых русскоязычных мигрантов в Италии — прибывших с «Запада» постсоветского пространства (из России, Украины, Белоруссии, Молдовы) и с его «Востока» (с Южного Кавказа и из Центральной Азии). Наконец, статья Раисы Акифьевой посвящена изменениям, происходящим в идентичности и культурных ориентациях русскоязычных женщин на двух этапах их брачной миграции в Нидерланды — до переезда из России и после него.

Любой синопсис содержания показывает читателю не только то, что хочет показать — что в книге есть, но и то, что хотелось бы скрыть — чего

в ней нет. ТГМ настолько многогранный феномен, что охватить его во всей полноте в одном томе просто невозможно. Кроме того, научное отображение реальности, если оно хочет остаться именно научным, а не публицистическим или идеологическим, практически всегда отделено от вызвавших его событий временем, необходимым для осмысления произошедшего. Именно поэтому самое громкое миграционное событие последнего времени — миграционный кризис в ЕЭС — осталось за бортом нашего сборника. Однако помимо этой, пока еще извинительной, лакуны, в сборнике явно не хватает статей о миграционных потоках с Востока на Запад, текущих давно и регулярно и о сложившихся на их основе восточных диаспорах на Западе. Они предусматривались концепцией сборника, но, увы, так и не были написаны. Причины? С одной стороны, оказалось, что «мигрантоведы» — специалисты весьма востребованные, обременены обязательствами и не всегда успевают их выполнять. С другой — специалистов по восточной миграции немного. Соответственно, их *over-engagement* зашкаливает, и заполучить их в ряды дисциплинированных авторов крайне трудно. Сыграли свою роль и расхождения между некоторыми авторами и редактором по вопросу, какой текст можно считать полноценной научной статьей и как можно достичь искомой полноценности...

Ссылки на всякого рода препятствия и помехи можно было бы продолжить, но вряд ли стоит это делать. Лучше уведомить читателя, что миграционный проект Института востоковедения РАН данным сборником не завершается. Впереди — международная конференция по миграции, затем издание ее материалов, а в завершение — подготовка монографии, построенной на сравнении исторических и современных миграций. Надеюсь, что все эти замыслы осуществляются — и осуществляются таким образом, что необходимость ссылаться на объективные обстоятельства отпадет.

Список литературы

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992.
- Карелина Н. Нелегальная миграция мексиканцев в США: до и после НАФТА // Государство и антропоток: Интернет-альманах. 2002. URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a041.htm> (дата обращения: 01.04.2016).

- Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004.
- Панарин С. А., Бочкарёва И. Б.* Восток на Востоке, Восток на Западе и Восток в России: миграция — адаптация — идентичность // Восток. 2015. № 3. С. 160–166.
- Панарин С.* Восток глазами русских // Родина. 1993. № 4. С. 13–18.
- США, Россия, Германия и Саудовская Аравия — в числе десятки стран, принимающих наибольшее число мигрантов // Центр новостей ООН. 2013. 11.09. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20179#.UmQEdXCLiGM> (дата обращения: 11.10.2013).
- Шефтсбери.* Эстетические опыты / Сост., перевод, коммент. Ал. В. Михайлова; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. М.: Искусство, 1974 (История эстетики в памятниках).
- Barth F.* Introduction // F. Barth (ed.). *Ethnic Groups and Boundaries*. Boston: Little, Brown and Co., 1969. P. 9–38.
- Delanty G.* *Inventing Europe. Idea, Identity, Reality*. Basingstoke and London: Macmillan, 1995.

РАЗДЕЛ I
**ВОСТОК НА ВОСТОКЕ:
МОНГОЛО-КОРЕЙСКИЙ CASE
С ЭФИОПСКИМ ДОПОЛНЕНИЕМ**

МИГРАЦИЯ МОНГОЛОВ ЗА РУБЕЖ: ПОЧЕМУ ОНИ УЕЗЖАЮТ И ПОЧЕМУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ¹

В статье представлены результаты социологического исследования внешней миграции монголов, которым по методу снежного кома были охвачены бывшие и нынешние мигранты. Задавались вопросы, касающиеся их пола, возраста, страны проживания за рубежом, уровня образования, целей приезда, легальности трудовой деятельности. Среди респондентов были высококвалифицированные специалисты, техники, научные работники, даже цирковые артисты. Опрос отразил усложнение структурных характеристик, отличающих современные потоки трудовой трансграничной миграции монголов, показал особенности использования их труда по месту выезда. Однако главное внимание в исследовании и в написанной по его результатам статье было уделено выявлению и анализу конкретных комбинаций выталкивающих и притягивающих (push — pull) факторов, учитываемых мигрантами при принятии решений о выезде на заработки за границу и о возвращении на родину.

Ключевые слова: потоки и противотоки внешней миграции, выталкивающие и притягивающие факторы, причины выезда и возвращения.

Прошло более полувека со времени опубликования Эвереттом Ли статьи [Lee, 1966], в которой впервые было отмечено большое значение при принятии людьми миграционных решений так называемых выталкивающих и притягивающих факторов (push — pull factors), однако в литературе по миграции им по-прежнему уделяется значительное внимание². В миграционной теории они заняли такое же почетное место, что и законы Эрнста-Георга Равенштейна³.

¹ Статья написана автором на русском языке, литературная редакция Сергея Парина.

² См., напр.: [Push and pull... 2000].

³ Э.Г. Равенштейн — английский статистик и демограф немецкого происхождения, в 1880-х гг. опровергнувший прежнее представление о миграции как об абсолютно

В самом общем виде выталкивающие факторы определяются как «сила, побуждающая людей уехать из одного места», притягивающие — как «то, что влечет их к новому месту» [Push — Pull... 2015]. Или: выталкивающие факторы — это те, что «побуждают людей оставить место рождения и поселиться где-то еще», притягивающие — те, что «привлекают мигрантов в новые места» [Higgins, 2015]. Само же решение о переезде, независимо от того, совершится ли он внутри одной страны или из одной страны в другую, «в конечном счете — результат взаимодействия между выталкивающими и притягивающими факторами» [Schott, 2015].

Я намеренно взяла приведенные выше цитаты с первой страницы результатов по набранному в поисковой строке Яндекса запросу «push pull factors». Целью было показать: это понятие, хотя ему всё еще дается специальное объяснение в словарях [Push — Pull...] и популярных статьях [Higgins, 2015], широко распространено и прочно связано с представлением о миграции. Уже почти само собой разумеется, что в любом тексте о ней эти факторы должны занимать центральное положение либо обязательно быть выделены.

В действительности факт миграции не есть результат только индивидуального решения, принимаемого после сопоставления выталкивающих и притягивающих факторов. На процесс миграции ощутимо влияют государство и различные институты. «Индивиды не могут свободно манипулировать иммиграционной политикой, правилами въезда в ту или иную страну — а именно этим в значительной мере определяется решение о миграции» [В движении... 1999, с. 85]. Тем не менее, роль выталкивающих и притягивающих факторов, даже если не считать ее решающей, остается чрезвычайно важной. В первую очередь она важна в тех ситуациях, когда миграционный режим⁴ в стране выезда способствует миграции, а в странах приезда, как минимум, не блокирует трансграничные передвижения.

Современная Монголия — страна с либеральным миграционным режимом. Такой она стала благодаря переменам, произошедшим

хаотическом движении и впервые сформулировавший ряд ее законов, ставших со временем общепризнанными. Подробнее см.: [Абылкаликов, Винник, 2012].

⁴ Миграционный режим образуют законодательно устанавливаемые правила выезда, допуска и пребывания мигрантов в местах въезда, а также процедуры контроля над выполнением этих правил, осуществляемые организациями, наделенными такими полномочиями. Подробнее см. [В движении... 1999, с. 14–29].

в ней после Демократической революции 1990 г. В последние 20–25 лет Монголия активно участвует в международном миграционном процессе одновременно как донор и реципиент, и участие в качестве донора обеспечивается в первую очередь индивидуальными решениями ее граждан. Поэтому ответ на вопрос, какие факторы оказываются для граждан Монголии выталкивающими, какие — притягивающими, был и остается актуальным при исследовании их трансграничной миграции. Однако цель небольшого социологического исследования, по материалам которого написана настоящая статья, была иной. Соответственно, и комбинация факторов в ней отличается от общепринятой. Как видно из приведенных выше определений, под выталкивающими понимаются факторы, локализуемые мигрантом там, откуда он уезжает, а под притягивающими, — там, куда направляется. В моей же статье выявляются *причины выезда* и *причины возвращения*, что предполагает соединение выталкивающих и притягивающих факторов в одну совокупность и при движении «туда», и при движении «обратно». Такой подход позволяет вывести выталкивающие факторы в стране прибытия и притягивающие в стране выбытия из тени, в которой они часто остаются, несмотря на то что им принадлежит не менее важная роль в формировании *противотоков* миграции, чем факторам выталкивания страны происхождения и факторам притяжения страны назначения — при формировании ее *потоков*.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов, для лучшего понимания феномена международной миграции граждан Монголии я приведу некоторые данные, показывающие ее количественные параметры.

Масштабы и направления внешней миграции монголов

В миграционных процессах участвует значительная часть населения страны, мигранты во многом формируют облик современной и заграничной Монголии. Большие масштабы приобрела образовательная и трудовая миграция в соседние и отдаленные страны. Уже сейчас общины выходцев из Монголии сложились в Южной Корее, США, ряде стран Европы, в России. По данным Комитета национальной статистики, в 2010 г. при всем населении Монголии в 2 млн 755 тыс. человек насчитывалось 107 410 ее граждан, свыше шести месяцев находившихся на легальных основаниях более чем в 20 странах [Ochirsukh, 2015].

Более крупную цифру дают исследователи из Монгольского национального университета: по их оценке, в 2013 г. легально работали и учились за границей около 150 тыс. монголов [Солонго, 2014]. Больше всего их было в Южной Корее — около 40 тыс. человек, далее следуют США — 28 тыс., Россия — около 6 тыс., Чехия — 5873 человека, Китай — 5500, Япония — 5600 человек [Гадаад дахь... 2011].

Прошедшие регистрацию трудовые мигранты образуют лишь часть миграционного потока. Многие монголы в Корее, Японии и США работают без официального разрешения. В одной только Южной Корее насчитывается 7785 нелегальных монгольских мигрантов, в США их свыше 9 тыс. Но по другим странам такого рода данные отсутствуют, поэтому невозможно назвать точное число монголов, выезжающих на работу за границу. Не слишком помогают и социологические опросы: мигранты, живущие нелегально, не хотят лишних проблем, поэтому не идут навстречу тем, кто эти опросы проводит. Оценочно общее число участвующих во внешней миграции монголов с учетом нелегалов составляет не менее 200 тыс. человек, или 7,25% от общей численности населения страны⁵.

Как правило, монголы-студенты, официально не числящиеся трудовыми мигрантами, подрабатывают в качестве чернорабочих в промышленности и в сельском хозяйстве принимающих стран. Поэтому не будет преувеличением сказать, что в массе своей монгольские мигранты за рубежом вовлечены в трудовую миграцию — в категорию территориальных перемещений людей, которые при переселении стремятся найти на новом месте работу с заработной платой, позволяющей решить экономические проблемы там, где они жили прежде, либо возникающие по месту нового жительства.

Труд пребывающих за рубежом монголов положительно влияет на благосостояние их оставшихся дома родных и близких. С 2000 г. объем денежных средств, перечисляемых трудовыми мигрантами через банковские системы, растет постоянно. Уже в 2004 г. сумма зарегистрированных переводов монгольских трудовых мигрантов составила 10% ВВП страны [БНЧУ-д... 2014]. В 2013 г. одни только монголы, находящиеся в США легально и нелегально, отправили домой 129,6 млн долларов [Гадаадад буй... 2012].

⁵ Подсчитано по [Гадаадад 120... 2013; Ochirsukh, 2015].

Характеристика респондентов

Было опрошено 135 трудовых трансграничных мигрантов, включая нелегальных, подавляющее большинство из них — посредством анкетирования. Использовался метод снежного кома: первые анкеты я отправила по электронной почте своим знакомым, находившимся на работе за рубежом, а затем каждый из них порекомендовал еще одного или нескольких человек, которым можно было переслать анкету, будучи уверенным, что те ее заполнят. Всего вернулось 127 заполненных анкет, полученные ответы были обработаны на программе SSPM-17. Я также взяла восемь развернутых интервью у вернувшихся мигрантов и одно — у девушки-мигрантки, приехавшей в отпуск.

Все опрошенные являются этническими монголами. Из них 113 человек (83,7%) находились или находятся в принимающих странах в соответствии с законом, 22 человека (16,3%) — в обход его.

Возрастная структура монгольских мигрантов, охваченных исследованием, выглядит следующим образом (рис. 1): от 18 до 24 лет — 47,4%, от 25 до 35 — 25,9%, от 36 до 44 — 14,1%, от 45 до 60 лет — 5,2%, 61 год и более — 7,4%. Как видим, самым активным сегментом

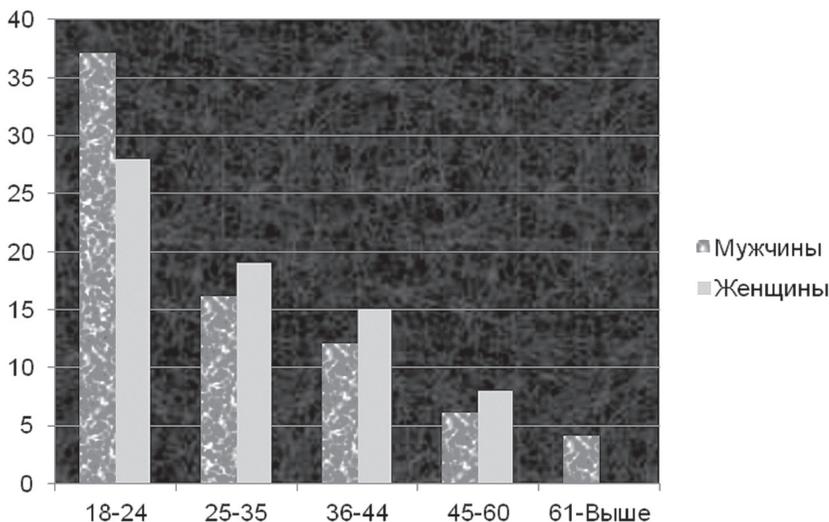

Рис. 1. Распределение респондентов по полу и возрасту (%)

внешней миграции из Монголии выступают молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет: на их долю приходится почти $\frac{3}{4}$ всех мигрантов в выборке — 73,3%.

Также обращает на себя внимание тот факт, что во всех возрастных категориях, кроме первой и последней, среди мигрантов преобладали женщины. Сегодня многие женщины едут за границу с мужьями, чтобы трудиться наравне с ними, потому что надо заработать много и быстро, например на дом и машину на родине. Всё чаще приезжают на заработки женщины, у которых семья осталась в Монголии или которые развелись с мужьями, и совсем молодые девушки. А одна из моих собеседниц, Э., 50 лет, рассказала, что впервые она приехала в Корею 13 лет тому назад после того, как уехавший на заработки муж прислал ей за год всего 300 долларов. Она выяснила, что он стал много выпивать, поэтому-то деньги и не приходили, и решила, что должна быть рядом с мужем, чтобы следить за его расходами.

Семью имели 59 человек, т.е. почти половина респондентов (43,7%).

Уровень образования мигрантов выглядит следующим образом. Высшее образование имели 75 человек (55,5%), среднее профессиональное — 15 (11,1%), полное среднее — 44 человека (32,5%), базовое среднее — 1 (0,74%), с начальным образованием не было ни одного человека. Видно, что уровень образования выезжающих за границу заметно превосходит уровень образования всего населения Монголии, в составе которого высшее образование имели в 2010 г. 19,8%, среднее профессиональное — 9,2%, полное среднее — 34,6%, базовое среднее — 19,3% и начальное — 17,0% [Ochirsukh, 2015].

Из общего числа опрошенных 93 выезжавших работать за границу были из Улан-Батора, в общей сложности 15 человек было из Эрдэнэта и Дархана⁶ и еще 17 — из других аймачных (областных) центров, семь — из поселков, и всего три — непосредственно из сельской местности. Эти цифры подтверждают широко распространенное в Монголии мнение, что жители Улан-Батора, мигрируя, отправляются преимущественно за границу, выходцы из аймачных центров — в столицу, а выходцы из сомонных (районных) центров — в аймачные.

⁶ Эрдэнэт, с 86,9 тыс. жителей (данные середины 2013 г.) и Дархан с 74,3 тыс. (тогда же) являются, соответственно, вторым и третьим по численности населения городами Монголии. См. [Population... 2015].

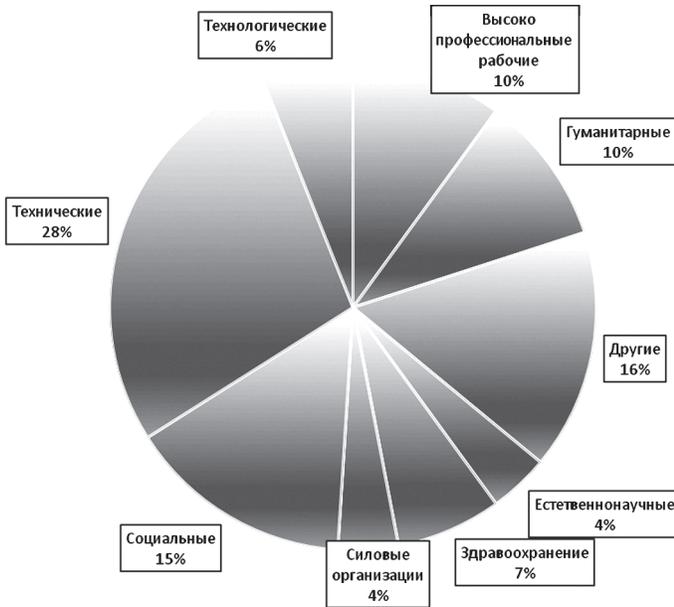

Рис. 2. Распределение респондентов по группам специальностей (%)

Хорошо видно (рис. 2), что активнее других социально-профессиональных групп населения мигрировали молодые интеллигенты и профессионально подготовленные рабочие с высоким уровнем квалификации. Но смогли ли они работать за рубежом по специальности, в соответствии со своей квалификацией? Как свидетельствуют полученные данные, многие респонденты вынуждены были специальность сменить. Исследование довольно наглядно показало, какие профессии мигрантов востребованы в странах-реципиентах. Если оставить в стороне специфический случай двух цирковых артисток, работающих по контракту в цирке в ЮАР, группы профессий, пользующихся спросом, в основном сосредоточены в сфере строительства, в сфере предоставления коммунальных (муниципальных) и бытовых услуг, в сферах розничной торговли и общественного питания, швейного и текстильного производства. Среди наиболее востребованных оказались и технические профессии – сварщики, специалисты по ремонту автомобилей, рабочие-металлисты, машинисты. Любопытно, что такая структура спроса на труд за рубежом близка структуре внутреннего спроса.

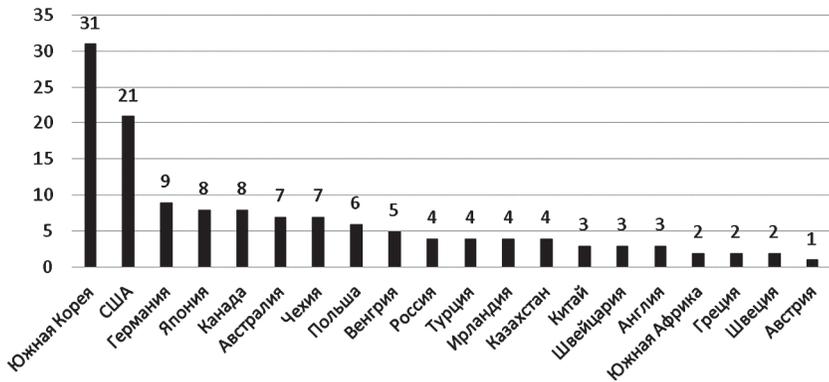

Рис. 3. Распределение респондентов по странам пребывания (%)

Опрошенные мигранты отправлялись искать счастья в индустриально развитые или быстро приближающиеся к этому уровню страны (рис. 3). С учебной целью мигрировали 28,9% респондентов, среди отправившихся в Китай и Россию выезжавшие для получения образования вообще составили большинство. Основная часть мигрантов в США выехала в 1990–2000-х гг., затем США ужесточили свое миграционное законодательство, и теперь легально попасть туда сложно. Приехать в Европу легче, хотя европейские страны также ужесточают миграционное законодательство. Но всё же многим гражданам Монголии удается попасть в Европу, остаться там, получить разрешение на учебу и/или работу и осуществлять свою трудовую деятельность.

Выезд и возвращение: соотношение притягивающих и выталкивающих факторов

Еще Ли отмечал, что не столько реальные факторы притяжения и выталкивания определяют решение о миграции, сколько их **восприятие** человеком, это решение принимающим [Lee, 1966, p. 51]. На мой взгляд, то же самое справедливо и в отношении факторов, влияющих на решение о возвращении мигранта в страну выезда. И такая субъективность восприятия ярко проявилась как в наборе факторов, по мнению самих респондентов обусловивших выезд/возвращение, так и в соотношении внутри этого набора притягивающих

и выталкивающих факторов и в относительной силе каждого из них (рис. 4–5).

В анкете заранее были предложены возможные ответы на вопросы о причинах выезда и возвращения, респондентам оставалось только выбрать от одной до трех причин, и большинство предпочло ограничиться одним ответом. Безусловно, такой способ получения ответов отчасти их обеднял, но решено было все-таки к нему прибегнуть, поскольку предложенные формулировки причин были составлены на основании предыдущих исследований такого рода, где респонденты давали свободные ответы на открытые вопросы.

Бросается в глаза различие между структурами ответов о факторах выезда и возвращения. Проявляется оно двойко. Во-первых, в том, что в структуре ответов о факторах возвращения все ответы однозначные, а в структуре ответов о факторах выезда есть такие, которые могут быть интерпретированы как факторы, явно притягивающие, а неявно — указывающие на выталкивание. Таковы, например, ответы «жить в высокоразвитых, безопасных странах», «дать хорошее образование детям» и «работать на престижную международную организацию». Они подразумевают, что в Монголии жизнь небезопасна, образование — не слишком качественное, а представленные в Монголии международные организации либо не пользуются престижем, либо их возможности найма монголов незначительны. Во-вторых, когда речь шла о выезде, в восприятии опрошенных присутствовал единственный однозначно выталкивающий фактор — низкий уровень жизни

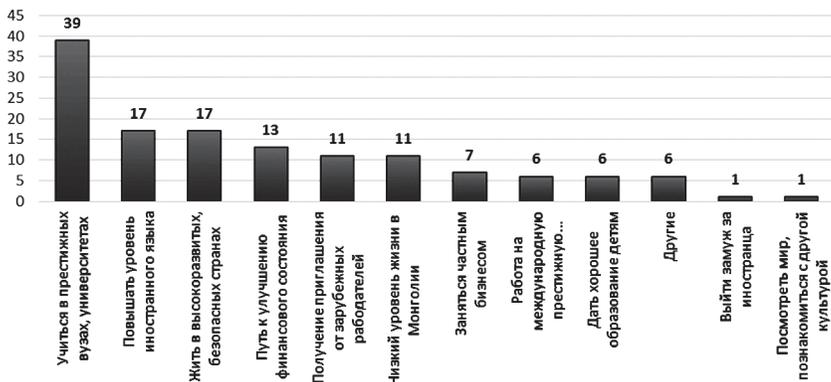

Рис. 4. Причины выезда: распределение ответов ($n = 135$)

Рис. 5. Причины возвращения: распределение ответов (n = 135)

в Монголии, отмеченный в 11% полученных ответов. При объяснении же решения о возвращении было отмечено несколько однозначных по своему значению факторов выталкивания из принимающей страны, по значимости распределившихся следующим образом: 1) завершение обучения (встречается в 20,7% ответов); 2) окончание срока контракта (в 8,8% ответов); 3) депортация (в 3%); 4) отсутствие работы (в 2,9% ответов); 5) ухудшение здоровья (в 1,4%).

Получается, что при принятии решения об отъезде в восприятии мигрантов-респондентов абсолютно преобладали факторы притяжения, локализуемые в стране приема. Тогда как при принятии решения о возвращении факторы притяжения родиной (отмечены в 86% анкет) хотя и превосходили по силе факторы выталкивания «чужбиной» (в 46%), но далеко не в столь значительной степени, как в ответах о причинах выезда.

Стоит также заметить, что в ситуации выезда факторы притяжения не были опосредованы личным опытом. Решающее значение при

выборе ответа на вопрос, ехать или не ехать, имело *наведенное знание* — полученное от друзей, знакомых, родственников либо из СМИ. И в плане удержания, и в плане выталкивания оно оказалось более важным, чем знание или, точнее, представление, обретенное лично, непосредственно по месту жительства. Ситуация возвращения дает иную картину: и то, что выталкивает из страны въезда, и то, что притягивает в страну выезда, хорошо известно по личному опыту. Вместе с тем не следует забывать о специфическом влиянии ретроспективных оценок. При воспоминании о том, как принималось решение о выезде, в сознании минимизировался негатив, выталкивавший из Монголии, на первый план выходили те стороны пребывания в ней, которые вызвали положительные эмоции.

Наконец, стоит обратить внимание на особую роль высшего образования в миграционных стратегиях респондентов. Оно лидировало и как цель при принятии решения о выезде (упомянуто в 28,8% ответов), и как результат при принятии решения о возвращении домой (в 20,7%). Впрочем, учитывая преобладание среди респондентов молодежи и традиционно высокий статус образования в монгольской культуре, нас это не должно удивлять.

Минусы и плюсы пребывания за рубежом

Из интервью со своими респондентами я немало узнала и об основных проблемах мигрантов в местах прибытия. К значимой группе проблем, так сказать, личного характера, они относят сложную для их понимания систему регистрации, собственную низкую правовую грамотность и недостаточную профессиональную подготовку, незнание и слабое знание языка. Другие проблемы — объективные, мигрантам не подконтрольные. По их мнению, это финансовые затруднения, трудности, возникающие в процессе поиска работы, плохие жилищно-коммунальные условия, отношения с миграционной полицией, а также дискриминация на рабочем месте.

Сюда же может быть отнесена и проблема дипломов. Современные международные стандарты, касающиеся трудящихся-мигрантов, включают положения о признании их профессиональной квалификации, полученной за пределами страны трудоустройства. Между тем в интервью респонденты отмечали, что дипломы и аттестаты, выданные им в Монголии, далеко не всегда рассматриваются в стране

назначения как эквивалентные национальным дипломам. Это относится к дипломам о высшем образовании, равно как и к аттестатам и дипломам, выданным профессиональными училищами. Опрос подтвердил, что работодатели зачастую нанимают монгольских мигрантов, независимо от их дипломов или аттестатов, на менее квалифицированную работу, чем та, на которой они работали или которую могли бы получить в Монголии. Ограничусь одним примером из интервью с респондентом М., 46 лет:

Я работал в Корее сварщиком, зарабатывал достаточно. Меня уважали за то что у меня высшее образование и умелые руки... Однако многие монголы часто занимают низкооплачиваемые рабочие места, которые не являются привлекательными для местных рабочих кадров. Многие из этих рабочих мест существуют в неформальной экономике, где работники трудятся без официального трудового договора.

Несмотря на проблемы, мигрантов из Монголии, если судить по устной информации, полученной во время бесед с ними, отличают высокая мобильность и адаптивность. Они активно осваивают социальное и культурное пространство городов, в которых живут, в особенности инфраструктуру потребления и развлечений эконом-класса. В любой стране они быстро находят большие супермаркеты, привлекающие их невысокими ценами на продукты и другие товары повседневного спроса, а выходные проводят не только в гостях у друзей, но часто встречаются и в дешевых кафе или пабах. Появились также кафе и рестораны, созданные самими мигрантами и для мигрантов; там они собираются, чтобы отпраздновать дни рождения или свадьбы. Любят они также осматривать достопримечательности городов проживания; появляются у них и излюбленные места в этих городах. Так, одна из моих собеседниц, женщина 27 лет, обосновавшаяся в Пусане (Южная Корея), на вопрос, где она любит гулять, ответила, что ее любимое место — море и что каждый раз, когда у нее есть свободное время, она старается бывать на его берегу. Когда ей грустно, хочется домой, она тоже приезжает на море.

Главный положительный результат миграции в представлениях самих мигрантов по-прежнему заключается в потоке денежных переводов, посылаемых ими в Монголию. Направляются они в основном на цели потребления, однако в последнее пятилетие усилилась тенденция к инвестированию заработанных за границей средств в развитие малого бизнеса [Гадаадад буй... 2012].

Таблица 1

Распределение респондентов по полу и возрасту и по частоте и диапазону величин их переводов (человек)

Группы по возрасту	Группы по полу	Частота отправки / диапазон величин переводов (долл. США):			
		ежемесячно, 100–800	ежеквартально, 801–1600	раз в год, 1601–15 000	другое
18–24 лет	Мужчины	7	2	3	24
	Женщины	3	5	0	20
25–35 лет	Мужчины	8	4	1	3
	Женщины	9	3	1	6
36–44 лет	Мужчины	2	2	1	1
	Женщины	4	1	1	7
45–60 лет	Мужчины	1	1	0	1
	Женщины	4	3	0	0
61 +	Мужчины	2	1	2	0
	Женщины	0	0	0	2

Отправляли в Монголию часть заработанных ими средств несколько более половины опрошенных мигрантов — 71 человек (табл. 1). При этом ежемесячно посылали деньги домой 40 респондентов, 22 делали это каждый квартал, 9 — лишь раз в году, но регулярно, а 11 — нерегулярно. Еще 40 респондентов вообще не отправляли денег, а 13 человек не только ничего не посылали домой, но, наоборот, получали финансовую поддержку из дома, со стороны родителей или родственников. Величина переводов колебалась в значительной мере в зависимости от их частоты. Около 1/3 респондентов отправляли домой от 25 до 35% заработка, еще 1/6 — от 50 до 62%. О том, что возможность выезжать на заработки позволила повысить материальный достаток их семей, заявили 70% опрошенных трудовых мигрантов.

Чаще других хотят поскорее вернуться домой — и на деле возвращаются — мигранты старших возрастов. Молодые мигранты тоже отвечали, что хотят вернуться, но их останавливает отсутствие в родной стране работы, и многим из них жизнь за границей кажется интереснее, чем на родине.

Вообще желание вернуться далеко не всегда приводит к реальному возвращению. Особенно это верно по отношению к монгольским мигрантам, обосновавшимся в Западной Европе и в США: они могут

позволить себе остаться и в случае потери работы, так как имеют дома либо комнаты или квартиры в социальных домах, могут также рассчитывать на социальные пособия. Мигранты, живущие в Корее, Китае, России, таких перспектив не имеют. Они просто не могут остаться, так как способны жить там, где устроились, лишь до тех пор, пока работают или учатся. Ведь им необходимо снимать жилье и платить за него, оплачивать медицинские услуги и т. д.

Заключение

Вернемся к единственному среди выявленных исследованием однозначному выталкивающему фактору по месту выезда — к низкому уровню доходов. Его «одиночество» в значительной мере определяется тем, что он вобрал в себя несколько сильнодействующих факторов. Часть из них четко локализуется внутри Монголии: 1) относительная дешевизна трудовых услуг; 2) низкая производительность труда; и 3) как следствие первого и второго — относительная узость сферы вознаграждающей занятости. Эти факторы создают немало затруднений гражданам Монголии в реализации их жизненных планов и устремлений, поэтому у многих возникает желание решить свои проблемы кардинальным образом — уехать на временные заработки в другую страну или даже навсегда сменить место жительства. Как показало исследование, особенно характерны такие намерения для молодежи; но их разделяет и часть людей зрелого возраста, т. е. те, от кого в настоящее время страна получает наибольшую трудовую отдачу.

И всё же решающее значение, на мой взгляд, имеют выталкивающие факторы, не поддающиеся четкой пространственной локализации, заявляющие о себе и в Монголии, и вне ее. Их можно определить как разрывы между ситуацией в стране выхода и в странах прихода.

Тут в первую очередь следует указать на разрыв между Монголией и странами приема по размеру ВВП на душу населения. В этом показателе в обобщенной форме отражены главные значимые для мигрантов разрывы: в уровнях экономического развития Монголии и стран-реципиентов; в величине доходов, доступных «там» и «здесь»; в степени развитости институциональной и правовой инфраструктуры, влияющей на положение в области трудовых отношений и социальной защиты трудящихся, в том числе не имеющих работы.

Прослеживается прямая пропорциональная связь между изменением подушевого ВВП и динамикой миграции. Если первый снижается, скажем, на 1 %, объем трудовой миграции увеличивается на 0,7 % [Галиймаа, 2009, х. 6] Однако эта связь между ВВП и миграцией в отпускающей стране сохраняется только при том условии, что в принимающей стране экономика растет, в противном случае связь уничтожается. Об этом свидетельствуют и взятые мной интервью. В них респонденты признавали, что в последние четыре года возвращались в Монголию из-за ухудшения экономического положения в странах-реципиентах.

Завершая, напомним о том, что, по итогам исследования, в каждом пятом ответе респондентов на вопрос, почему они вернулись, фигурировали два взаимосвязанных стремления — применить на родине полученные знания и навыки и повысить свой социальный статус. Это немало, и есть все основания предположить, что аналогичными соображениями руководствуется также немалая часть тех, кто в качестве причины возвращения указал окончание учебы. Раз они уезжают, значит, их достигнутая теперь цель заключалась именно в том, чтобы не просто получить образование, но так или иначе использовать его плоды на родине. Значит, есть все основания ожидать, что возвращение специалистов и работников с новыми компетенциями, полученными в странах иммиграции, будет способствовать улучшению качества человеческого капитала в Монголии.

Список литературы

- Абылкаликов С.И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть: Онлайн-издание. 2012. № 12. С. 1–19. URL: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2012--12/71249233.htm> (дата обращения: 13.11.2015).
- БНЧУ-д ажиллаж, амьдарч буй монгол иргэдийн мөнгөн гуйвуулгын хэмжээг тооцоолох түүвэр судалгаа. URL: <http://www.mongolbank.mn/documents/statistic/externalsector/samplesurvey/BOPczech.pdf> (last visited on 17.10.2014).
- В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / Под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарина. М.: Наталис, 1999.
- Гадаад дахь монголчууд // News.mn. 2011. 27.05. URL: <http://www.news.mn/content/68586.shtml> (last visited on 11.10.2014).

- Гадаадад 120 гаруй мянган Монголчууд хөдөлмөр эрхэлж байна // Vip76. 2013. 21.05. URL: vip76.mn/content/17154 (last visited on 13.11.2014).
- Гадаадад буй монголчуудын тулгамдсан асуудлууд // www.tsahimurtuu.mn. 2012. 10.05. URL: <http://www.tsahimurtuu.mn/2012-05-10-04-48-56/1651-archive-story-1463> (last visited on 12.11.2014).
- Галиймаа Н.* Орчин үеийн миграцийн онолууд // Монголчууд гадаадад: миграци / Олон улсын «Монголия на перекрестке внешних миграций» 5-р хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар хот, 2009.
- Солонго Ч.* Гадаадад байгаа монголчуудын хүүхдүүдийн монгол хэлний боловсролын асуудлаар төрийн өндөрлөгүүдэд хандсан захидал. URL: http://mgleuro.com/public/posts_view.html/135402587123 (last visited on 12.11.2014).
- Higgins J.* Push and Pull Factors // Heritage. Newfoundland & Labrador. URL: <http://www.heritage.nf.ca/articles/society/push-pull-factors.php> (last visited on 08.10.2015).
- Lee E.S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No 1. P. 47–57.
- Ochirsukh Ya.* Mongolia 2010 Population Census: Main Findings // Catalog. ihsn.org. URL: [Mongolia2010populationsensusmainfindings-130118030955-phpapp02.pdf](http://ihsn.org/Mongolia2010populationsensusmainfindings-130118030955-phpapp02.pdf) (last visited on 14.11.2015).
- Population of Mongolia 2013. URL: <http://www.populationfun.com/mongolia-population/> (last visited on 24.11.2015).
- Push-Pull Factors – Definition // About Education. URL: <http://geography.about.com/od/geographyglossaryp/g/ggpushpull.htm> (last visited on 08.11.2015).
- Push and pull factors of international migration: A comparative report / Eurostat – NDI. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2000.
- Schott S.* Migration: The Push and Pull Factors. URL: http://www.ehow.com/info_8069131_push-pull-factors-migration.html (last visited on 09.11.2015).

Цэнд-Аюш Батцэрэн

Монголия: влияние трансграничной трудовой миграции на воспитание детей

После 1990 г. граждане Монголии активно включились в международные потоки трудовых мигрантов. При этом за рубеж выезжает много монголов, имеющих детей дошкольного и школьного возраста. Долгое отсутствие одного из родителей или обоих не может не влиять на состояние их детей, которых в Монголии называют «оставленные дети». Автором статьи было проведено небольшое исследование, целью которого было выяснить, как разлука с родителями-мигрантами сказывается на их детях. Исследование подтвердило вывод, полученный на материалах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии: международная трудовая миграция родителей не обязательно сопряжена для детей мигрантов с ухудшением всех сторон их жизни. На жилищные условия и процесс обучения обследованных детей миграция влияла положительным образом, как минимум, не приводила к изменениям в худшую сторону. Вместе с тем выяснилось, что есть признаки отрицательного влияния родительской миграции на умственные способности детей и их психологический статус, на процессы их социализации и формирования характера.

Ключевые слова: миграция, работа за границей, дети мигрантов и их психология, влияющие факторы.

Трансграничная миграция рабочей силы — явление, широко распространенное во всем мире. Она представляет собой процесс перемещения людей из одной страны в другие страны с целью трудоустройства на более выгодных условиях, чем в стране происхождения. Помимо экономических мотивов процесс трансграничной миграции обуславливается соображениями политического, этнического, культурного, семейного и иного характера. Эффекты трудовой миграции за рубеж не менее разнообразны, чем ее причины. В первую очередь бросается в глаза экономический эффект. Суммарные денежные переводы мигрантов — выходцев из развивающихся стран превышают

как размеры официальной помощи, получаемой этими странами, так и чистый приток частного капитала и растут непрерывно. В 2002 г. превышение по первому показателю было более чем двукратным, по второму — более чем десятикратным [Carug, Mchale, 2003]. К концу 2013 г. сумма переводов стала больше суммы помощи уже в три раза [Remittances... 2014]. Еще более высокими темпами увеличивается абсолютная масса мигрантских переводов. В докризисном 2005 г. общая ее величина составила, по данным Всемирного банка, 257 млрд долларов, и около 188 млрд, или 73 %, были отправлены в развивающиеся страны [Remittances... 2006]; в 2014 г., несмотря на кризис, эта сумма достигла отметки в 582 млрд долларов, из которых 454 млрд (78%) пришлись на долю развивающихся стран [Remittances... 2014].

В то же время не следует забывать, что трудовая миграция ощутимо влияет на образ жизни остающегося дома населения отпускающей страны, в первую очередь — на положение и состояние членов семей тех, кто в поисках вознаграждающей занятости уехал работать за границу. Цель исследования, на основе которого была написана данная статья, как раз и заключалась в том, чтобы получить информацию, способствующую лучшему пониманию одного из аспектов этого влияния — установить, какие проблемы миграция создает для одной из самых уязвимых групп населения, детей мигрантов.

Трансграничная миграция граждан Монголии

После падения социализма в Монголии для ее граждан открываются новые возможности, в том числе свобода перемещений. С каждым годом возрастает количество желающих путешествовать и учиться за границей, создать там семью, эмигрировать или временно работать за рубежом. Основные факторы, побуждающие граждан Монголии к участию в ТГМ, — это безработица, низкий уровень заработной платы, долги, стремление улучшить жилищные условия, дать образование детям, избавиться от продовольственной уязвимости, заработать на лечение. Когда среднемесячная зарплата в Монголии на середину 2015 г. — 853,9 тыс. тугриков [Дундаж... 2015], а в территориально близкой Южной Корее она у работающих мигрантов уже двумя годами ранее была в два-три раза выше [Сун Чи Ёнг, 2013], не приходится удивляться, что многие выбирают миграцию.

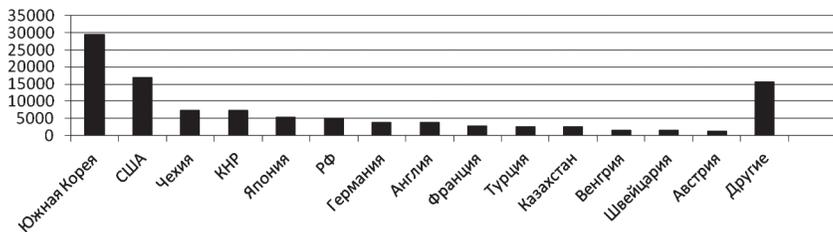

Рис. 1. Численность проживающих за рубежом граждан Монголии по странам пребывания (тыс. чел.). Источник: [Хун ам..., 2011, х. 47–48]

По заявлению вице-президента Монгольской конфедерации профсоюзов Х. Амгаланбаатара, граждан Монголии, проживающих за рубежом шесть месяцев и более, в 2013 г. было 120 тыс. человек [Гадаадад 120... 2013]. Находились они более чем в 20 странах мира, больше всего их было в Южной Корее – 29 534 человека (рис. 1). У 41,3% поездок за границу являлась работа, у 37% – учеба, у 21% – лечение и у 0,7% – иные цели. Среди тех, у кого целью выезда была работа, у 46,3% был трудовой контракт, 47,5% – вели предпринимательскую деятельность, остальные 6,2% находились в командировке [Хун ам... 2011, х. 51].

Среди монголов, проживающих за рубежом, больше женщин, чем мужчин (соответственно 53,6 и 46,4%), и это преимущественно характерно практически для всех возрастных категорий (рис. 2).

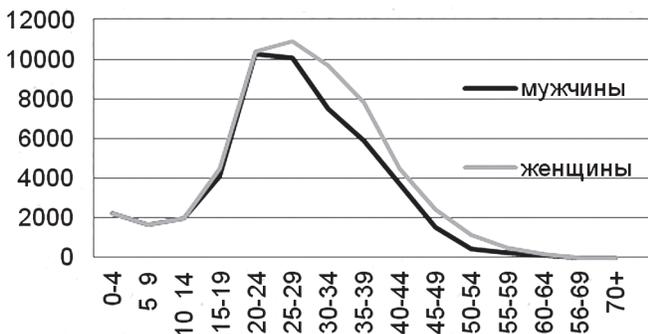

Рис. 2. Половозрастное распределение монгольских граждан, проживающих за рубежом (тыс. чел.). Источник: [Хун ам... 2011, х. 49]

Большинство мигрантов, как женщин, так и мужчин, находятся в возрасте от 20 до 40 лет, т. е. принадлежат к категориям населения, которые образуют основной массив людей, состоящих в браке и имеющих детей.

Влияние трудовой международной миграции родителей на детей: что показывает мировой опыт

В проведенном в 2000 г. статистическим бюро ЕС «Евростат» и Нидерландским междисциплинарным демографическим институтом совместном исследовании международной миграции при определении базовой единицы этого исследования было подчеркнуто следующее [Push and pull... 2000, p. 89]: «Понятие семейного домохозяйства было расширено, чтобы охватить им не только тех, кто вместе живет и сообща обеспечивает самые необходимые средства к существованию и всё прочее, нужное для жизни, но также и тех, кто на текущий момент проживает где-либо еще, однако их главные обязательства замыкаются на этом домохозяйстве, где от них ждут, что они в будущем вернуться в него или же примут ведущую его семью у себя». В данном определении отразились инновации, внесенные в миграционные исследования авторами концепции транснационализма, делающими акцент именно на связях между мигрантами «там» и оставленными ими семьями «здесь»¹. Впрочем, представление о семье, которая, если судить по направленности и протяженности связей между ее членами, словно пересекает в процессе своего воспроизводства государственные границы, актуально для нашего исследования независимо от тех или иных концептуальных подходов.

Наш исследовательский акцент всё же смещен в сторону семей, оставленных мигрантами дома. На первый взгляд, эти семьи участвуют в процессе миграции пассивно — просто тем, что не препятствуют отъезду их членов. На самом деле они редко остаются в стороне и от принятия решения о миграции, и от его осуществления. Помимо прочего, вклад отпускающей семьи в международную миграцию заключается и в том, что родственники мигрантов, имеющих детей, берут на себя заботу об этих детях, следовательно, влияют на их физическое и умственное развитие.

¹ Подробнее о концепции транснационализма см. статью Сергея Абашина в настоящем сборнике.

По мере расширения масштабов международной миграции всё чаще появляются работы, посвященные различным сторонам вопроса о воздействии миграции родителей на детей. Так, Реанна Франк и Роберт Хаммер, изучив здоровье детей мигрантов в Мексике, пришли к выводу, что «дети в мигрантских домохозяйствах защищены от риска родиться с малым весом», и достигается это «главным образом посредством переводов мигрантов», благодаря которым обеспечивается нормальное питание матерей [Frank, Hummer, 2002, p. 746]. В Мексике и некоторых других странах Латинской Америки в середине — второй половине 2000-х гг. была проведена серия исследований, целью которых было выяснить, как на положение детей влияют денежные переводы их родителей. Оказалось, что по сравнению с детьми, родители которых не посылают домой денежные переводы, дети в семьях, такие переводы получающих регулярно, отличаются большим физическим здоровьем, имеют лучшие возможности для учебы, не заняты на тяжелых физических работах [Acosta et al., 2007].

Еще раньше стало предметом исследования положение детей мигрантов в странах Юго-Восточной Азии. Его автор тоже считает, что «миграция родителей улучшает материальные условия оставленных ими детей, что может положительно сказываться на здоровье и обучении детей, тогда как социальные издержки [отсутствия родителей] существенно смягчаются благодаря подключению расширенных семей». Иное дело — дети, мигрирующие вместе с родителями: их положение зачастую отличается в худшую сторону от положения сверстников на родине [Bryant, 2005, p. 15].

Дети монгольских мигрантов: что показало исследование

В Монголии дети родителей, уезжающих работать за границу, остаются на попечении бабушек, дедушек и других родственников, если уехали оба родителя; матери, если уехал отец; или отца, если уехала мать. Нередко этих детей так и называют *тавиул хуухэд* («оставленные дети»). Их положение и состояние изучены слабо, данных на этот счет почти нет. Было высказано мнение, что в положении «оставленных детей» происходят три серьезных изменения: нарушаются права ребенка, отъезд родителей препятствует нормальному развитию детей и негативным образом влияет на их физическое здоровье

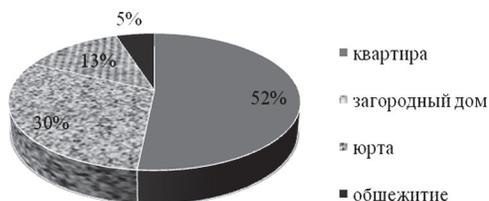

Рис. 3. Распределение опрошенных детей по разным типам жилья (%)

и психику [Норжжорлоо, 2011, х. 196]. Эта точка зрения, во многом противоречащая наблюдениям в других регионах мира, нуждается в проверке по нескольким параметрам, что мы и попытались сделать в своем

исследовании, уделив в нем значительное внимание выяснению особенностей психологического состояния детей мигрантов.

Для исследования в шести школах Улан-Батора были выбраны 60 детей, чьи родители работают за границей, также мы провели собеседование с 15 родителями, вернувшимися из-за рубежа. Распределение детей по возрасту и полу было следующим: в возрасте от шести до восьми лет (с 1-го по 3-й класс) девочек было 18,4%, мальчиков — 31,6%; в возрасте от девяти до одиннадцати лет (4-й–6-й класс) соответственно 26,7 и 23,3%. У 23,3% детей нашей выборки родители пребывают за границей от года до двух лет, у 36,7% — от трех до шести и у 40% — свыше шести лет. Со старшим братом или старшей сестрой живут 43,4% опрошенных детей, с бабушками и дедушками — 36,6%, остальные 20% — с матерью или с отцом.

Если судить по жилищным условиям наших маленьких респондентов, то международная трудовая миграция их родителей может быть признана фактором, скорее усиливающим финансовую состоятельность семей мигрантов и, значит, позитивно сказывающимся на положении «оставленных детей» (рис. 3). Большинство детей проживало в условиях, которые по меркам Улан-Батора могут быть признаны хорошими, — в городских квартирах либо в собственных домах их родителей/родственников, расположенных в окрестностях столицы на расстоянии, позволяющем детям учиться в школах города.

В ходе опроса и индивидуального собеседования с детьми мигрантов у некоторых из них был зафиксирована недостаточная способность к свободному выражению своих мыслей и мнений, некоторые отставали в учебе. Тем не менее, исследование показало, что миграция родителей не повлияла на условия обучения их детей резко отрицательным образом.

Более того, в плане обучения эти дети оказались, похоже, даже в несколько лучшем положении, чем те их сверстники, чьи родители никуда не уезжали. На определенную правомерность такого предположения указывает довольно четкое различие в степени внимания, уделяемого «оставленным детям» разными категориями лиц, на попечении которых они находятся. Выявилось это в ответах на вопрос «Кто помогает в выполнении домашнего задания?» В ответах 26,6% детей были указаны брат и/или сестра, 23,4% — бабушка и/или дедушка, но всего лишь 2% сказали, что им помогает кто-то из родителей. Нетрудно заметить, что доли ответов, в которых были указаны братья/сестры и бабушки/дедушки, коррелируют с процентным распределением «оставленных детей» по этим двум категориям опекунов. Тогда как между удельными весами детей, оставшихся с одним из родителей (20%) и ответов, в которых в качестве помогающих делать задание были указаны родители (всего 2%), налицо резкий разрыв. Очевидно, это объясняется сочетанием двух обстоятельств. С одной стороны, при наличии рядом с ребенком одного из родителей прочие родственники не считают необходимым уделять ему столько же внимания, сколько они уделяют детям, у которых уехали и отец, и мать. С другой стороны, один родитель, как правило, работающий, нередко просто не в состоянии помочь ребенку в выполнении домашнего задания.

Следует отметить, что 48% детей выполняли домашнее задание без чьей-либо помощи. В основном это были дети в возрасте от 9 до 11 лет, у которых бóльшая степень самостоятельности обусловлена более длительным периодом социализации в школе. Возрастное различие в степени самостоятельности отразилось и в ответах на вопрос «Что вы думаете о решении ваших родителей работать за границей?» При том, что 53% опрошенных детей одобрили выбор родителей, 44% в старшей возрастной группе посчитали его сомнительным, а еще 3% — не очень хорошим. В то же время 5% детей признали, что их охватывает чувство одиночества, 31,6% — что они скучают по родителям, и столько же — что без родителей им подчас трудно принять какое-то решение. А на вопрос «Что вы бы хотели больше всего?» 70% опрошенных детей ответили: «Жить вместе с родителями».

В то же время ответы на вопрос, к кому дети мигрантов предпочитают обратиться за советом при принятии трудного для них решения,

Рис. 4. Распределение детей по выбору, к кому они обращаются за советом (%)

продемонстрировали, что ровно половина опрошенных нами детей выбирают для этого друзей/подруг или кого-то еще, а не родителей (рис. 4).

С детьми 1-го–3-го классов было проведено исследование по методу «три дерева»: детей просили отождествить нарисованные ими деревья с членами семьи. Лишь 33% детей отождествили деревья с бабушкой, мамой, с младшей или старшей сестрой, папой, младшим

братом. Это говорит о том, что у «оставленных детей» нет достаточно-го опыта нормального трехстороннего взаимодействия внутри семьи, что сами дети не считают себя членами семьи, что, помимо прочего, свидетельствует об их неуверенности в себе.

Показательно, что младшие дети отождествляли своих матерей и отцов с самыми красивыми деревьями и объясняли это тем, что скучают по родителям, находящимся далеко от дома. Показательно и то, что 16,6% детей, нарисовав три дерева, добавили потом грозовые облака и дождь, а еще 6,6% изобразили падающий снег. На наш взгляд, это свидетельство того, что они находятся в стрессовом состоянии, возможно, это признак их психической неустойчивости, даже расстройства. Наконец, 13,3% опрошенных детей рисовали очень медленно, при индивидуальном собеседовании ничего не говорили, только качали головой, и такие проявления слабой активности могут быть интерпретированы как индикатор замедленных психологических реакций.

Заключение

Основываясь на теории семейных систем Мюррея Боуэна [Bowen, 1978]², мы попытались резюмировать, какие из выделенных нами характеристик состояния «оставленных детей» влияют на них положи-

² Прим. ред.: В русском переводе теория Боуэна представлена в книге [Теория... 2008]. См. также ее краткое, но емкое изложение [Варга, Хамитова, 2005].

Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы
Финансовые возможности, самостоятельность, способность нести ответственность	Нет заботы и внимания со стороны родителей; чаще обращаются к другим людям, чем к родителям	Инвестиции в учебу, физическое здоровье, не заняты тяжелым физическим трудом	Нет контроля, могут попасть под дурное влияние, отстают в физическом и психическом развитии

тельным образом, какие — отрицательным. Для этого мы прибегли к помощи SWOT-анализа³.

Полученные оценки влияния миграции на положение детей представлены выше. В целом же наше исследование подтвердило вывод о том, трансграничная трудовая миграция родителей не обязательно сопряжена с ухудшением всех сторон жизни их детей. Более того, оказалось, что на жилищные условия и процесс обучения обследованных детей миграция влияла положительным образом, как минимум не приводила к изменениям в худшую сторону. Вместе с тем выяснилось, что из-за длительного отсутствия родителей-мигрантов их малолетние дети страдают от недостатка любви и заботы, есть признаки отрицательного влияния родительской миграции на умственные способности детей и их психологический статус, на процессы их социализации, формирование характера.

Оставляя в стороне ситуации, когда родители, живущие за рубежом, создают там вторую семью, что, как правило, для первой семьи оборачивается резким сокращением объема ее материальной поддержки мигрантами, следует признать, что миграция рабочей силы может обернуться как положительными, так и отрицательными последствиями. Соответственно, вряд ли можно сделать однозначное заключение по этому вопросу, в каждом конкретном случае требуется всестороннее изучение той или иной группы детей.

Перевела с монгольского Нямаа Галиймаа

³ Прим. ред.: SWOT-анализ заключается в выявлении и разделении на категории факторов внутренней и внешней среды: отрасли, института, организации, социальной группы и т. д. Категорий четыре: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы).

Список литературы

- Варга А.Я., Хамитова И.Ю.* Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 137–146.
- Гадаадад 120 гаруй мянган Монголчууд хөдөлмөр эрхэлж байна // Vip76. 2013. 21.05. URL: vip76.mn/content/17154 (last visited on 13.11.2014).
- Дундаж цалин 2015 оны байдлаар. Үндэсний Статистикийн Газар. Статистикийн мэдээ // Статистикийн бюллетень. 2015. 08. URL: http://www.nso.mn/uploads/users/12/files/Bulletin_2015_08_last_tan.pdf (last visited on 23.11.2015).
- Сун Чи Ёнг: «Размер средней месячной заработной платы иностранных рабочих по контракту – 1 миллион 154 тысяч вон» // Busan.com. 2013. 08.08. URL: <http://news20.busan.com/controller/newsController.jsp?newsId=20130808000125> (дата обращения: 18.11.2015) [на корейском яз.].
- Норжхорлоо Н.* Шийдвэрлэх нас. Улаанбаатар: Монсудар, 2011.
- Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын үр дүн // Slideshare.net. 2011. 18.10. URL: <http://www.slideshare.net/ndalai/hun-amiin-statistik-2010> (last visited on 07.11.2013).
- Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика: Сб. статей / Под ред. К. Бейкер, А.Я. Варги; пер. с англ. под общ. ред. В.И. Белопольского. М.: Когито-Центр, 2008.
- Acosta P., Fajnzilber P., Lopez H.* The Impact of Remittances on Poverty and Human Capital: Evidence from Latin America Household Surveys. World Bank Policy Research Paper 4247. Washington, 2007. URL: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2007/06/07/000016406_20070607103130/Rendered/PDF/wps4247.pdf (last visited on 05.11.2015).
- Bowen M.* Family Therapy in Clinical Practice. Northvale, NJ: Jason Aronson Inc., 1978.
- Bryant J.* Children of International Migrants in Indonesia, Thailand, and the Philippines: A Review of Evidence and Policies / UNICEF Innocenti Research Centre, Innocenti Working Papers 01/2005. URL: http://www.researchgate.net/publication/23799946_Children_of_International_Migrants_in_Indonesia_Thailand_and_the_Philippines_A_Review_of_Evidence_and_Policies (last visited on 05.11.2015).
- Frank R., Hummer R.F.* The Other Side of the Paradox: The Risk of Low Birth Weight among Infants of Migrant and Nonmigrant Households within Mexico // International Migration Review. 2002. Vol. 36. No. 3. P. 746–765.
- Kapur D., Mchale J.* Migration's New Payoff // Foreign Affairs. 2003. November/December. P. 49–57. Available at: Foreign Policy. 2009. 02.11. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/11/02/migrations-new-payoff/> (last visited on 04.11.2015).

- Push and pull factors of international migration: A comparative report / Eurostat – NDI. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2000.
- Remittance Trends 2006 / World Bank Migration and Development Brief 2: Development Prospects // The World Bank Documents and Reports. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2006/11/9246901/6901/remittance-trends-2006> (last visited on 04.11.2015).
- Remittances to Developing Countries to Grow by 5 Percent This Year, While Conflict-Related Forced Migration is at All-Time High, Says WB Report. Press Release // The World Bank Press-release, 6.09.2014. URL: <http://www.rcid.org/news/migrationandremittances2014/> (last visited on 03.11.2015).

Анна Пинигина

ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКУ КОРЕЮ

В статье рассматриваются три основных потока трансграничной миграции в Республику Корею: трудовая миграция, брачная и учебная. Первый из них вообрал в себя около основную массу мигрантов в Южную Корею. Примерно 3/5 трудовых мигрантов составляют рабочие низкой квалификации, в основном прибывающие из Юго-Восточной Азии. Большинство работников высокой квалификации заняты на требующих такой квалификации рабочих специальностях, а также преподаванием иностранных языков и исследовательской работой. На долю двух других потоков приходится по 13% мигрантов. В брачной миграции преобладают женщины — из Китая (часто это этнические кореянки) и стран Юго-Восточной Азии. Значительная часть интернациональных браков заключается корейцами из сельской местности, где из-за оттока молодых кореянок в города образовалось заметное превышение численности мужчин в возрасте 20–24 лет над численностью женщин в той же возрастной когорте. Что касается быстро растущего отряда иностранных студентов, то значительная его часть в той или иной степени вовлечена в производство и сферу услуг. Особые случаи представляют небольшая китайская диаспора, образовавшаяся в XX в., и пока незначительная, но ежегодно удваивающаяся группа беженцев из КНДР, прибывающих в Южную Корею через Китай.

Ключевые слова: трансграничная миграция, трудовая миграция, брачная миграция, учебная миграция, китайская диаспора в Корее, беженцы из КНДР.

На протяжении длительного периода времени Республика Корея входила в группу азиатских стран — доноров трудовых ресурсов. В течение 60-х и 70-х гг. XX в. более двух миллионов корейских граждан находились за рубежом на временной работе или в поисках ее [Ким, 2009, с. 287]. Однако с началом в 1980-х гг. бурного экономического роста трудовая эмиграция корейцев стала быстро сокращаться.

Это было обусловлено увеличением заработной платы, улучшением социальных условий и значительным уменьшением безработицы. В 1990-х гг. в некоторых отраслях промышленности образовался дефицит рабочей силы, вследствие чего страна стала во всё большей мере превращаться в страну, импортирующую трудовые ресурсы. Трансграничная иммиграция в нее сделалась постоянным феноменом, присутствие мигрантов — привычным фактом повседневной жизни корейцев, в результате притока мигрантов Корея изменилась, утратив ранее отличавшую ее моноэтничность.

В статье я постараюсь дать описание ТГМ в Республику Корею в 1990-х — 2010-х гг. При этом я сосредоточусь на некоторых ее значимых структурных параметрах: на какие отряды или категории мигранты могут быть подразделены по особенностям занятости и по целям миграции; на численности всех мигрантов и их отдельных категорий; на том, откуда они прибывают.

Трудовая миграция в Южную Корею

За 20 последних лет количество трансграничных мигрантов в Республике Корея значительно возросло. По данным Министерства юстиции, численность тех из них, кто считается зарегистрированным долгосрочным мигрантом (срок проживания более 90 дней), увеличилась на порядок: с 86 тыс. человек в 1992 г. до 986 тыс. в 2012 и 1,4 млн в 2015 г. Из них 286 тыс. являлись этническими корейцами — гражданами других стран, а 1 млн 92 тыс. не были корейцами ни по происхождению, ни по гражданству. Преобладают трудовые мигранты, при этом, согласно данным 2012 г., 62% всех трудовых мигрантов были работниками низкой квалификации, и среди них 69% приходилось на лиц мужского пола [Kim Ch., 2013, p. 1; Country notes... 2015].

С 1994 г. правительством Южной Кореи была запущена программа технической подготовки и переподготовки иностранных рабочих-стажеров (trainee). Считалось, что она направлена на оказание помощи корейским фирмам в повышении квалификации набранного ими за рубежом персонала. На самом деле система «производственных стажировок» стала разновидностью найма неквалифицированной, дешевой и частично дискриминируемой рабочей силы — и не просто стала, но, похоже, такой и задумывалась [Lim, 2009]. Объясняется это в первую очередь тем, что южные корейцы, обладающие высоким

уровнем образования, перестали выполнять так называемую 3D работу (*dangerous, dirty, and [phisically] demanding* — опасную, грязную и изматывающую)⁴.

В первое десятилетие интенсивной миграции значительную часть трудовых мигрантов составляли нелегальные или, как их политкорректно теперь называют, недокументированные мигранты. В 2004 г. была введена в действие так называемая система разрешений на занятость (*Employment Permit System — EPS*). По ней иностранным рабочим были предоставлены права на работу в тех секторах занятости, где нет возможности нанять граждан Республики Кореи; на получение премий и выходных пособий; на объединение в союзы, заключение коллективных договоров и проведение коллективных акций. Всем зарубежным нелегальным рабочим необходимо было пройти регистрацию в миграционных офисах и получить разрешение на выдачу рабочей визы. В то же время была ограничена возможность воссоединения с ними членов их семей [Штефан, 2008б; *Deadline Extended... 2010*; Hasan, 2012, p. 5].

Было легализовано большинство из 227 тыс. имевшихся на тот момент недокументированных работников. Полностью нелегальная миграция не прекратилась, но ее масштабы к концу 2000-х гг. заметно сократились: по данным Министерства юстиции, к апрелю 2011 г. — до 48,7 тыс., что составляло лишь 9% от общей численности неквалифицированных и низкоквалифицированных иностранных рабочих в 539,9 тыс. человек. Правда, в составе мигрантов, подпадающих под регулирование по EPS, их доля была вдвое больше — 18,4% [Hasan, 2012, p. 7].

Если посмотреть на структуру трудовой миграции в Южную Корею по странам-донорам, то окажется, что уже на начальном ее этапе самым крупным отрядом были выходцы из Китая, и бóльшая часть из них — это так называемые *조선족 (Chosunjok)*. Это этнические корейцы, в основном потомки тех, кто по разным причинам покинул Корею в XX в. и осел в Северо-Восточном Китае [Kim A. M., 2010, p. 2–3]. По данным Корейской ассоциации мелкого и среднего бизнеса, на начало XXI в. из 78 612 иностранных рабочих — официально учтенных

⁴ Такая расшифровка 3 D содержится в работе Анны Ким [Kim A. M., 2010, p. 9]. Сара Хасан [Hasan, 2012, p. 2] дает несколько иной, на мой взгляд, менее точный, перечень работ: *dirty, difficult and dangerous* — грязные, трудные и опасные).

участников программы стажировок на долю выходцев из Китая приходилось 29,6%, из них 70,5% — на чосунчжок⁵. В дальнейшем абсолютная численность и удельный вес этой группы в общей массе трудовых мигрантов низкой квалификации только возрастали — до 300,1 тыс. человек, или 55,7% в первом квартале 2011 г. [Hasan, 2012, p. 7].

Выходцы из стран Юго-Восточной Азии, в основном из Вьетнама, Филиппин, Таиланда и Индонезии, в совокупности составляют свыше одной пятой всех вообще мигрантов в Южную Корею, и подавляющее большинство из них занято в секторе неквалифицированного и низкоквалифицированного наемного труда. Из тех, кто охвачен EPS, мигрантов из этих четырех стран в 2011 г. было 213,5 тыс. Больше всего мигрантов приезжает из Вьетнама: всех категорий — 116,2 тыс. в 2012 г., по EPS — 61 тыс. годом ранее [Hasan, 2012, p. 3–4; Southeast Asian... 2013, p. 2]. Правительство Вьетнама проводит политику поощрения трудовой миграции, а Южная Корея — одна из самых привлекательных стран-реципиентов рабочей силы для неквалифицированных рабочих из Вьетнама, в первую очередь за счет относительно высокой заработной платы. Со сверхурочными такие рабочие могли зарабатывать в Южной Корее в начале 2010-х гг. до 1500 долл. в месяц — примерно в 25 раз больше, чем у себя дома при наличии работы [Southeast Asian... 2013, p. 2, 4]. Хотя правительство Республики Корея устанавливает ежегодный предел доходов иммигрантов, он всё равно на порядок выше уровня, доступного им на родине. Высокий уровень зарплат, а также усиливающееся влияние корейской культуры в Азии и делают Южную Корею привлекательной страной для иммиграции.

Что касается высококвалифицированных трудовых мигрантов в Корею, их численность значительно меньше и в последние годы практически стабилизировалась. Так, если за 1999–2011 гг. она поднялась с 15,3 тыс. человек до 47,1 тыс., то за последующие четыре года прирост был менее одной тысячи. Но за счет быстрого увеличения в предшествующее десятилетие общий прирост с 1999 по 2015 г. составил 227%. [Park, 2013, p. 6; Korea Immigration... 2015]. По итогам исследования 2008 г., среди причин, побуждавших предпринимателей активно импортировать в 2000-х гг. высококвалифицированную рабочую силу, доминировали такие: 1) наличие у мигрантов навыков, которыми не обладают корейцы; 2) количественная нехватка

⁵ Подсчитано по: [Kim A. M., 2010, p. 11].

соответствующих работников среди местного населения; 3) желание работодателей сократить издержки на зарплатах; 4) передача технологий и знаний из-за рубежа [Park, 2013, p. 13–16]. Видимо, к началу следующего десятилетия эти стимулы существенно ослабли.

В соответствии со стандартными определениями отраслей занятости, установленными иммиграционным законодательством Южной Кореи, трудовой мигрант, считающийся высококвалифицированным работником, должен принадлежать к одной из семи таких отраслей. Он может быть (1) преподавателем высшей квалификации (*professor*); заниматься только исследовательской (2) работой (*research*) или передавать (3) новые технологии (*technology transfers*). Он может также быть профессионалом (4) высокой пробы в сфере бизнеса, управления, услуг (*professional*) или же (5) высококвалифицированным рабочим-специалистом (*special occupation*). Наконец, он может обучать (6) иностранным языкам (*foreign language instructor*) либо заниматься (7) художественными промыслами, рисовать, лепить, выступать на сцене и т. п. (*arts and performances*). Действительность соответствует этой идеальной схеме далеко не в полном объеме. Например, исследования показали, что занятость части *professionals* не соответствует их специализации и квалификации и что едва ли не большую часть предполагаемых сценических исполнителей составляют так называемые барные девушки из стран Юго-Восточной Азии, предоставляющие клиентам сексуальные услуги [Park, 2013, p. 15, 20–21].

В то же время нетрудно заметить, что первые четыре отрасли фактически охватывают работников, специализирующихся в областях науки, наукоемких технологий, менеджмента и интеллектуальных услуг, и могут быть объединены в одну категорию занятости (табл. 1).

Очевидно, что в 2011 г. больше всего иностранцев было занято преподаванием языков, на втором и третьем месте по численности находились рабочие-специалисты и лица, занятые в интеллектуальной сфере. Через четыре года эта картина практически не изменилась [Korea Immigration... 2015].

В категории интеллектуальной занятости на первом месте среди стран-доноров, которые лидировали по количеству посланных в Корею работников, находились США, на втором и третьем местах – Индия и Китай соответственно. Но если сравнить страны-доноры по удельному весу занятых в этой сфере иммигрантов из той или иной страны в их общей численности, то окажется, что больше

Таблица 1

Распределение документированных трудовых мигрантов-иностранцев по странам-донорам и отраслям занятости, 2011 г.

Страна	Занятость по категориям:									
	интеллектуальная (профессора, исследователи, передача технологий, по профессии)		специальная (рабочие высокой квалификации)		преподавание иностранных языков		художественно-исполнительская		всех категорий	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
США	1073	7,63	1351	9,61	11 570	82,29	66	0,47	14 060	29,85
Китай	739	7,88	7574	80,72	734	7,82	335	3,57	9382	19,92
Канада	381	8,39	254	5,60	3987	87,83	16	0,35	4539	9,64
Филиппины	119	2,96	761	18,91	0	0,00	3135	77,89	4025	8,55
Великобритания	135	4,58	293	9,93	2517	85,32	5	0,17	2950	6,26
Индия	907	52,12	830	47,70	3	0,18	0	0,00	1740	3,69
Япония	651	40,33	583	36,12	359	22,24	36	2,23	1614	3,43
Всего	5911	12,55	14 397	30,57	22 541	47,86	4246	9,02	47 095	100,00

Составлено и подсчитано по: [Park, 2013, p. 2, 6, 8].

всего она привлекала мигрантов из Индии, Японии и Канады. Высокая наукоемкость индийской миграции проявилась и в том, что она удерживала первое место в категории исследователей (за ней следовали Китай и Япония). Иностранцев профессоров в южнокорейских университетах было больше всего из США, Японии и Китая, причем американцев — почти вдвое больше, чем из двух последующих стран вместе взятых. Работников в категории передачи технологий больше всего было из США, Канады и Германии. В категории professional employment на первом месте находились мигранты из США, на втором — из Канады и на третьем — из Великобритании. В категории special occupation безоговорочным лидером по обоим показателям являлся Китай — более половины всех вообще занятых в этой отрасли и более 3/5 всех вообще квалифицированных работников из этой страны; за Китаем в 2011 г. следовали США и Индия, в 2015 — Великобритания и Япония [Korea Immigration... 2015]. Большинство преподавателей иностранного языка приезжали из англоязычных стран: США, Канады, Великобритании. Наконец, надо сказать, что

в отличие от неквалифицированной рабочей силы, среди высококвалифицированных мигрантов в Республику Корея нелегалов было немного, и большая их часть была сосредоточена в категориях *arts and performance* (34,1 % от общего числа занятых в этой отрасли) и *special occupation* (8,6 %) [Park, 2013, p. 9].

Брачная миграция

Исследуя тему иммиграции в Южную Корею, нельзя не учитывать, что рост численности иммигрантов происходил также за счет других категорий: лиц, вступивших в брак с корейцем / корейкой и иностранных студентов и магистрантов, зачастую не только обучающихся, но и работающих по контракту. На долю каждой из этих категорий в 2012 г. пришлось по 13 % годового притока трансграничных мигрантов [Country notes... 2015].

Интернациональные браки в Корее стали довольно частым случаем. Особенно быстрый их рост наблюдался в 2002–2007 гг.; тогда ежегодное увеличение их доли в общем числе заключенных браков равнялось в среднем за период 28 % [Cho, 2014, p. 4]. Наиболее популярными эти браки были в деревнях, где на иностранках женились до трети и более (в 2007 г. — даже 40 %) местных мужчин. С корейской стороны главная причина быстрого распространения интернациональных браков заключалась в том, что из-за значительного оттока молодых женщин в города мужчин в возрасте 20–24 года в составе сельского населения было в начале десятилетия в 1,6 раза больше, чем женщин. В середине же десятилетия стимулирующим фактором стала и политика многих местных органов власти, которые специально поддерживали брачную миграцию. Выражалось это в том, что они предоставляли гранты тем живущим в сельской местности корейцам, которые не могли найти себе жен в Корее. Лица, получившие такие гранты, часто их использовали в качестве платы посредникам, организовывавшим поездки в страны Юго-Восточной Азии, где они могли найти себе невест. Что касается последних, в их решениях выйти замуж за корейца заметную роль играл такой фактор, как возможность вырваться из депрессивной социальной среды, перебравшись из бедной страны в богатую [Lim, 2010, p. 65]. Не случайно по числу браков с сельскими корейцами на первом месте — представительницы Вьетнама, опередившие корейнок из Китая,

которые на протяжении долгого времени удерживали лидерство [Kim A. E., 2009].

Люди, выросшие в разных странах, имеют во многом различающиеся ожидания от брака между ними, что может приводить к конфликтам, в том числе с применением насилия, и к разводам. Южная Корея, как показали социологические исследования, в данном случае не исключение⁶. В связи с этим, а также потому, что правительство ужесточило условия заключения таких браков⁷, обозначилась тенденция к снижению их удельного веса в общем числе брачных союзов [Штефан, 2008а]. Так, если в 2005 г. их доля составила 13,6%, то к 2009 г. она снизилась до 11,0%, а к 2013 — до 9,0% [Lim, 2010, p. 65; Cho, 2014, p. 4]. Однако абсолютная численность иммигрантов, прибывавших в страну по линии брачной миграции, продолжала расти. Всего за 2002–2010 гг. она составила, по данным Корейской иммиграционной службы, 787 тыс. человек. Из них почти 3/5 прибыли в Южную Корею в результате браков ее граждан с *чосунчжок* и другими гражданами КНР (соответственно 254,3 и 187,6 тыс., в сумме — 56%). Еще 142,2 тыс. брачных мигрантов были из Вьетнама, 59,1 тыс. — из Японии, 43,2 тыс. — с Филиппин, 12,8 тыс. — из Камбоджи, 96,6 тыс. — из других, преимущественно азиатских стран [Oh et. al., 2011, p. 44]. И все эти годы среди брачных мигрантов преобладали женщины, хотя доля брачных мигрантов-мужчин постепенно увеличивалась, достигнув в 2012 г. 14,1% от общего числа таких мигрантов (148,4 тыс.) [Cho, 2014, p. 4].

Учебная миграция

Иностранные студенты занимают немалое место в общей массе иностранцев, проживающих в Южной Корее. На рубеже XX–XXI вв. южнокорейская система университетского образования окончательно уподобилась американской. К тому же ведущие южнокорейские университеты при поддержке правительства страны всё более активно вводят программы обучения на английском языке, что дополнительно облегчает иностранцам обучение в Южной Корее. Немаловажно

⁶ См., например: [Seol, 2006].

⁷ Были установлены две ограничительные нормы: владение корейским языком для вступающего в брак иностранца и совокупный годовой доход не менее 14 520 долларов США у пары, желающей создать семью [Cho, 2014, p. 4].

и то, что большинство из них платят за обучение столько же или даже меньше, чем корейские студенты [Education... 2011, p. 324]. Всё это вместе взятое не могло не привлечь иностранных студентов. В основном они прибывают из соседних азиатских стран, в первую очередь из Китая и Японии, но также из Вьетнама и Монголии; меньшая часть приезжает по обмену из США, России, Франции. Как следствие, численность студентов-иностранцев в Корее быстро растет. В 2000 г., от которого можно вести отчет политики по активному привлечению иностранных студентов, их насчитывалось всего лишь 4 тыс. человек. Через пять лет их было уже 22,5 тыс., в 2007 — почти 50 тыс., в 2008 — 64 тыс., в 2009 — 76 тыс., в 2010 — 83,8 тыс., а в 2011 г. — 89,5 тыс. человек [The International Mobility... 2013, p. 40]. Таким образом, всего за 11 лет их численность увеличилась более чем в 22 раза и они стали заметным отрядом трансграничных мигрантов в Южной Корее.

Привлечение зарубежных студентов выгодно не только в плане повышения качества и престижа национальной системы высшего образования, но и для экономики страны: так, было подсчитано, что превышение их численностью отметки в 100 тыс. человек принесет стране дополнительно 160 млрд вон [Kang, 2008]. Правительство рассчитывало, что уже в 2012 г. эта численность вплотную приблизится к искомой отметке или даже превысит ее, а к 2020 г. поднимется до 200 тыс. [Ahn A. T., 2012]. Однако после 2011 г. численность студентов-иностранцев, наоборот, стала понемногу сокращаться: до 85,9 тыс. в 2013 г. и 84,9 тыс. — в 2014. В 2015 г. произошел положительный сдвиг: число студентов-иностранцев превысило 91 тыс. [Educational Statistics... 2015]. Чтобы закрепить этот успех, Министерство образования обнародовало в 2015 г. план организации специализированных отделений и курсов исключительно для иностранных студентов, с одновременным созданием необходимой сопутствующей инфраструктуры. Но, по мнению некоторых экспертов, такая политика, напротив, усложнит интеграцию иностранцев в университетское сообщество Южной Кореи, что, в свою очередь, помешает достижению цели по привлечению 200 тыс. иностранных студентов [Bothwell, 2015; South Korean Universities... 2015].

В то же время у властей имеются и определенные опасения относительно большого количества иностранных студентов в стране. Ведь в Южной Корее постоянно держится достаточно высокая безработица среди молодежи. По данным за июнь 2010 г., при численности всего

безработного населения в 878 тыс. человек безработных в возрасте 15–29 лет было в стране 355 тыс., т. е. их доля составляла более 2/5 (40,4%) от общего числа безработных. Уровень безработицы среди молодежи достигал 8,3%, что было в 2,3 раза выше ее общего уровня в стране [Park, 2013, p. 17]. Если взять меньшую по охвату возрастную когорту в возрасте от 15 до 24 лет, у которой уровень безработицы определялся национальной статистикой в 9,8%, то разрыв между двумя показателями будет еще более заметным — в 2,6 раза⁸. В дальнейшем ситуация с занятостью молодежи не улучшилась: по последним доступным данным за 2013 г., доля безработных молодых людей в возрастной группе от 15 до 24 лет осталась на уровне 9,8%, тогда как уровень общей безработицы, наоборот, снизился до 3,1%, т. е. разрыв стал практически трехкратным [Key Indicators... 2015, p. 204, 205]. Исходя из этого, государство опасается, что, если иностранные студенты будут после окончания учебы трудоустраиваться в стране обучения, проблема с безработицей среди корейской молодежи встанет еще более остро. Опасения эти не лишены основания: хотя иностранные студенты не имеют легального права работать в Корее, по статистике на 2012 г. уровень их вовлеченности в экономику страны составлял 20,1%, а уровень занятости — 15,5% [Seol, 2014, p. 89].

Особый случай 1: китайская диаспора

На территории Кореи постоянно проживает около 24 тыс. этнических китайцев [Kim A. M., 2010, p.11]. Первые китайские иммигранты появились в Корее в конце XIX в. Большинство из них приезжали на сезонные работы, не требовавшие высокой квалификации. Целью было заработать денег и вернуться на родину, однако часть из них оставалась в Корее. В результате уже в конце 1880-х гг. возник первый в Корее китайский квартал. Некоторые из китайцев создали в Корее свой бизнес; как правило, это были рестораны и магазины. С 1920-х гг. этнические китайцы стали также играть немаловажную роль в корейской внешней торговле, пользуясь тем, что Китай был главным внешнеторговым партнером колониальной Кореи [Ланьков, 2000].

Основная масса китайцев эмигрировала в Корею в 1945–1950 гг., во время гражданской войны между коммунистами и Гоминданом.

⁸ Подсчитано по: [Key Indicators... 2012, p. 142, 143].

Большинство прибывших тогда китайцев спасались от коммунистов, поэтому беженцев принимали в Южной Корее, оказывали им минимальную помощь и давали разрешение на проживание в стране. В то же время правительство Ли Сын Мана относилось к иммигрантам из Китая не без опаски, следуя давней традиции, в соответствии с которой власти Кореи всегда пресекали попытки иностранцев закрепиться в стране, пустить в ней корни, в особенности если такие попытки предпринимались выходцами из столь масштабной по количеству населения страны, как Китай. Соответственно, политика, проводившаяся правительством Южной Кореи по отношению к иммигрантам из Китая в 1945–1980 гг., затрудняла получение китайцами корейского гражданства, китайцы в Корее числились «постоянными иностранцами», что не позволяло им служить в государственных учреждениях и в армии. Более того, в 1961 г. появился закон, ограничивавший право иностранцев на владение землей в Корее, и многие китайцы, успевшие приобрести ее, были вынуждены срочно продавать свои участки [Ланьков, 2000]. Устроиться в частные корейские фирмы для них было тоже затруднительно, поэтому основным занятием оставался собственный мелкий бизнес. Однако власти не лишали китайцев важнейшей для них привилегии — права находиться в Южной Корее на постоянной основе.

Начало 1970-х гг. стало пиком разрастания китайской общины. Численность ее почти достигла отметки в 100 тыс. человек [Ланьков, 2000]. В столице большинство китайских детей учились в Сеульской китайской средней школе, лишь немногие посещали обычные корейские школы. Эта практика по мере возможности воспроизводилась и в других местах проживания китайцев. Она во многом предохраняла от аккультурации, но имела и свою оборотную сторону: выпускникам китайских школ сложно было поступить в корейские вузы. Это стало одной из причин переезда с конца 1970-х гг. многих китайцев на Тайвань. Как ни парадоксально, именно в это время отношение к китайскому меньшинству со стороны властей улучшилось, условия принятия корейского гражданства для китайцев были облегчены [Ланьков, 2007].

Сейчас в Южной Корее, как уже было сказано, находится около 24 тыс. китайцев — вчетверо меньше, чем 40 лет назад. Это единственная значительная группа иностранцев, живущая в Корее постоянно, из поколения в поколение. Нельзя также не отметить, что в последнее время

в Корею стали опять появляться в значительном количестве китайские рабочие. Они приезжают на заработки и в массе своей возвращаются в Китай, но некоторые, как их предшественники 1920–1930-х гг., по разным причинам остаются в стране [Kim A. M., 2010], поэтому китайская диаспора может разрастись до былых размеров.

Особый случай 2: беженцы из Северной Кореи

Интерес представляет и такой специфический вид миграции, как беженство из Северной Кореи в Южную. В количественном отношении беженцы из КНДР составляют ничтожно малую часть населения Южной Кореи, однако они являются представителями «другой Кореи» и проблемы их адаптации помогают предсказать, с какими сложностями столкнется Юг в том случае, если всё же произойдет объединение Корейского полуострова.

Первые беглецы с Севера появились практически сразу же после разделения Корейского полуострова на советскую и американскую оккупационную зоны; всего же с 1945 до 1953 г. с Севера на Юг переселились как минимум около 900 тыс. человек [Lankov, 2006, p. 109]. После проведения в 1953 г. военно-демаркационной линии с ее военными патрулями, колючей проволокой под током и минными полями бегство через границу между двумя Кореями сделалось практически невозможным. Перебраться на юг морем со временем стало также очень непросто. Вообще с 1953 г. в целях предотвращения любой попытки бегства северные корейцы должны были получать специальное разрешение для поездки за пределы своего уезда от органов внутренних дел. Более того, в 1957–1960 гг. власти КНДР выселили из приграничной зоны всех, кого они считали «социально ненадежными элементами» [Ланьков, 2002].

В целом система контроля над населением работала весьма эффективно. В 1960–1990-х гг. только представители немногих привилегированных групп, выезжавшие за границу и/или получившие право на временное проживание за рубежом, — сотрудники посольств, члены официальных делегаций или гастрольных артистических коллективов — имели физическую возможность покинуть КНДР. Поэтому перебежчики были, что называется, штучными, исчислялись единицами и в Южную Корею попадали не напрямую, а через страны, в которых им удавалось получить убежище сразу после бегства.

Власти Сеула поначалу были заинтересованы в увеличении количества перебежчиков, которые не только являлись источником военно-стратегической и политической информации о положении дел на Севере, но и использовались в целях антикоммунистической пропаганды внутри страны. В зависимости от ценности предоставленной разведывательной информации, перебежчики получали различные блага, из которых главным было пожизненное денежное пособие по одной из пяти категорий [Ланьков, 2002]. Однако, когда рухнула социалистическая система, вся структура учреждений, занятых пропагандой антикоммунизма в Южной Корее, лишилась правительственных дотаций и вскоре прекратила свое существование. К тому же среди перебежчиков стало всё больше выходцев из простонародья, информация, получаемая от них, представляла гораздо меньшую ценность, чем от редких, зато хорошо информированных перебежчиков 1990-х гг. В то время как поток перебежчиков с Севера возрастал, политический интерес к ним начал угасать. Как следствие, в 2004 г. Сеулом было принято решение о радикальном, почти четырехкратном, сокращении единовременной денежной помощи «на обустройство» бежавшим на Юг северянам [Тапака, 2008].

Нежелание властей Сеула принимать беженцев из КНДР вполне объяснимо. В настоящее время беженцы в массе своей — малообразованные крестьяне, они почти не имеют шансов успешно адаптироваться к жизни в южнокорейском обществе, а также создают дополнительный источник социальных проблем для государства. Однако в абсолютных показателях даже самые неудачливые перебежчики живут заметно лучше, чем жили бы на Севере.

Основные проблемы северян обусловлены контрастом между преувеличенными ожиданиями от попадания в южный «рай» и реальностью, а также трудностями психологического характера. От многих перебежчиков можно было услышать, что им сложно адаптироваться к новой социальной среде из-за несовпадения привычного им стиля жизни с принятым в Южной Корее. Исследования подтверждают, что «северокорейские перебежчики сталкиваются с такими серьезными вызовами, как языковой барьер, дискриминация и отчуждение, с проблемами во внутрисемейных отношениях, в распоряжении деньгами». Всего тяжелее приходится молодым выходцам из КНДР: они остро ощущают свое отставание от южнокорейских сверстников в социально-экономическом статусе и в физическом состоянии,

а их психическое здоровье расстроено посттравматическим стрессом [Ahn J. S., Kim J. S., 2015, p. 15].

К наиболее существенным психологическим трудностям относятся также опасения за оставшихся на севере близких родственников. В КНДР фактически действует принцип коллективной ответственности подданных перед властью, поэтому бегство в Южную Корею может обернуться репрессиями по отношению к оставшимся на Севере родным и близким перебежчика. Соответственно, многие из них стремятся организовать побег своих родственников. Делается это через Китай, через границу с которым жителям Северной Кореи перебраться все-таки удается, хотя и с риском быть убитыми или пойманным пограничниками. Китай превратился в настоящую перевалочную базу для беглецов из КНДР. Большинство перебежчиков остается некоторое время в его северо-восточных провинциях, а уже оттуда они направляются в Южную Корею либо самостоятельно, либо — гораздо чаще — с помощью наживающихся на их доставке лиц [Tanaka, 2008]⁹.

Всё же поток перебежчиков из Северной Кореи нарастает и стал столь обычным явлением, что очередной факт бегства с Севера уже не отмечается в местной прессе. О темпах и масштабах беженства говорят следующие цифры: в 1998 г. на Юг перешел 71 бывший житель КНДР, в 1999 г. — 148; в 2000 г. перебежчиков было уже 312 [Ланьков, 2002]. Всего же, по данным Министерства объединения на декабрь 2014 г., в Республике Корея насчитывалось 26 124 человека, признанных беженцами из КНДР. По величине эта специфическая группа трансграничных мигрантов превзошла старую китайскую диаспору, о которой шла речь в предыдущем разделе. Причем если поначалу в составе беженцев преобладали мужчины, то уже с 2002 г. больше половины их ежегодного прироста давали женщины, так что их доля в общей численности перебежчиков составляла к началу 2015 г. 70% [White Paper... 2014, p. 186].

* * *

Суммируя сказанное выше, необходимо отметить, что структура миграции в Республику Корея соединяет в себе качества несомненной типичности и некоторого своеобразия. Типична она постольку,

⁹ В 2000 и 2001 гг. в Южной Корее было раскрыто несколько преступных группировок, занимавшихся нелегальным вывозом северокорейских беженцев [Ланьков, 2002].

поскольку основной ее массив образуют трудовые мигранты, среди которых до сих пор преобладают, — хотя их относительная численность и сокращается, — работники низкой квалификации, практически полностью занявшие «нишу 3 Д». Своеобразием же этой миграции можно, видимо, считать довольно высокую долю в ней участников интернациональных браков и быстрый рост числа иностранных студентов. Но и то, и другое можно считать своеобразным, да и то с оговорками, лишь в том случае, если сравнивать миграцию в Республику Корею с миграционными перемещениями населения внутри Восточной Азии. Если же расширить масштаб сравнения до глобального, то по этим параметрам миграция в Южную Корею оказывается близка большинству миграционных потоков, направляющихся из развивающихся стран в страны развитые.

Список литературы

- Ким Г. Н.* Трудовая миграция из постсоветской Центральной Азии в Южную Корею: этапы, проблемы и перспективы // Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса: Материалы VII Ежегод. Алмат. конф. (г. Алматы, 9 июня 2009 г.) / Отв. ред. Б. К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. С. 286–296.
- Ланьков А. Н.* Выходцы из КНДР в Южной Корее: проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 2. С. 70–85. URL: <http://lankov.oriental.ru/defectors.shtml> (дата обращения: 22.12.2015).
- Ланьков А. Н.* Китайцы в Корее. Ч. 2: После 1945 г. // Сеульский вестник: [газета]. 2007. URL: <http://lankov.oriental.ru/d126.shtml> (дата обращения: 22.12.2015).
- Ланьков А. Н.* Хаотичные заметки корееведа. Единственное национальное меньшинство // Сеульский Вестник. 2000. 23.06. URL: <http://okoree.parod.ru/118.htm> (дата обращения: 22.12.2015).
- Штефан Е.* Число интернациональных свадеб перестало расти // Сеульский вестник. 2008. 03.11. URL: <http://vestnik.kr/society/3587.txt> (дата обращения: 28.07.2014).
- Штефан Е. С.* Правительство планирует значительно сократить число «нелегалов» в Корее // Сеульский вестник. 2008. 27.09. URL: <http://vestnik.kr/law/immigration/3492.html> (дата обращения: 01.08.2014).
- Ahn A. T.* Korea to attract 200,000 foreign students by 2020 // The Korea Times. 2012. 05.04. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2012/05/113_110310.html (last visited on 10.12.2015).

- Ahn J.S., Kim J.S.* Communication Experiences of North Korean Defectors in Los Angeles: An Exploratory Interview Study of Cross-Cultural Adaptation // International Journal of Arts and Humanities. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 13–24. URL: <http://ijah.cgrd.org/images/Vol.1No.1/3.pdf> (last visited on 17.10.2015).
- Bothwell E.* South Korea plans ‘ghettoised’ university courses for foreign students // THE World Universities Ranking, August 2015. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/south-korea-plans-ghettoised-university-courses-foreign-students> (last visited on 15.12.2015).
- Cho S.-Y.* International Marriage for Homogeneity? — Evidence from Marriage Migration in South Korea // MAGKS Joint Discussion Papers in Economics No. 52–2014 / Philipps-University of Marburg, Germany. URL: http://www.uni-marburg.de/fb02/makro/forschung/magkspapers/52-2014_cho.pdf (last visited on 12.10.2015).
- Country notes: recent changes in migration movements and policies. Korea // International Migration Outlook 2015 / OECD. P. 220. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2015/korea_migr_outlook-2015-25-en#page1 (last visited on 14.12.2015).
- Deadline Extended for Illegal Immigrants to Voluntarily Leave // Korea Times. 2010. 31.08. URL: http://koreatimes.co.kr/www/news/nation/2010/09/113_72280.html (last visited on 08.08.2014).
- Education at a Glance / OECD 2011. Chapter C: Access to Education, Participation and Progression. P. 324. URL: <http://www.oecd.org/edu/skills-beyond-school/48631079.pdf> (last visited on 15.12.2015).
- Educational Statistics 2015 / Korean Educational Statistics Service. URL: http://kess.kedi.re.kr/eng/stats/school?menuCd=0102&cd=1857&survSeq=2015&itemCode=01&menuId=m_010203&uppCd1=010203&uppCd2=010203&flag=A (last visited on 15.12.2015).
- Hasan S.* Labour migration to South Korea: Policies and problems related to illegal workers // The Academy of Korean Studies. 2012. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1357629284.pdf (last visited on 09.12.2015).
- Kang Sh.-w.* Universities to Attract 100,000 Foreign Students // Korea Times. 2008. 08.04.
- Key Indicators for Asian and the Pacific / Asian Development Bank. Mandaluyong City: ADB, 2012.
- Key Indicators for Asian and the Pacific / Asian Development Bank. Mandaluyong City: ADB, 2015.
- Kim A.E.* Demography, Migration and Multiculturalism in South Korea // The Asia-Pacific Journal: Japan focus. 2009. 01.02; Vol. 6–2–09. URL: http://www.japanfocus.org/-andrew_eungi-kim/3035/article.html (last visited on 22.12.2015).

- Kim A.M.* Post-Socialist International Migration: The Case of China-to-South Korea Ethnic Labour Migration / Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit / Institute for the study of labor Discussion Paper Series. IZA DP. 2010, September. No. 5214. URL: <http://ftp.iza.org/dp5214.pdf> (last visited on 10.12.2015).
- Kim Ch.* Minorities in the Republic of South Korea. [Additional case Study 2.15 from the 5th Edition of The Age of Migration / Eds. S. Castles, H. de Haas, M.J. Miller. 2013]. URL: <http://www.age-of-migration.com/resources/casestudies/12-5.pdf> (last visited on 09.12.2015).
- Korea Immigration Service Statistics 2015 / Korea Immigration Service, Ministry of Justice. URL: http://www.moj.go.kr/HP/COM/bbs_03/BoardList.do?strOrgGbnCd=104080&strRtnURL=ENG_4010&strNbodCd=noti0098 (last visited on 10.12.2015).
- Lankov A.* Bitter Taste of Paradise: North Korean Refugees in South Korea // Journal of East Asian Studies. 2006. Vol. 6. No. 1. P. 105–137.
- Lim T.* Rethinking Belongingness in Korea: Transnational Migration, «Migrant Marriages» and the Politics of Multiculturalism // Pacific Affairs. 2010. Vol. 83. No. 1. P. 51–71. URL: https://www.academia.edu/3605631/Rethinking_Belongingness_in_Korea_Transnational_Migration_Migrant_Marriages_and_the_Politics_of_Multiculturalism (last visited on 10.12.2015).
- Lim T.* Who is Korean? Migration, Immigration and the Challenge of Multiculturalism in Homogeneous society // The Asia-Pacific Journal. 2009. July 27. URL: <http://japanfocus.org/-timothy-lim/3192/article.html> (last visited on 10.12.2015).
- Oh J.-E., e. a.* Migration Profile of the Republic of Korea / International Organization for Migration, Migration Research and Training Centre. IOM MRTCC Research Report Series No. 2011–01. URL: http://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_korea.pdf (last visited on 09.12.2015).
- Park Y.-b.* Challenges of Highly Skilled Migration in Korea / Korean Research Institute for Vocational Education and Training, March 2013 [Conference Paper Series 2013-2]. URL: <http://eng.krivet.re.kr/eu/ec/prgeuCDAVw.jsp?gn=M06-M060000051> (last visited on 10.12.2015).
- Seol D.-H.* Women marriage immigrants in Korea: immigration process and adaptation // Asia-Pacific Forum. 2006. Vol. 33. No. 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/237627513_Women_Marriage_Migrants_in_Korea_Immigration_Process_and_Adaptation (last visited on 09.12.2015).
- Seol D.-H.* Immigration policies in South Korea: on the focus of immigration requirement and incorporation to Korean society // Migration and integration: common challenges and responses from Europe and Asia / Eds. W. Hofmeister, P. Rueppel, I. Pascouau, A. Frontini. Singapore: Konrad Adenauer Stiftung; East Asian Institute; European Union Centre in Singapore; Brussels: European Policy Centre, 2014. P. 73–98. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_40562-1522-2-30.pdf?150227063413 (last visited on 22.12.2015).

- South Korean universities remain challenging places for foreign students and faculty. URL: <https://theconversation.com/south-korean-universities-remain-challenging-places-for-foreign-students-and-faculty-42014> (last visited on 15.12.2015).
- Southeast Asian Labor Migration to Korea: origin-country factors and policy implications // Korean Institute for International Economic Policy. 2013, August. Vol. 3. No. 35. URL: <https://www.kiep.go.kr/.../filedown.jsp?...35...> (last visited on 10.20.2015).
- Tanaka H.* North Korea: Understanding Migration to and from a Closed Country / Migration policy institute. 2008. 07.01. URL: <http://www.migrationpolicy.org/article/north-korea-understanding-migration-and-closed-country> (last visited on 15.07.2014).
- The International Mobility of Students in Asia and the Pacific / UNESCO Bangkok Office. 2013. URL: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/international-student-mobility-asia-pacific-education-2013-en.pdf> (last visited on 15.12.2015).
- White Paper 2014 on Korean Unification. Ch. 6: Settlement Support for North Korean Refugees. URL: https://books.google.ru/books?id=9DiFBgAAQBAJ&pg=PA186&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (last visited on 17.12.2015).

Марина Балдано, Нямаа Галиймаа,
Светлана Кириченко

МОНГОЛЫ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ: МИГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ¹

В статье представлен нарративный кейс, отражающий миграционное движение с Востока на Восток — из Монголии в Южную Корею. Авторы рассматривают феномен внешних миграций Монголии, ставшей в последнее время и донором, и реципиентом. Особое внимание уделено формирующейся южнокорейской диаспоре монголов, одной из самых крупных монгольских диаспор в мире. Основные вопросы социально-экономического и правового характера, возникающие перед мигрантами и принимающим обществом на разных стадиях их взаимодействия, встречаются понимание и более или менее решаются как на уровне государственных органов, так и на уровне неправительственных общественных организаций и работодателей. Миграционное законодательство и прописанные в нем механизмы социальной защиты трудовых мигрантов положительно сказываются на их отношениях с представителями принимающего общества, обеспечивают баланс, при котором государство, работодатели, мигранты и население довольно успешно реализуют свои права и обязанности. Статья базируется на данных полевых исследований авторов в 2015 г. в Южной Корее и Монголии, на материалах научных публикаций, прессы и Интернет-ресурсов.

Ключевые слова: мигранты, Южная Корея, Монголия, страна-донор, страна-реципиент, иммиграционная политика, законодательство, диаспора, образование, адаптация.

В статье представлено систематизированное описание на конкретном примере (narrative case study) миграционного движения из Монголии в Республику Корею. Это движение трансграничное в самом прямом смысле слова — между двумя государствами. Но в ходе его мигранты пересекают и ощутимую культурную границу, а также межрегиональную — если не относить Монголию, как это

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-01-00243.

часто делается, к Восточной Азии, а считать ее — что, пожалуй, делает не менее часто, — частью Азии Центральной или Внутренней.

Статья базируется на материалах научных публикаций, прессы и Интернет-ресурсов, данных собственных полевых исследований в Южной Корее и Монголии. В июле 2015 г. Мариной Балдано и Светланой Кириченко была проведена серия интервью с монгольскими трудовыми и образовательными мигрантами в Сеуле и Сувоне (провинция Кёнгидо), в Улан-Баторе то же сделала Нямаа Галиймаа. Это была пилотная часть проекта, наши исследования не могут считаться законченными; мы рассчитываем на их продолжение, накопление более обширного и представительного социоантропологического «багажа», как эмпирического, так и теоретического. Соответственно, выводы и суждения, представленные в статье, носят сугубо предварительный характер, в дальнейшем мы планируем их верифицировать и развить.

Монголия как страна-донор: социально-экономический контекст внешней миграции

Для современной Монголии характерны бурные урбанизационные процессы — стягивание населения в Улан-Батор и к Улан-Батору, формирование быстро растущего слоя «новых горожан» — с типичными сопутствующими этим процессам экономическими, социальными, культурными и политическими проблемами. В сфере внешних миграций Монголия стала и донором, и реципиентом. Образовательная и трудовая миграция монгольских граждан в ближние и дальние страны приобрела значительные по меркам страны масштабы: за 2000–2010 гг. чистая миграционная убыль населения, определяемая расчетным методом по демографическим показателям, составила не менее 30 тыс. человек [Implications... s. a., p. 50–51]². Это означает, что формируется монгольская диаспора, ориентированная на постоянное проживание в принявших ее странах. И действительно, уже сложились значительные по монгольским меркам общины выходцев из Монголии в Южной Корее, США, России, странах Европы [Галиймаа, Дятлова, 2009].

² За 1990–2000 гг. та же убыль превысила 100 тыс. человек, но большая ее часть пришлось на специалистов из бывших социалистических стран, массово покидавших Монголию в начале 1990-х гг.

Сочетание обширной территории и природных богатств с малочисленным населением делает трансграничные миграции граждан Монголии одним из важнейших факторов экономического и социокультурного развития страны — одновременно и его ресурсом, и источником противоречий. Без внешних миграций трудно представить себе ускоренную модернизацию Монголии, но они же задают новые риски, проблемы и конфликты. Учитывая позиционные особенности страны, сложное соотношение интересов в ней ее ближних и дальних соседей, трансграничные миграции могут рассматриваться и как обладающие определенной геополитической «нагрузкой». Государственным признанием их значимости стало создание при администрации премьер-министра Монголии Совета по сотрудничеству с монгольскими гражданами за рубежом (Council on Cooperation with the Citizens of Mongolia Living Abroad).

Монголия — динамично развивающаяся страна. Об этом свидетельствует как статистика ВВП³, так и чисто визуальные впечатления любого непредвзятого наблюдателя. Достаточно приехать в нее дважды с перерывом всего в три-четыре года, чтобы сразу же бросились в глаза перемены в облике городов, протяженности дорожной сети и интенсивности движения по ней, в количестве и качестве объектов туристической инфраструктуры. Но динамизм этот оплачен значительными и болезненными разрывами между столицей и остальной страной, между растущими и стагнирующими отраслями, между занятыми и незанятыми, богатыми и бедными. Низкие доходы, безработица, отсутствие благоустроенного жилья, недовольство качеством образования — всё это вынуждает монголов покидать страну в надежде обрести за рубежом вознаграждающую занятость, получить лучшее образование, удовлетворить тягу к иной жизни. Жизни более, как представляется издалека, богатой по номенклатуре потребления, насыщенной разнообразными впечатлениями, открывающей радужные перспективы. В итоге, как и в большинстве развивающихся стран, трудовая миграция становится жизненной стратегией значительной части населения. И важное место в этой стратегии принадлежит Южной Корее — излюбленному адресату трансграничной монгольской миграции.

³ Несмотря на провалы в 2008 и 2014 гг., среднегодовой прирост ВВП в Монголии в период 2000–2014 гг. равнялся 17%. Подсчитано по: [Mongolia GDP... 2014].

Республика Корея как страна-реципиент: институционально-правовая рамка иммиграции

С конца 1980-х гг. Южная Корея столкнулась с нехваткой неквалифицированных рабочих, необходимых предприятиям малого и среднего бизнеса. При этом в соответствии с Законом о контроле над иммиграцией, до 1998 г. не разрешалось трудоустройство в стране низкоквалифицированных рабочих из других стран [Морозов, Коробеев, Крылова, 2008, с. 162]. Тем не менее, в течение 1990-х гг. в связи с возникшим дефицитом рабочей силы в отдельных отраслях промышленности Южная Корея всё в большей мере превращается в страну, импортирующую трудовые ресурсы. Иностранная рабочая сила стала привлекаться в первую очередь в мелкие и средние предприятия и для выполнения грязных, тяжелых и опасных видов работ.

Азиатский финансовый кризис 1997 г., ощутимо ударивший по стране, по существу, ознаменовал конец знаменитой южнокорейской модели государственного экономического управления⁴. В тот год получение кредитов от Международного валютного фонда (МВФ) на его условиях положило начало неолиберальной консолидации экономики страны, экономический либерализм стал движителем южнокорейской иммиграционной политики.

Первоначально трансграничная трудовая миграция регулировалась юридическими актами, принимавшимися *ad hoc* — такими, как Правила отправки рабочей силы за границу и приема рабочей силы из-за границы (1994) и Правила наделения полномочиями агентств и физических лиц, занятых в сфере экспорта рабочей силы (1995). Только в 2003 г. был принят специальный Акт о рабочих-иностранцах, на основе которого с 2004 г. начала функционировать до сих пор действующая разрешительная система занятости (*Employment Permit System*, сокращенно *EPS*) для иностранцев, в 2007 г. дополненная регулированием так называемых рабочих визитов — фактически временной работы — этнических корейцев из Китая и стран СНГ [Oh et al., 2011, p. 72]. Как следствие, заметно увеличилось количество документированных трансграничных мигрантов, т.е. тех, кто устраивается на работу в Южной Корее через официальные каналы. Правда, до настоящего времени сохраняется некоторое количество мигрантов,

⁴ О ней см.: [Окрут, Фам За Минь, 1992; Lim, 1999; Song, 1990].

покидающих страну исхода по каналам неофициальным — с помощью нелегализованных частных посредников или вообще на свой страх и риск.

Исследователи отмечают три этапа, стадии или фазы в развитии корейской иммиграционной политики. Первая фаза, пришедшаяся на 1987–1997 гг., характеризуется отсутствием такой политики; на второй стадии, в 1998–2002 гг., в период экономической трансформации, эта политика формируется; с 2003 г. начинается третий этап — этап развитой либеральной иммиграционной политики [Kim, 2008, p. 585].

К концу второго этапа в Южной Корее была создана институциональная система реализации иммиграционной политики государства. Ее основные компоненты таковы [Законодательство и политика... 2011, с. 78–81]:

1. Комитет по миграционной политике (The Immigration Policy Committee), возглавляемый премьер-министром страны. Он отвечает за рассмотрение и координирование миграционной политики;

2. Корейская иммиграционная служба (Иммиграционное бюро), входящая в состав Министерства юстиции. Это главный орган, занимающийся всеми вопросами, — от выдачи виз до пограничного контроля — натурализации иностранных граждан и их интеграции. В 2007 г. ее подразделение, Корейская служба визовой поддержки (Korea Immigration Smart Service, KISS) получила премию ООН за вклад в развитие государственной службы;

3. Совет по защите прав и интересов иностранных граждан в Корее (The Council for Protection of Human Rights and Interests of Foreign Nationals). Он занимается такими вопросами, как несвоевременная выплата заработной платы, несчастные случаи на производстве и т. п.

4. Комитет по признанию беженцев (The Refugee Recognition Committee). Он, как явствует из его названия, специализируется на работе с беженцами.

Монгольская миграция в Южную Корею: причины, история, численность

Монголия строит новый тип стратегического взаимодействия с Республикой Кореей, ставшей одним из важнейших партнеров для Монголии, а для ее граждан — одной из наиболее привлекательных в миграционном отношении стран. Для монголов очень важен интерес

Южной Корее и корейцев к их стране и ее проблемам; монгольские мигранты ценят относительную эмоциональную комфортность своего пребывания в корейской среде, объясняемую в первую очередь тем, что и монголы, и корейцы относятся к одному антропологическому типу. Об этом свидетельствует нижеследующий отрывок из интервью с мужчиной 42 лет, образование высшее.

Я видел заметку о том, что имя первого монгола, приехавшего в Южную Корею в 1985 г., было вписано золотыми буквами. Его встретили с почетом, как первопроходца. В 1988 г. в Южной Корее было создано волонтерское движение для помощи олимпийской команде Монголии. Монголия установила дипломатические отношения с Южной Кореей в марте 1990 г., а первые монгольские мигранты появились там в 1996 г. Южная Корея сыграла огромную роль в накоплении первых капиталов для Монголии в экономически трудные времена 1990-х гг., благодаря нашим трудовым мигрантам... Для монголов важно, что в Корее, в отличие от России и Германии, нет расовой дискриминации.

Сколь бы благоприятной ни была социально-психологическая атмосфера в принимающем обществе, все-таки не ею определяется выбор людей, решивших отправиться на работу в другую страну. Люди учитывают массу иных факторов, таких как расстояние, стоимость переезда, уровень безопасности, предполагаемые жилищные условия и т. д., но главное, чем они руководствуются при своем выборе — это ожидаемый уровень дохода, в первую очередь определяемый заработной платой.

Согласно официальным данным, в 2014 г. 34,8% всех трудовых мигрантов имели месячный заработок более 2 млн вон (1,9 тыс. долл. США). При этом росла доля мигрантов с заработной платой до 3 млн вон (2,8 тыс. долл. США) и сокращалась доля иностранцев, соглашающихся на зарплату ниже 1 тыс. долл. [Зарплата... 2014]. В Монголии же средняя заработная плата у мужчин равнялась в том же году 830 тыс. тугриков (440 долл. США), у женщин — 770 тыс. (408 долл. США) [Средняя... 2014]. В 2010 г. она была еще ниже: у мужчин — 242,6 тыс. тугриков (337 долл. США), у женщин — 219,3 тыс. тугриков (305 долл. США), в среднем около 320 долл. [Средняя... 2010]; а в 1990-х гг. была вдвое меньше. Такой разрыв в заработной плате — главный стимул трудовой иммиграции монголов в Южную Корею.

После введения разрешительной системы занятости в 2004–2006 гг. координатором процесса трудовой миграции монголов

выступала компания Mediating Bureau Co. Ltd, в 2007 г. ее сменил Центр отправки рабочей силы за границу. В 2011 г., в соответствии с требованиями разрешительной системы Республики Кореи уполномоченным органом по набору рабочей силы стало Агентство при Министерстве социального обеспечения и труда Монголии, которое и осуществляло контроль над набором монгольских рабочих для отправки за границу. Параллельно, чтобы помочь своим гражданам, живущим в Южной Корее, посольство Монголии создало сервис-центр для оказания услуг по трудовому и социальному обеспечению, доступный для документированных трудовых мигрантов [Хорлоо, 2010, с. 67].

В 2015 г. Монголия и Республика Корея отметили 25-летний юбилей установления дипломатических отношений между ними. В целях активизации экономического сотрудничества между Монголией и Кореей и увеличения оборота внешней торговли в Улан-Баторе двумя годами ранее был открыт южнокорейский бизнес-центр «КОТРА-Улаанбаатар», названный мостом сотрудничества между предпринимателями двух стран. В сферу его деятельности входит оказание поддержки и услуг корейским коммерческим организациям и производителям в их деятельности в Монголии [Открылся... 2013]. Обе страны заинтересованы в расширении сотрудничества. Южная Корея входит в число крупнейших торговых партнеров Монголии (третье место по величине товарооборота) и инвесторов монгольской экономики (четвертое место по объему капиталовложений в 2011 г.) [Сап्री, 2012, р. 1–2], возрастает ее роль в подготовке монгольских специалистов.

Углубление двустороннего сотрудничества с Южной Кореей не несет видимых геополитических издержек для Монголии. Одним из привлекательных моментов в монголо-корейском взаимодействии является и то, что в соответствии с двусторонним соглашением 2006 г. граждане Монголии в Республике Корея и Республики Кореи в Монголии освобождены от обязательных выплат в пенсионные фонды [Отношения... 2006].

Южнокорейская диаспора в Монголии невелика: в первой половине 2015 г. в Улан-Баторе проживало чуть больше 3 тыс. граждан Республики Кореи; при этом, однако, действовали корейская школа и институт, десятки клиник и ресторанов [25 лет... 2015]. Монгольская же диаспора в Южной Корее — одна из самых крупных. Уже

в 2003 г. здесь проживало почти 20 тыс. монголов, в 2008 г. — 33 тыс., что было выше численности американской и японской диаспор монголов вместе взятых. По сведениям Министерства юстиции Республики Корея на сентябрь 2011 г., количество официально зарегистрированных и живших в стране монголов составило 29 454 человека, из них 11 723 человека были рабочими по контракту. На долю Южной Кореи приходилось тогда, в соответствии с данными Министерства иностранных дел и торговли Монголии, более четверти (27,6%) монголов, проживавших за границей [Alгаа, 2013, р. 33]. Сегодня численность монгольских мигрантов в этой стране, по словам директора консульского отдела МИД Монголии Б. Болда, превысила отметку в 30 тыс. человек [БНСУ-д 15... 2015].

Структура монгольской миграции

В 2011–2012 гг. монгольский экономист Солонго Алгаа провела исследование монгольской иммиграции в шести городах Южной Кореи: Сеуле, Ульсане, Гуми, Догу, Инчхоне и Ансоне [Alгаа, 2013]. Было опрошено 764 человека, большинство из них относятся к возрастной группе 25–34 года. Средний возраст респондентов — 32 года, при этом мужчины-мигранты в целом моложе мигрантов-женщин. Более половины мужчин женаты, 6,4% мужчин и 12,8% женщин разведены. С семьями или родственниками живут 54,3% мигрантов. До приезда в Южную Корею 32,3% мужчин и 24,1% женщин были безработными.

И по абсолютным, и по относительным показателям среди монгольских мигрантов в Южную Корею преобладают трудовые мигранты. При этом большинство из них заняты в промышленности — добывающей, черной и цветной металлургии, машиностроении, производстве строительных материалов, химической индустрии, а также в строительстве и сельском хозяйстве (50,1%). Также высока (25,2%) занятость в сфере услуг — в ресторанах, розничной торговле и др. [Alгаа, 2013, р. 52].

Самое большое число рабочих мест сосредоточено в пригородах Сеула и в провинции Кёнгидо. Обычно работа для иностранцев подразумевает занятость на предприятии малого и среднего бизнеса с числом работников от пяти до ста. Если нет квалификации, можно устроиться на текстильной фабрике, где самые распространенные вакансии — работники склада и рабочие, занимающиеся покраской

и упаковкой продукции. В металлообрабатывающей промышленности требуются рабочие в цеха. Востребованы и специалисты, работающие с литьем из бронзы и алюминия; здесь возможна и простая работа по изготовлению алюминиевой посуды, и более сложная — по выделке декоративных элементов дверей или фурнитуры для мебели. Кроме того, есть множество вакансий на деревообрабатывающих заводах, стекольных фабриках и т. д. Несложно устроиться и на небольшие предприятия по выращиванию и переработке морской капусты. В сельском хозяйстве принимают работников на сезонную работу по сбору урожая риса и на постоянную — на животноводческие фермы [Работа... 2015].

Средняя продолжительность пребывания монгольских мигрантов в Республике Корея — 4,9 лет, в том числе мужчин — 4,6 лет, женщин — 5,2 года. Среди опрошенных Алгой монгольских мигрантов в Южной Корее 47,5% планировали вернуться в Монголию. Почти половина мужчин-мигрантов имели трудовую визу, тогда как 27,8% женщин проживали по студенческой визе, а у 28,5% мужчин и 34,8% женщин виза была просрочена, и они проживали нелегально [Algae, 2013, p. 43].

Заметим в этой связи, что поначалу, до введения EPS, получить рабочую визу в посольстве Южной Кореи в Монголии было очень непросто, а туристическую — едва ли не сложнее, поскольку многие въезжающие по ней пытались (некоторые и сейчас пытаются) остаться на заработки. Монгольские граждане старались найти обходные пути и периодически становились жертвами мошенников, которые, пользуясь юридической неграмотностью и доверчивостью людей, выманивали у них крупные суммы денег. Так, весной 2002 г. в Монголии разразился громкий скандал, когда выяснилось, что более 60 человек стали жертвами «услуг» южнокорейского гражданина Сон Ян Чжун, который мошенническим путем завладел их средствами в обмен на обещание отправить на работу в Республику Корею. Чтобы собрать две тысячи долларов, которые он с них требовал, люди закладывали квартиры и автомобили, шестеро продали жилье. Четверо из обманутых, дойдя до полного отчаяния, объявили голодовку в знак протеста против бездействия властей Монголии. После этого Монгольская национальная комиссия по правам человека объявила о намерении защищать права своих соотечественников, нелегально работающих в Южной Корее [Монгольская... 2002].

Сейчас проблема нелегалов не так остра, как в предыдущее десятилетие, но всё равно остается актуальной. Южнокорейское правительство периодически прибегает к депортации значительного количества иностранных рабочих, в том числе монголов, находящихся в стране незаконно, что вызывает недовольство представителей корейского частного бизнеса, стремящихся использовать дешевую иностранную рабочую силу [Балдано, Кириченко, 2015, с. 49].

Уезжают из Монголии в Южную Корею большей частью образованные люди. Половина мигрантов имеет высшее образование: 62,8% женщин и 42,1% мужчин; у 31,5% мужчин и 18,2% женщин — образование среднее. Большинство мигрантов имеют профессии в социальной и экономической сферах — 32,5%, в технической — 13,9% [Algae, 2013, p. 36]. Относительно высокий уровень образования трудовых монгольских мигрантов в Республику Корею подтверждается и другими исследованиями⁵. Поэтому неудивительно, что с течением времени они становятся востребованными и в тех областях занятости, которые обычно не считаются «мигрантскими». Показателем здесь пример монголки Халиун. Она приехала в Сеул в 2000 г., после окончания отделения корейского языка в Национальном университете Монголии. В Сеуле она получила степень магистра по экономике в университете Сангъюнг, в 2004 г. вышла замуж за корейца, в 2008 г. стала гражданкой Южной Кореи. В том же году она сдала письменный экзамен по корейской истории, нормам международного права и иностранному языку, успешно прошла интервью, была принята на работу в Иммиграционную службу и стала первой в Республике Корею натурализованной иностранкой-госслужащим [Женщина... 2008].

Помимо трудовых мигрантов сотни молодых монголов прибывают в Южную Корею для получения высшего образования, в отдельные годы — до 1700 человек [‘Korean Dream’... 2008]. По данным Иммиграционной службы Республики Корея, к началу 2013 г. в стране насчитывалось почти 5 тыс. (4952) монголов, обучавшихся в местных учебных заведениях; по численности они уступали только студентам из Китая [Kim, Lee, 2015, p. 66].

От людей, желающих получить образование в Южной Корее, Министерство труда этой страны требует, чтобы они набрали не менее 120 баллов по результатам теста по корейскому языку. Аналогичные

⁵ См., например, статью Н. Галиймы в настоящем издании.

требования к трудоустраивающимся в сельском хозяйстве, рыболовстве и строительстве значительно ниже. Тем не менее, желающих пройти этот тест очень много. К примеру, в 2007 г. претенденты в течение четырех дней стояли в очереди на регистрацию около Центрального стадиона в Улан-Баторе. Тогда было зарегистрировано 14 929 кандидатов (9892 мужчины и 5037 женщин); сдавали тест 14 606 человек, из них 6487 набрали свыше 120 баллов, остальные соответствовали минимальным требованиям [Batmunkh, 2007; Oyundelger, 2007].

Следует учитывать, что граница между трудовой и учебной миграцией монголов в Южную Корею размыта. Немало монгольских студентов настолько активно вовлечено в различные сферы занятости, что учеба становится для них побочным занятием. О том, что образовательные мигранты вынуждены работать в Южной Корее, говорили многие из числа опрошенных нами респондентов. Женщина, 38 лет, образование высшее:

У меня было две цели: повысить свой профессиональный уровень и улучшить знание иностранных языков. Мне пришлось совмещать работу и учебу, потому что у меня не было финансовой поддержки со стороны университета (Sookmyung Women's University Public). Я работала горничной в гостинице и рабочей на фабрике в те дни, когда не было занятий.

Другая женщина, 41 год, образование высшее:

В сентябре 2009 г. я поступила в аспирантуру университета Сук-мунг в Сеуле. Пять лет жила и училась в этом университете, из них один год — на подготовительном факультете изучала корейский язык. Я усердно занималась, получила стипендию от университета и денежное пособие на проживание и питание от фонда Сороса. Я подрабатывала на каникулах там, где не требовалось больших физических нагрузок, — украшала одежду стразами, клеила пакеты для продуктов, приклеивала ярлыки. Однако рабочие часы длились долго, поэтому работа давалась мне нелегко.

С учебной миграцией связана и проблема невозвращения, поскольку многие остаются после окончания обучения за границей. Более того, часть из вновь поступивших в корейские вузы монголов сознательно использует учебу как стартовую площадку для постоянного проживания за пределами Монголии. Завершение учебы при таком подходе не представляется им обязательным [Галиймаа, Липатова, 2009].

Помимо трудовой и образовательной существует брачная миграция. Монголки мигрируют в страну через международные брачные агентства. Средний возраст монгольских жен — 25 лет, мужей-корейцев — 44,5 года, и многие невесты имеют образование лучше, чем у супругов [Asia Women... 2006, p. 7]. Заведующий Консульским отделом Посольства Монголии в Корее О. Очиржав еще в 2006 г. отмечал: «Нарастающими темпами создаются монголо-корейские семьи. Сегодня их насчитывается 1800. Только за 2005 г. их число возросло на 542. В 80 % супружеских пар — жены монголки. Из них свыше 300 приняли гражданство Республики Корея» [О монгольских... 2006].

Всего же за десятилетие 2002–2011 гг., т. е. в период, когда ежегодное количество корейско-монгольских браков было выше ста, по линии брачной миграции в Южную Корею переместились 4151 гражданка Монголии. Пиковым в этом отношении был 2007 г., когда замуж за южнокорейцев вышла 701 монголка. Но после того как правительство увеличило финансовые требования для корейских мужчин, чтобы уменьшить число смешанных семей среди бедной части населения, и ужесточило языковые требования для потенциальных жен и надзор за брачными агентствами⁶, количество корейско-монгольских браков стало сокращаться, упав в 2011 г. до 230 [Tseden, 2015, p. 1055].

Вообще говоря, в результате межнациональных браков возникают семьи, которые требуют особого внимания со стороны государства и дополнительных расходов по адаптации жен и социализации детей. По данным Кэтрин Мун⁷, 40 % детей из смешанных семей в Южной Корее с трудом говорят по-корейски [Демографические... 2015]. Поэтому в стране созданы и создаются различные структуры для оказания помощи женщинам — брачным мигрантам. Так, Министерство гендерного равенства координирует деятельность Центра оказания экстренной помощи (Emergency Support Center for Migrant Women), предоставляющего консультационные услуги по юридическим вопросам и вопросам прав человека. Корейским иммиграционным центром созданы ассоциации иммигрантов (immigrant networks)

⁶ См. статью А. Пинигиной в настоящем издании.

⁷ Кэтрин Мун, профессор политологии кафедры азиатских исследований в колледже Уэлсли (США), старший научный сотрудник Брукингского института.

для иностранок, являющихся супругами корейских граждан. Их цель — защита прав данной категории лиц. Кроме того, существуют образовательные программы для подготовки к браку мужчин-граждан Кореи (Prenuptial Education for Korean Men), планирующих жениться на иностранках. Курсы затрагивают вопросы заключения международных браков и соответствующего законодательства. Цель программ — избежать заключения неудачных браков [Законодательство... 2011].

В беседе на тему межнациональных браков женщина-монголка, 40 лет, образование высшее, довольно критично отозвалась о соотечественницах:

Некоторые монголки, вышедшие замуж за корейцев, не соблюдают таких традиций, как глубокое почтение перед мужем, боготворение ребенка. Они слишком вольные, поэтому раздражают мужей и их родителей. Конечно, есть и хорошие семьи, которые живут дружно.

Монголы-мигранты: штрихи к характеристике адаптации

В Республике Корея действуют различные программы, направленные на привлечение и адаптацию мигрантов из Монголии. Монголо-корейские школы, детские сады и христианские церкви ориентируют молодежь на миграционные стратегии. В августе 1999 г. группой корейских студентов в Сеуле была открыта Международная монгольская школа для детей трудовых мигрантов. Один из ее основателей, Юу Хэе Гин отмечал, что после того, как начался рост числа монгольских граждан, прибывавших для работы и учебы, «встал вопрос о решении социальных проблем, предоставлении возможности получения среднего образования для детей в школе монгольской образовательной системы» [Монгольские... 2015]. Сначала в этой школе читывалось всего восемь учеников, в 2011 г. было зарегистрировано 80 учащихся, а в 2015 г. — 140 монгольских детей, обучающихся в классах с первого по девятый. Большинство из них — дети недокументированных мигрантов: из-за отсутствия официального статуса у родителей они не могут позволить себе учиться в обычных правительственных школах. В качестве базового используется монгольский язык, но изучается и корейский. Из 16 выпускников 2016 г.

трое вернулись в Монголию, остальные перешли в средние школы Кореи. По отзывам учителей, учащиеся обычно хорошо приспосабливаются к южнокорейским школам, несмотря на сложности, связанные с переходом на корейский язык как язык преподавания [Монгольские... 2015].

Сдвиги в системе ценностей и образе жизни мигрантов и их детей, происходящие в процессе адаптации, выражаются, помимо прочего, в стремлении сохранить и укрепить связи с исторической родиной и между собой. С 1 по 3 мая 2015 г. в Сеуле прошли «дни Улан-Батора». Делегация во главе с мэром Улан-Батора Э. Бат-Уулом посетила монгольскую школу. Во время этой встречи ученица Б. Мягмардулам, получившая за отличную учебу подарок от мэра, рассказала [Монгольские... 2015]:

Я начала учиться в монгольской школе в Сеуле с восьмого класса. Я считаю, что здесь содержание уроков и условия школы очень схожи с нашими средними школами. У монголов существует боязнь, что дети, обучающиеся за границей, недополучат знаний и образования по монгольской истории, культуре и забудут родной язык. Наша школа доказывает обратное. У нас часто проводятся такие мероприятия, как «Кто лучше знает “Сокровенное сказание”», конкурсы монгольских песен, танцев и т.д.

В Южной Корее создаются разнообразные общественные организации монголов-мигрантов, активно действует большое количество сайтов. Проводятся регулярные встречи представителей властных структур и монгольских граждан, которые живут и работают в этой стране. Проблемы мигрантов обсуждаются и решаются по мере их поступления. Показательно состоявшееся в октябре 2015 г. совещание мэра Сеула г-на Пак Вон Суна с представителями центра социального обеспечения Южной Кореи, Ассоциации монгольских граждан в Южной Корее, выпускников университетов Южной Кореи, Союза монгольских студентов и Ассоциации монгольских женщин в Корее. Монголы попросили увеличить количество студенческих общежитий, создать в столичном квартале, где высока их концентрация, улицу в монгольском стиле, улучшить освещение этого района, обеспечить холлы для обучения и залы для отдыха и спортивных мероприятий, помочь создать новый библиотечный фонд монгольских книг в библиотеке. Несмотря на довольно широкий круг проблем, мэр пообещал решить их [Сосорбарам, 2015].

В самом центре столицы Южной Кореи, в районе Дондемун расположена «Центральноазиатская деревня», которую также называют «Mongol town» или «Russian town». Здесь проживают выходцы из Монголии, России, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана. Район небольшой, в несколько улиц, но необычный и яркий. Вывески в нем — на нескольких языках, больше всего их на русском и монгольском. Здесь расположены ресторанчики, аптеки, склады, авиа- и железнодорожные кассы, фирмы, осуществляющие доставку грузов и адвокатские услуги, иммиграционный центр и т. д. Есть и магазины, где можно найти традиционные, привычные для его жителей, молочные и мучные продукты и алкогольные напитки. Много магазинов, торгующих видео- и аудиозаписями на монгольском и русском языках. По нашим наблюдениям, в целом это весьма колоритное место, в то же время спокойное и довольно безопасное.

Попав в чужое ему общество, мигрант обычно сразу же начинает искать «соплеменников» — тех, с кем он может поговорить на родном языке, от кого надеется получить моральную поддержку. И в любой стране почти всякий уже более или менее освоившийся в принимающем обществе мигрант из Монголии всегда поддержит своего земляка, поможет ему не только морально, но и материально. «Центральноазиатская деревня» — средоточие такой потенциальной помощи и в этом смысле не отличается от других мигрантских кварталов в городах мира. Особенность же ее в том, что она складывалась на основе общего для ее жителей знания русского языка. Вообще выходцы из Монголии, России, бывших союзных республик поддерживают в Южной Корее друг друга, особенно на первых порах. В то же время, чтобы обеспечить взаимопомощь, монголы создали и свои собственные неправительственные организации, например *Dalain Salkhi* («Морской Бриз») [Sea Breeze... 2005].

На основе бесед и интервью мы попытались типизировать образ среднего монгольского трудового мигранта-мужчины. Получился молодой человек в возрасте слегка за тридцать, занятый в промышленности или в сфере услуг, не всегда понимающий корейский язык, регулярно отправляющий семье деньги и рассматривающий Корею как временное место жительства. В подтверждение приведем отрывок из интервью с женщиной, 31 год, образование среднее:

Работаю на мебельной фабрике уже два года сборщиком. Работа тяжелая, но хорошо оплачиваемая. Живу при фабрике в общежитии, условия нормальные. Семейные живут отдельно, а холостые — по три человека в комнате. Регулярно отправляю деньги семье, мы планируем купить жилье в Улан-Баторе. Корейским владею плохо, понимаю, что надо учить, но получается с трудом. Оставаться здесь не собираюсь, у меня другие планы.

Плюсы монгольской миграции в Южную Корею не сводятся только к посылаемым домой денежным переводам. Находясь в стране-реципиенте, монголы осваивают новые технологии, приобретают высокие профессиональные навыки, впитывают расширяющую их кругозор иностранную культуру — вот положительные аспекты миграции в Южную Корею [Alga, 2013, p. 63].

В заключение дадим слово нашим респондентам.

Мужчина, 42 года, образование высшее:

Я поехал в Корею учиться, прожил там пять лет, восемь месяцев и двенадцать дней, хотя планировал жить четыре года. Как и все монголы, учившиеся там, приходилось подрабатывать: начиная с переводов для работников Министерства внешних сношений, кончая уборкой санузлов. Я вернулся с дипломом PhD и деньгами на трехкомнатную квартиру в самом престижном районе Улан-Батора. Я создал волонтерский клуб «Му слиб» среди студентов нашего университета (Монгольский государственный университет науки и технологии. — М.Б., Н.Г., С.К.), и мы выращиваем деревья: я работал с корейцами в проекте, который был связан с защитой окружающей среды и выращиванием деревьев. Для меня важно попытаться сформировать новый менталитет у монголов или новую привычку, что ли, — сажать и выращивать деревья.

Женщина, 41 год, образование высшее:

Я защитила кандидатскую диссертацию и вернулась домой с глубокими впечатлениями в душе. Я уверена, что мы должны реформировать наше общество. Я поняла, что развитие Южной Кореи зависит во многом от таких человеческих факторов, как честность, отношение к работе, образованность, культура.

Из интервью с женщиной, 39 лет, образование высшее:

Я жила в городе Чонжу и училась в аспирантуре университета Чонбук. Во время каникул работала официанткой и посудомойкой в ресторанах и кафе. Я училась в Корее за свой счет, поэтому мужу

пришлось оставить университет в Монголии и работать чернорабочим. Совесть мучила, что у мужа тяжелая физическая работа. Второго ребенка родила в Корее, поскольку у меня была медицинская страховка. Когда работала, оставляла семилетнюю и двухгодовалую дочек без присмотра. Я строго запрещала старшей дочке купать сестренок и жарить яичницу, но она купала и жарила яичницу. Как они умудрились остаться целыми и невредимыми, я не знаю. Наверное, ангелы их хранили. Я планировала остаться в Корее четыре года, но прожила четыре года и пять месяцев. Сначала жила одна, потом вызвала мужа и дочку. Я горда тем, что вернулась из Кореи с дипломом кандидата и новыми знаниями. Там я увидела другой образ жизни и другую культуру. Я поняла важность накопления денег, значение страхования. К монголам в моем кругу относились с почтением. Но совсем ничего не знали о Монголии, некоторые думали, что мы скачем верхом на лошадях по просторной степи.

К негативным последствиям миграции можно отнести отъезд людей трудоспособного возраста, увеличение числа разводов, невозможность заботиться о членах семьи и быть активно вовлеченным в воспитание детей на родине⁸. Женщина, 39 лет, образование высшее, рассказала:

Я жила с мужем и старшим сыном в Пусане, в районе Кимха. Муж учился в аспирантуре, получил довольно много денег по гранту, поэтому мне не пришлось работать. Хотя муж иногда подрабатывал. Мне пришлось сидеть дома с ребенком. Муж жил в Корее четыре года, а мы с ребенком — один год и два месяца. Из Пусана до Северной Кореи рукой подать, поэтому в душе тревожно было. То угроза войны, то радиоактивное облако из Фукусимы... Я вернулась в Монголию с сыном, потом родила второго. Муж приезжал на летние и зимние каникулы, поэтому не знал, как выглядит новорожденный младенец и как трудно его растить. Когда он вернулся совсем, младшему был уже годик, он несколько дней даже побаивался отца.

* * *

Позволим себе сделать предварительный вывод о том, как в Южной Корее происходит социальная адаптация монгольских мигрантов. Представляется, что основные вопросы социально-экономического и правового характера, возникающие перед мигранта-

⁸ См. на эту тему статью Ц.-А. Батцэрэн в настоящем издании.

ми и принимающим обществом на разных стадиях этого процесса, встречаются понимание и более или менее решаются как на уровне государственных органов, так и на уровне неправительственных общественных организаций и работодателей. Миграционное законодательство и прописанные в нем механизмы социальной защиты трудовых мигрантов в целом положительно сказываются на их отношениях с представителями принимающего общества, обеспечивают баланс, при котором государство-реципиент, работодатели, мигранты и население довольно успешно реализуют свои права и обязанности. Можно ли прийти к аналогичным оптимистическим заключениям относительно ситуации, складывающейся в области межкультурного взаимодействия монголов-мигрантов и «хозяев» — корейского этнического большинства, покажут, как мы надеемся, будущие исследования...

Список литературы

- 25 лет дипломатическим отношениям между Монголией и Южной Кореей // Монголия сейчас. 2015. 27.03. URL: http://news.mongolnow.com/27_03_01.html (дата обращения: 19.11.2015).
- Балдано М.Н., Кириченко С.В.* Монголия на перекрестке внешних миграций: монгольские мигранты в Южной Корее // Символ науки. 2015. №9, ч. 2. С. 45–50.
- БНСУ-д 15 мянган монгол иргэн хууль бусаар амьдардаг // TIMES.MN: Тэнцвэртэй мэдээлнэ. 2015. URL: <http://times.mn/p/6035/> (дата обращения: 20.12.2015).
- Галиймаа Н., Дятлова Н.Н.* Монголия на перекрестке внешних миграций. Международная конференция // Демоскоп Weekly. 2009. 07–20.12. № 401–402. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/nauka03.php> (дата обращения: 18.12.2015).
- Галиймаа Н., Липатова Н.* Монголия — перекресток миграций // Бурятия. Азия. 2009. 08.06. URL: <http://buryatia.asia/mongoliya-perekrestok-migracij/> (дата обращения: 14.08.2015).
- Демографические изменения в Южной Корее в свете миграции // КОНТ. 2015. 28.10. URL: <http://cont.ws/post/140390> (дата обращения: 05.11.2015).
- Женщина из Монголии сдала экзамен в государственную службу Южной Кореи // Новости Южной Кореи. 2008. 04.07. URL: <http://southkoreanews.ru/story/504> (дата обращения: 18.12.2015).
- Законодательство и политика в области интеграции иммигрантов. Сборник законодательства, политики и практики 19 государств в области

- интеграции иммигрантов / Пер. с англ. / Межд. организация по миграции. М.: ООО «Верди», 2011.
- Зарплата работающих в Южной Корее мигрантов превышает 2 тысячи долларов // *Headline*. 2014. 24.10. URL: http://news.headline.kz/world_news/zarplata_rabotayushchih_yuzhnoy_koree_migrantov_previshaet_tisyachi_dollarov.html (дата обращения: 29.11.2015).
- Монгольская национальная комиссия по правам человека намерена защищать права своих соотечественников, нелегально работающих в Южной Корее // *РИА Новости*. 2002. 24.11. URL: <http://old.rian.ru/politics/20021124/269768.html> (дата обращения: 18.12.2015).
- Монгольские дети в Корее получают образование как дома — мэр Бат-Уул проверил // *ARD (Asia Russia Daily)*. 2015. 05.05. URL: <http://asiarussia.ru/news/7305/> (дата обращения: 15.08.2015).
- Морозов Н.А., Коробеев В.А., Крылова Я.Г.* Особенности государственного регулирования миграции в странах АТР // *Бизнес в законе: Экономико-юридический журнал*. 2008. № 4. С. 160–164.
- О монгольских гражданах в Южной Корее // *AtlasMap.ru*. Справочник путешественника. Дайджест. 2006. № 57, 10.07. URL: <http://atlasmap.ru/index.php/spr/149161> (дата обращения: 27.12.2015).
- Открылся «мост» экономического сотрудничества между Монголией и Южной Кореей // *МОНЦАМЭ*. 2013. 29.06. URL: <http://www.montsame.gov.mn/ru/index.php/economics/item/1583-2013-07-29-08-07-57> (дата обращения: 20.12.2015).
- Отношения Монголии — Южной Кореи // *WikiLingue*. URL: encydia.com/en/Монголия_-_Отношения_Южной_Кореи (дата обращения: 20.12.2015). [Источник: Южнокорейский президент в Монголии // *Монгольский посольный*. 2006. 18.05. <http://www.mongolmessenger.mn/issue/060518.php>, восстановлен 27.01.2009, на 20.12.2015 недоступен].
- Окрут З.М., Фам За Минь*. Модель экономического развития Южной Кореи. Путь к процветанию. М.: Финансы и статистика, 1992.
- Работа в Южной Корее // *Trydes.org*. Сайт № 1 по трудоустройству за границей. 2015. 20.05. URL: <http://trydes.org/rabota-v-yujnoy-koree/> (дата обращения: 27.12.2015).
- Сосорбарам М.* Монголы, живущие в Южной Корее, попросили у мэра улицу в монгольском стиле // *ARD (Asia Russia Daily)*. 2015. 22.10. URL: <http://asiarussia.ru/news/9595/> (дата обращения: 18.12.2015).
- Средняя заработная плата монголов составляет 762,9 тысяч тугриков // *Голос Монголии*. 2014. 17.06. URL: <http://ru.vom.mn/d/5600/17.06.2014> (дата обращения: 15.12.2015).
- Средняя зарплата в Монголии — 320 USD // *Информационное агентство «Байкал 24»*. 2010. 19.12. URL: <http://baikal24.ru/text/19-12-2010/srednyaya/> (дата обращения: 02.09.2015).

- Хорлоо Г. Монголия как субъект международно-правовых отношений в области защиты прав человека и трудовой миграции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
- Algae S. Impact of Out-Migration to Korea: Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia // *The Journal of Multicultural Society*. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 32–75. URL: <http://www.omnesjournal.org/public/omnes.php> (last visited on 18.12.2015).
- Asia Women Network Supporting Married Migrant Women's Human Rights // *Asian Workers News*. 2006. 10.12. URL: http://www.sopra21.org/awn/eng_pdf/216.pdf (last visited on 18.12.2015).
- Batmonkh Sh.* 13 000 Qualify to Enter Korea // *Ulaanbaatar Post*. 2007. 27.01. URL: <http://ubpost.mongolnews.mn/content/view/305/36/> (last visited on 17.08.2007).
- Campi A. Expanding Prospects for ROK – Mongolia Relations: The View from Ulaanbaatar // *Korea Compass*. 2012, December. URL: http://www.keia.org/sites/default/files/publications/kei_koreacompass_template_aliciacampi.pdf (last visited on 20.12.2015).
- Implications of demographic trends for socio-economic development and public policy in Mongolia / United Nations Population Fund, Mongolia Country Office. URL: <http://unfpa.org.mn/Demographic%20study%20English.pdf> (last visited on 19.12.2015).
- Kim N.H.-J. Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals' Dilemma // *International Migration Review*. 2008. Vol. 42. No. 3. P. 576–596. URL: <http://www.jstor.org/stable/27645267> (last visited on 18.12.2015).
- Kim J.-Yu., Lee J.-J. The Reality of Immigrants: A Long Journey from Mongolia to Korea // *International Review of Social Sciences and Humanities*. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 61–69. URL: http://irssh.com/yahoo_site_admin/assets/docs/7_irssh-1029-v8n2.31142443.pdf (last visited on 18.12.2015).
- 'Korean Dream' fills Korean classrooms in Mongolia // *The Chosun Ilbo*. 2008. 24.04. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2008/04/24/2008042461009.html (last visited on 18.12.2015).
- Lim Yo. *Technology and Productivity. The Korean Way of Learning and Catching up*. Cambridge (Mass.) and London: MIT Press, 1999.
- Mongolia GDP – Gross Domestic Product. URL: <http://countryeconomy.com/gdp/Mongolia> (last visited on 19.12.2015).
- Oh J.-E., et al. Migration Profile of the Republic of Korea / International Organization for Migration, Migration Research and Training Centre. IOM MRTS Research Report Series No. 2011–01. URL: http://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_korea.pdf (last visited on 09.12.2015).
- Oyundelger B. Chaos reigns in registration process // *The Mongol Messenger*. 2007. 30.05. URL: <http://www.mongolmessenger.mn/issue/070522.php?vitab=2&vtab=100> (last visited on 17.08.2007).

Tseden Ts. Marriage Migration of Mongolian Women to South Korea // *Sociology Study*. 2014, December. Vol. 4. No. 12. P. 1050–1059. URL: <http://www.davidpublisher.org/Public/uploads/Contribute/55482667d45bc.pdf> (last visited on 20.12.2015).

Sea Breeze Helps Korea's Mongolians Speak with One Voice // *The Chosun Ilbo*. 2005. 29.03. URL: <http://english.chosun-com/w21data/html/news/200503/200503290013.html> (last visited on 21.12.2015).

Song B.N. *The Rise of the Korean Economy*. Hong Kong: Oxford Univ. Press, 1990.

Николай Стеблин-Каменский

Волло, Эфиопия:

ЛОКАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТРАНСГРАНИЧНОЙ МИГРАЦИИ И СТИГМАТИЗАЦИЯ ВЕРНУВШИХСЯ

Статья построена на анализе интервью с жителями провинции Волло, округа Хабру. Описывается исторический контекст современной трудовой миграции из Волло в страны Персидского залива, дается небольшая справка о том, как миграция обсуждается на общенациональном уровне (официальная позиция государства и СМИ). Основная часть статьи посвящена выявлению и обсуждению смыслов, вкладываемых в трансграничную трудовую миграцию ее участниками и их семьями. Особое внимание обращено на негативные стереотипы о вернувшихся из миграции людях и на противоречие между негативным отношением к миграции и реальной популярностью данной жизненной стратегии. Негативное восприятие миграции активно навязывается «сверху» и не способствует облегчению обратной интеграции на родине нелегальных мигрантов, депортированных властями стран Залива.

Ключевые слова: *транснациональная трудовая миграция, дискурс о миграции, обратная интеграция мигрантов.*

Моя первая поездка в округ Хабру провинции Волло¹ и интерес к этой эфиопской провинции были связаны с исследованием личных имен, вопросами их выбора и интерпретаций². Занимаясь этой интересной и довольно безобидной темой, я постоянно сталкивался с информационным фоном, непреходящей темой которого была трудовая миграция в страны Персидского залива. Информанты говорили о том, что перспектива миграции является одним из мотивов предпочтения арабских имен, упоминали уехавших людей, с волнением обсуждали страшные истории о тяготах дороги и работы за границей.

¹ Точное административное название — зона Северного Волло, Хабру вэрада.

² Подробнее об особенностях антропонимики в Волло можно прочитать в работе [Стеблин-Каменский, 2013].

Однажды до деревни, где я тогда остановился, донеслись вопли из соседнего села. «Это плач по девочке, новость о ее смерти дошла сегодня до семьи», — пояснили мне. Трансграничная миграция заинтересовала меня как феномен, с одной стороны связанный с глобальным миром и его ценностями, с другой — укорененный в местную культурную традицию.

В начале 2014 г. я снова приехал в Волло, чтобы заняться уже исследованием трудовой миграции. Этот период (январь — март 2014) совпал с программой по депортации нелегальных мигрантов из Саудовской Аравии [Ethiopia Workers... 2013]. Многие из них возвращались «пустыми» — при том, что сам по себе отъезд часто вынуждает семьи идти на большие расходы. Это создавало атмосферу психического напряжения: родители плохо скрывали свое разочарование детьми, а дети, чувствуя вину, томились от беспомощности. Полевые материалы, которые я тогда собрал методом неструктурированного интервью, несут на себе ясный отпечаток этой атмосферы: разочарование неудачливыми мигрантами переносилось на образ мигрантов и миграции вообще. Следует, однако, иметь в виду, что, несмотря на тотальность негативного дискурса о миграции, он может иметь другие причины. Например, объясняться восприятием меня информантами или доминирующим в обществе стилем обсуждения миграции. Реальные отношения между мигрантами и их семьями гораздо сложнее, и мои суждения о них следует воспринимать с некоторым скептицизмом.

Подход к изучению миграции с точки зрения представлений о ней в отправляющем сообществе, насколько я могу судить, не является широко распространенным. В этом ключе пишет Йорген Карлинг, когда называет миграцию социально сконструированным проектом [Carling, 2002]. Он подчеркивает, что внимание к дискурсивным аспектам не означает игнорирования внешних факторов, влияющих на желание людей уехать, но само представление людей об этих факторах формируется дискурсивно. Так, хотя понятие «бедность» представляется ясным и четким, его употребление в конкретном месте может быть весьма специфическим, что Карлинг и демонстрирует в своей статье на примере Кабо-Верде. Интересна также работа Гунвар Йонсон [Jónsson, 2008]. Главный ее тезис состоит в том, что социальная структура общества, в данном случае — общества малийских сонинке — делает миграцию необходимостью для молодых людей, поскольку невозможность уехать негативно сказывается на их социальном

положении и на отношениях между поколениями. Йонсон пишет, что в течение нескольких сотен лет у сонинке сформировалась настоящая «культура миграции», и в рамках ее отъезд правильнее рассматривать не как желание отдельного человека, а как социальное предписание его среды. Комплекс этих представлений она определяет как *local meaning of migration*.

В своей статье я, как и авторы, упомянутые выше, буду говорить о значении миграции для отправляющего сообщества, однако акцент сделаю на сложившемся негативном образе и попробую объяснить его причины и последствия. Но, прежде чем переходить к основному содержанию статьи, я коротко остановлюсь на историческом контексте трудовой миграции из Волло, а также на том, как данная тема обсуждается на общенациональном уровне.

Исторический контекст трудовой миграции из Волло

Представление о том, что современная трудовая миграция из Эфиопии является принципиально новым феноменом, конечно, несправедливо. Жители Эфиопии всегда перемещались с целью улучшить благосостояние, свое и своих близких, хотя масштабы этих перемещений и состав их участников могли быть самыми разными. В XVI в. с юга современной Эфиопии в Волло массово мигрировали группы оромо. Многие из них были впоследствии ассимилированы амхара, но местная топонимика сохраняет заметный отпечаток языка оромо [Trimingham, 1952, p. 106]. Через Волло проходили торговые пути, связывавшие Эфиопию с внешним миром [Hussein, 2001, p. 139–159], по этим путям двигались и местные жители. Кроме того, существовала работоторговля: по ее каналам выходцы из южных народов насильственно перемещались в дома северной знати и в соседние арабские страны. В XX в., когда в Восточноафриканской рифтовой долине возникает производство хлопка и сахарного тростника, труд рабов сменяется наемным трудом, участие в котором принимает и мужское население Волло [Edwards, 1982]. С перемещением были связаны ключевые стратегии выживания во время засухи³ [Dessalegn, 1991].

³ Во второй половине XX в. засуха приходила в Эфиопию дважды: в 1974–1975 и в 1984–1985 гг. Эпицентром ее становилась северо-восточная часть страны, куда падает и провинция Волло.

Также в XX в. в Эфиопии осуществлялись экспериментальные программы по переселению людей из густонаселенных районов высокогорья в западные части страны. Ожидалось, что это поможет решить ряд социальных проблем, на деле результат был удручающим: многие вернулись обратно, погибли в дороге или потеряли землю⁴. Волло являлась одним из основных районов, откуда люди выселялись в новые места жительства [Pankhurst, 1992, p. 16]. Паломничества, торговля, браки, визиты к родственникам по случаю свадеб и похорон, работоторговля, наемный труд, программы по переселению — всё это, а отнюдь не воображаемая неподвижность, образует исторический контекст современных поездок в страны Персидского залива.

Выезд в Саудовскую Аравию — главную страну назначения в ТГМ жителей Эфиопии — начинается в конце XX в. В 1991 г. новый политический режим снимает ограничения на выезд граждан из страны, вовлеченность людей в трудовую миграцию начинает быстро увеличиваться [Kebede, 2002; Fernandez, 2011, p. 433; De Regt, 2006]. Постепенно происходит изменение путей миграции. Поначалу наиболее популярной была дорога через хадж, когда люди проникали в Саудовскую Аравию под предлогом паломничества; после введения квоты на паломников из Эфиопии всё больше мигрантов пересекают границы нелегально. Из Волло они добираются по суше до Джибути или Сомали, переплывают на лодках Красное море и проникают в Саудовскую Аравию через Йемен. Параллельно на территории Саудовской Аравии и других принимающих стран начинают активно действовать посредники и агентства по найму, с помощью которых арабские работодатели находят дешевую рабочую силу.

Трансграничная миграция открыла перед воллийцами невиданные дотоле перспективы. Уровень доходов, который обещает миграция в страны Персидского залива, значительно выше того, на что люди могут рассчитывать, занимаясь сельским хозяйством или устраиваясь на не требующие специальной квалификации работы в городах. Покупка земли в городе, сооружение нового дома, начало собственного бизнеса — всё это может стать доступным на деньги, заработанные за рубежом. И именно эти достижения чаще всего связывают жители Волло с понятием «изменить свою жизнь».

⁴ Оценочно на последнем этапе переселений (1974–1984) погибло свыше 50 тыс. человек [DeWaal, 1991].

Постепенно трудовая миграция затронула практически все домохозяйства в окрестностях города Мерса. Из некоторых населенных пунктов уезжает, по словам моих информантов, буквально вся молодежь — все, кто попадает в возрастную группу 15–25 лет. Возникла интересная форма миграции, когда жители эфиопских деревень принимают участие в транснациональной миграции напрямую, почти совсем минуя города своей страны. Правда, юноши довольно часто находят работу вне городов Саудовской Аравии: участвуют в разведении и выпасе верблюдов или в растениеводстве. Женщины почти всегда устраиваются домработницами в арабские семьи. Возможность уехать «по контракту» делает миграцию более доступной именно для женщин. Как следствие, они в большом количестве случаев становятся главными добытчиками в своих семьях. Мэсфын Дэссе считает, что это в какой-то мере изменяет патриархальную структуру эфиопского общества [Dessiye, 2011].

Общенациональный взгляд на миграцию

Разговор об отношении к миграции на общенациональном уровне уместно начать с термина, которым это понятие обозначается в амхарском языке. Слово *сыддэм* (ሰደጎት / *səddät*) означает: 1) изгнание, ссылка; 2) эмиграция. От него, в свою очередь, образуется слово *сыддэтэня* (ሰደተኛ / *səddätägna*), означающее 1) изгнанник, ссыльный; 2) эмигрант; 3) беженец [Ганкин, 1969]. Наряду с *сыддэм* существует термин *фильсэм* (ፍልሰት / *fəlsät*), но он употребляется редко и чаще в нейтральном контексте. *Сыддэм* же, напротив, имеет яркую оценочную окраску, в нем слиты тоска по родине и ощущение тягот жизни на чужбине. И это чувство может приписываться не только домработнице в Саудовской Аравии с ее трудным бытом, но и благополучному писателю, живущему в Германии. Художественный пересказ жизни эфиопской работницы в Саудовской Аравии и Ливане, вышедший под заглавием «Алемнеш — беженка (*сыддэтэня*) в арабскую страну», содержит такую емкую фразу: «Не важно, Рукия, буду я в арабской стране или в США, сиддэт — это сиддэт» [መላክ ጎዕዝ / *Mälakä Təzazu*, 2013, г. 226].

Несмотря на то, что этнический бэкграунд и регион проживания играют важную роль в процессе переезда и формировании социальных сетей в странах Залива, в публичном дискурсе о миграции вопрос этот, насколько я могу судить, не поднимается. В художественной

литературе и в песнях о миграции все граждане Эфиопии предстают братьями и сестрами, образ миграции как страдания и отлучения от родины имеет мощный консолидирующий потенциал, что, как мне кажется, и является одной из причин его популярности. Националистический *sentiment* настолько плотно вплетен в официальный дискурс о миграции, что, кажется, составляет основную его сущность. В многонациональной стране, где политические конфликты часто формируются в рамках этнических разногласий, надэтнический эфиопский национализм и сопутствующий ему стиль обсуждения миграции оказывается привлекательным для правительства. К национальным чувствам взывает и оппозиция, заявляя, что причина бедности и вызываемой бедностью миграции «наших сестер и братьев» — в бездарной политике правительства.

В современных песнях и книгах о миграции акцент также смещен на негативные стороны этого процесса, что практически исключает успешные истории миграции из контекста. Этот стиль обсуждения, конечно, находит отражение и в локальном дискурсе отправляющего сообщества, описанию которого посвящена следующая часть статьи.

Местная интерпретация миграционного проекта

Среди моих информантов из Волло, ездивших в страны Персидского залива, большинство говорили о своем опыте как о вынужденном решении. Собственно, такой смысл уже заложен одним из значений термина *сыддэт*: изгнание. Их гонят бедность, безработица, отсутствие перспектив. Если использовать распространенную в миграционных исследованиях рамку «push — pull», то хорошо видно: в эфиопском дискурсе превалирует обсуждение выталкивающих факторов. Ссылки моих информантов на «бедность» я склонен рассматривать в рамках подхода, предложенного Карлингом: «И в бытовых обсуждениях миграции, и в научных описаниях мы часто сталкиваемся с мыслью, что “люди мигрируют (или хотят мигрировать) из-за бедности”. Я считаю более продуктивным подход, позволяющий предположить, что люди хотят мигрировать, потому что: а) они сами считают себя бедными и б) считают бедность неотъемлемой характеристикой места» [Carling, 2002, p. 19].

Действительно, люди, утверждающие, что причиной миграции является бедность, не обращают внимания на то, каких вложений требует

поездка. Позволить ее себе могут лишь те, у кого достаточно средств на дорогу и начальное обустройство и есть какие-то связи в стране назначения. Несмотря на это участники миграции не говорят о том, что поездка в Персидский залив является одной из возможных инвестиций, трактуя свой отъезд исключительно как вынужденный шаг. Им приходится уезжать, чтобы «изменить жизнь», т.е. выйти из состояния «бедности» или «отсталости», отождествляемого не только с отсутствием денег, но и с сельским образом жизни. Не случайно чаще всего мигранты мечтают о переезде в город и об открытии своего дела в нем. Но долг перед семьями может помешать молодым людям превратить мечты в жизнь. Первые переводы мигрантов чаще всего идут на покрытие долгов, последующие — на постройку родителями дома в деревне, в которой сами мигранты не видят своего будущего. В любом случае проживание в арабских странах не является целью моих информантов, хотя и может затянуться на долгий срок. Миграция для них — это своего рода жертва, на которую они вынуждены пойти ради изменения своей жизни и жизни близких. Этот «возвращения на родину» является неременной составной частью *сyddət*.

Стигматизация вернувшихся мигрантов

В городе Мерса и его окрестностях, где проходило мое исследование, большинство моих знакомых оказались людьми из сферы школьного образования или государственными служащими. Они имели постоянную зарплату, а их возраст превышал возраст большинства мигрантов. Я полагаю, что то и другое во многом определило их негативный взгляд на миграцию. Некоторые сознавались, что и у них была мысль уехать, но они остались. Для этих людей критика миграции имела дополнительный смысл — оправдание неучастия в ней. Хотя учителей и государственных служащих можно считать проводниками негативного взгляда на трудовую миграцию, не только они его придерживаются. Можно сказать, что в разговоре о миграции преобладает негативный дискурс. Даже бенефициары трудовой миграции часто говорят о ней в негативном ключе.

В результате миграция при ее описании моими собеседниками чаще всего представляла бесполезным делом. Многие утверждают, что благосостояние достижимо и дома, надо только иметь больше терпения и трудолюбия — тезис, часто повторяемый эфиопским

телевидением и официальными брошюрами о миграции. В следующих выдержках из интервью можно увидеть, как похожи друг на друга утверждения, что альтернативный путь возможен.

Н. (здесь и далее — исследователь): *Почему ты никуда не хочешь ехать?*

П., автомеханик из г. Дессе, муж., около 40 лет: *Я хочу преобразовать свою жизнь, работая здесь. Здесь ведь очень много работы!*

Х. М., первый сотрудник деревенской администрации, муж., около 30 лет: *По короткому пути хотят того, что можно получить, работая здесь. Хотят без усталости и больших усилий много денег найти. Вот так они рассуждают. Здесь работая, можно жизнь изменить.*

Т. Т., второй сотрудник деревенской администрации, муж., около 40 лет: *Это всё по тяжелой проблеме происходит. Они знают о смертях в море и пустыне, но едут, чтобы там достичь быстро того, на что здесь уйдет пять-шесть лет.*

А. М., директор деревенской школы, муж., 35 лет: *Когда я смотрю на этих ребят здесь, я вижу, что они предпочитают уехать и за короткое время достичь изменений в своей жизни, чем получить те преимущества, которые дает школа.*

Н.: *Ну а что на самом деле они там находят?*

А. М.: *Выбором своим? Никакой удачи нет у них.*

В высказываниях, приведенных выше, миграции противопоставляется работа дома, по мнению информантов, более перспективная. Также некоторые информанты говорят о том, что на миграцию людей толкает желание легких денег и лень. За этим утверждением скрывается другой элемент негативного дискурса о миграции — стигматизация тех, кто принимает в ней участие. Причем помимо обвинений в лени и жадности им приписываются склонность к криминальной деятельности, вспыльчивость и психические расстройства.

Г. Х., работник медицинского центра в городе, муж., 25 лет: *Те, кто возвращаются из арабских стран, хотели денежек, а так как они их не получили, деньги не получили, сейчас, когда они в состоянии стресса, что им делать? Работы у них нет, многие больными стали. А половина из них, так как денег у них нет, вот и всё... грабеж! Ворами стали.*

Т. Т.: *Они там (в Мерса. — Н. С.-К.) телевизор смотрят, а навыки работы у них очень испортился. А в конце концов приходят к грабежу, убийствам.*

Итак, привычка к большим деньгам с одной стороны и их отсутствие с другой способствуют, по мнению информантов, соскальзыванию в мир криминала. Интересно, что во втором примере говорится о том, что «испортился» навык работы. Эта мысль повторяется и в другом месте интервью с тем же информантом: *Ну, в общем, дух их падает, работать они не могут*. Работник же медицинского центра в другой части интервью признался, что сам хотел бы поехать работать за границу, так как ему здесь всё надоело, нет больших перспектив для роста. Значит, негативные характеристики вернувшимся из арабских стран могут приписывать даже потенциальные мигранты.

Важно заметить, что в суждении сотрудника администрации стигматизируются не все мигранты, а те, кто был депортирован и вернулся в деревню без денег. Если попробовать создать умозрительную конструкцию и представить, в какой ситуации статус молодого человека будет наиболее высоким, выше всех окажется успешный мигрант, помогающий своей семье, рангом ниже — человек, работающий в Эфиопии, еще ниже — безработный в Эфиопии, а в самом низу иерархии, я полагаю, будет находиться неудачливый мигрант. Получается, что как способ достижения высокого положения в обществе трудовая миграция — предприятие чрезвычайно привлекательное, но и очень рискованное.

Контраст между надеждами и реальностью оказывается таким сильным, что отражается на психическом состоянии многих трудовых мигрантов. Среди новостей о несчастных случаях с эфиопскими домработницами в арабских странах встречаются и сообщения об их психических расстройствах. В одном из них даже утверждается, что 90% пациенток психиатрической клиники Джидды — эфиопки [Ethiopian housemaid... 2013]. Уже появилось научное исследование проблем психики у вернувшихся из миграции эфиопских женщин. Авторы его пришли к выводу, что с миграцией связаны большое депрессивное расстройство, короткое психотическое расстройство и биполярное расстройство первого типа [Anbesse et al., 2009].

В одной из деревень Волло, где проходило мое исследование, мне удалось встретиться с тремя девушками, про которых односельчане говорили, что у них проблемы с психикой из-за неудачной миграции. Для обозначения их состояния мои информанты использовали словосочетание «расстройство ума» — *eamro чинкэт* (የአእምሮ ጭንቀት / *yā'a'amro chənqät*) и глагол «сходить с ума» — *аббэдэ* (አበደ / *abbädä*)

с его производными. Одна из девушек разговаривала на арабском языке с невидимым собеседником, но при этом была способна отвечать на мои вопросы. Другая, вернувшаяся совсем недавно, была агрессивна, кричала, и диалог не состоялся. Состояние же третьей было вполне нормальным, но родители утверждали, что помогли лечение и святая вода. Изучение данной темы не входило в мои задачи, поэтому, оставляя в стороне медицинский подход, я хочу обратить внимание на то, какое место в дискурсе о миграции занимает сумасшествие, какими словами об этом говорят жители Волло, и как они объясняют данную проблему. Ниже я приведу несколько характерных отрывков из интервью; по ним видно, что потенциально нездоровыми могут считаться все депортированные мигранты.

Т.Т.: Большинство тех, кто возвращаются оттуда, имеют проблемы с головой! Даже сумасшедшие приезжают. Вот моей младшей сестры дочка. Она легально поехала, вернулась безумной. <...> Сотни сумасшедших! Только в этом округе больше 50 или 60 безумных! И это неточно, их сотни! В домах их держат, в каждом доме!

А.К., деревенский священник, муж., около 60 лет: С миграцией что связано — это психическое расстройство. Когда они едут, с какими-то проблемами сталкиваются, а когда возвращаются, мозг расстраивается у них.

Х.А., учитель в деревенской школе, жен., 38 лет: Так как у них низкий уровень образования, они не имеют никаких перспектив. Когда они уезжали в Саудовскую Аравию, им казалось, что их будущее будет прекрасным. Они уже представляли, как они строят дома, живут более богатой жизнью. Вот и всё. Они думали, что привезут с собой золото, одежду и даже автомобили. Это разочарование сводит их с ума.

Н.: На самом деле?

Х.А.: На самом деле! Все эти люди, которых ты здесь видишь, не совсем здоровы! Они кричат по малейшему поводу, у них крыша едет!⁵

По этим отрывкам из интервью мы видим, что чуть ли не всем вернувшимся из стран Персидского залива приписывают сумасшествие или как минимум неуравновешенность, вспыльчивость. Особенно примечательно утверждение школьной учительницы: если вам

⁵ В амхарском используется выражение አእምሮቸቸው የተገሸረተተ ነው, буквально: «их ум соскальзывает».

кто-то кажется здоровым, вы ошибаетесь. Причем чаще всего психические расстройства объясняли разочарованием. В ряде рассказанных мне историй люди теряли рассудок не в «арабской стране», а когда возвращались и видели, что на выславшиеся ими деньги ничего не было сделано, даже долги не выплачены. Далее, чаще всего сумасшествие приписывается женщинам, мужчины в аналогичных ситуациях могут, по рассказам, кончать жизнь самоубийством. Наконец, насколько мне удалось выяснить, приводятся три главных причины сумасшествия трудовых мигрантов. Большинство связывает его с разочарованием. Некоторое количество информантов подчеркивало влияние климата: будто бы жаркое солнце и пустыня могут подорвать психическое здоровье. Последнее же, довольно редкое объяснение можно назвать конспирологическим: чтобы не выплачивать зарплату, работодатели-арабы дают домработницам специальную таблетку, сводящую с ума.

Оправдание миграции

Как участники миграции, так и ее противники демонстрируют во многом схожий взгляд на миграцию. Все согласны в том, что Эфиопия — страна бедная, дорога в «арабскую страну» — опасна, а жизнь в ней чревата множеством рисков. Однако мигранты ставят другие акценты. Например: для них важны не деньги сами по себе — они хотят помочь родственникам, изменить жизнь семьи к лучшему. Поездка за границу трактуется ими не как попытка «срезать долгий путь по короткой дороге», а как единственный возможный выход из ситуации. Вообще же причины миграции в общении с мигрантами всплывают довольно редко, иногда мой прямой вопрос на эту тему заставлял информанта врасплох. Один из спонтанных и, видимо, искренних, ответов был таким: «Ну, просто ехать». Объясняется это, я думаю, тем, что необходимость поездки представляется совершенно очевидной, не нуждающейся в долгих размышлениях: единственный способ преобразовать свою жизнь — уехать.

Уехать действительно хотят многие. Мне не раз приходилось объяснять людям, почему я не могу взять их с собой. Часто, то ли в шутку, то ли всерьез мне предлагали увезти с собой детей. Даже пожилой крестьянин из Бохоро, в доме которого я жил, хитро улыбаясь, просил меня забрать его в Россию.

К поощряющим миграцию можно также отнести представления о том, что значит «изменить жизнь». В вещном воплощении это дом с железной крышей, телевизор, холодильник и мобильный телефон. Без сомнения, данные «цивилизационные блага» для жителей Волло имеют полезное практическое применение, но также — очень важное символическое значение. О новом доме под железной крышей мечтают не только потому, что такую крышу не надо чинить каждый год, но и потому, что в домах старого типа жить стыдно. Впрочем, дешевле, и, соответственно, легче обозначить свою причастность к новому образу жизни не через машину, дом или дорогой телефон, а через одежду. Красные штаны и яркая клетчатая рубашка, в которых вполне можно было бы прийти на дискотеку в Аддис-Абебе, странно выглядят на подростке, погоняющем верблюда в сельской местности. Но практически вся молодежь в Кулле и Бохоро в своей повседневной жизни предпочитает носить модную «выходную» одежду.

Соглашаясь с тем, что миграция вещь нежелательная и опасная, участники ее оправдывают себя тем, что других вариантов в их распоряжении нет. Например, К., в общей сложности проработавшая в Саудовской Аравии десять лет, сказала мне следующее.

Если ты спросишь, почему не вернулась домой, хотя было трудно? Причина в том, что здесь еще хуже были проблемы, и мне было лучше оставаться там. Я постепенно привыкала, привыкала, и у меня была надежда, что однажды я вернусь в страну и приведу дела в порядок. Слава Аллаху, у нас всё в порядке сейчас.

Также она подчеркивает, что ее помощь была важна для семьи, для ее младших сестер и братьев:

Н.: *Ты деньги раз в месяц слала?*

К.: *Раньше — да, так как проблемы были. Сейчас лучше, моя мама и сестра в Америке теперь, она забрала туда маму. Сейчас дела хорошо, но тогда... very hard life. У нас даже еды не было. Очень трудная была жизнь. Чтобы сейчас у нас была хорошая жизнь, тогда был необходим мой сыддэт. Я по необходимости поехала, не по желанию. Я красивая была, могла выйти замуж, найти друга, родить.*

Н.: *А ты...*

К.: *Я расплавилась как свеча, чтобы улучшить жизнь тех, кто младше меня. Поэтому я сама себя в жертву принесла. Как видно теперь, маленькие выросли, эта уехала в Америку. Сейчас, наконец-то, всё в порядке. Мы живем, альхам... Thanks God, we are alive. Но раньше*

для того чтобы нашу жизнь изменить, мои усилия и мой отъезд были необходимы, но я была бы рада, если бы могла учиться. Стать образованной, с дипломом, мастером — вот чего бы я хотела. Но всё. Этого нет. Я не могла учиться, так как отец умер.

Подчеркивая желание помочь семье, эта же девушка вспоминала «несчастливых» филиппинок, работающих на своих мужей. По ее мнению, это несправедливо, и в Эфиопии такого нет. На деле практика, когда муж отправляет жену за границу работать, а сам получает заработанные ею деньги и распоряжается ими по своему усмотрению, — не редкость и в Эфиопии.

Другой мой собеседник начал свой рассказ таким образом: *Причина, почему я решил поехать, заключается в бедности, в проблемах. Чтобы заработать деньги поехал, по морю. Когда едешь по морю, много страдания.* Так несколькими фразами он обозначил основную логику «оправдания» миграции: да, это опасное дело, но из-за «проблем» приходится ехать.

С этими суждениями перекликается и мнение «со стороны»:

Н.: А что, в Эфиопии не лучше? Здесь понемногу бизнесом заниматься можно?

М. А.: предприниматель в г. Дессе, муж., около 45 лет: Нет, сейчас в основном трудно <...> Трудно найти вариант, чтобы быстро заработать деньги. И еще амбициозному человеку очень трудно подняться с низкого уровня до высокого. Все хотят больших вещей. Поэтому, чтобы быстро вырасти, им нужно ехать в другую страну. Если придут в город, могут стать чистильщиком обуви, в день сейчас он зарабатывает около 10–20 быр, даже если 30 быр доход, он 10 проедает и 20 остается у него. Вот так постепенно растут, делая сбережения. И вот, те, кто из деревни, кто кормит и поит родителей, не хотят быть чистильщиками обуви в городе.

Этот информант подчеркивает, что альтернатива, о которой часто говорят, критикуя миграцию, не является выходом для человека из деревни, который хочет помочь своей семье, так как заработок, доступный ему в эфиопском городе, слишком незначителен.

Представление о причинах миграции в духе неоклассической экономической теории широко распространено в Волло и постоянно всплывает в ежедневных обсуждениях этих причин. В антропологической литературе его часто критикуют за игнорирование социальных аспектов человеческой жизни. Теория «культуры миграции»

предполагает: когда-то начавшись, миграция создает определенные установки и ценности в сообществе, и те оказывают влияние на желание людей уехать [Massey et al., 1993, p. 452]. Этот подход мне кажется интересным, но я не уверен, что значение культурных установок может быть абсолютизировано в случае трудовой миграции, где деньги все-таки играют большую роль.

Паоло Гаибацци в работе о миграции из Гамбии описывает особое состояние молодых людей, которое они сами обозначают английским словом *nerves* [Gaibazzi, 2010]. Этот «синдром нервов» характерен для «вынужденных не-мигрантов», — людей застрявших в Гамбии и томлящихся невозможностью оттуда уехать. Состояние, о котором пишет Гаибацци, не является уникальным для Гамбии, похожий феномен я наблюдал в Волло, хотя в амхарском нет специального термина для его обозначения. Иногда у меня создавалось впечатление, что желание уехать из страны важнее, чем та экономическая перспектива, которой оно обосновывается. Священник из Бохоро определил мигрантов так: *Люди, тоскующие по тому, чего они не знают*. Он привел в пример свою внучку: совсем еще маленькая, а говорит, что поедет в Джидду, когда вырастет.

Не все готовы признаться, что их гложет это чувство. Поучительным для меня был пример одной молодой эфиопки: в течение недели она уверяла, что никогда не поедет за границу, рассказывала про местную воскресную школу и т. п. Мне и вправду показалось, что все ее интересы лежат внутри родной деревни. Но однажды ее прервала мать, спросив, зачем, если дочь не хочет никуда ехать, они тратили деньги ей на паспорт. В последний день нашего общения она сама призналась, что деревня ей безумно надоела, и она хотела бы уехать.

Другой информант выразил свое желание уехать следующим образом:

Г. Х.: *А ты сам решил приехать в Эфиопию?*

Н.: *Да.*

Г. Х.: *Ты нормальный? Мы тут все в проблемах, все беспокоимся.*

Неразб

Н.: *Хорошая страна.*

Г. Х.: *Мне ужасно осточертела.*

Н.: *Что тебе тут надоело?*

Г. Х.: *Dirty.*

Н.: *Что dirty?*

Г. Х.: *Я сейчас ехать хочу.*

Н.: *Куда?*

Г. Х.: *Да куда угодно, всё, ну хоть в арабскую страну.*

Императивное желание уехать с одной стороны и негативное отношение к миграции с другой, сталкиваясь, вызывают споры между родителями и детьми. Первые в подавляющем случае — против миграции, вторые — за. Девушка из Мерса так рассказала о своем диалоге с матерью: *Я сама сказала ей, что если не поеду, то умру. Мои друзья все уехали.* В более радикальной форме этот конфликт выразила женщина из деревни, сказав, что ее дочка угрожала выпить яд, если ее не отправят в «арабскую страну».

Как и в других принимающих странах, нелегальные мигранты в странах Залива в случае их раскрытия иммиграционными властями могут быть насильственно отправлены в страну выезда. В Волло депортация из Саудовской Аравии расценивается как безусловная неудача. Многие информанты, прошедшие через эту процедуру, предпочитают вообще не упоминать об опыте миграции, чтобы не нанести вред своей репутации, либо признают факт миграции, но тут же «закрывают тему», заявляя, что рады были вернуться и больше ехать не хотят. Сходным образом конструируют свой статус ганцы, вернувшиеся из Германии [Nieswand, 2011, p. 146], и они никогда не сообщают, на каких должностях работали, если эти должности не соответствуют их высокому статусу дома. В этом отношении мигранты из Волло отличаются — никто не скрывает своей низкостатусной работы в странах Залива. Мужчины рассказывают, что пасли овец или выращивали овощи, женщины — что были домработницами. Неудачей для жителей Волло является депортация, а не непрестижная работа.

Культура миграции эфиопского Волло

В ходе исследования мне неоднократно приходилось замечать, что дискурс на тему миграции и реальные практики представляют собой два мира, пересечение которых неочевидно. На уровне дискурса превалирует представление о том, что трудовая миграция — противостественный процесс, вредящий детям и стране, что риски ее очень высоки, а выигрыш — довольно сомнительный. Кроме того, велика вероятность, что человек вернется вспыльчивым, а то и сумасшедшим. На уровне же практик в трансграничную трудовую миграцию

вовлечена практически вся молодежь, а на «арабские» деньги построено множество новых домов, имеющих очень высокую символическую ценность.

Своеобразным «полем битвы», где пересекаются эти два мира, оказываются родители мигрантов. С одной стороны они воспроизводят негативный дискурс, с другой — получают прямую выгоду от трудовой миграции детей. Практически все мигранты говорили мне, что родители были против их отъезда, но, судя по множеству свидетельств, основная причина конфликтов внутри семей — неоправданные ожидания родителей:

М. С., жен., 45 лет: *Люди что видят — деньги! А страдания своих детей не видят. А они, когда едут, страдают, их избивают, убивают, в море бросают — этого не видят. Они деньги хотят. Понял, да? Так как деньги хотят, страдания своих детей не видят.*

Другой иллюстрацией этого тезиса может стать мать, которая, узнав, что я интересуюсь миграцией, предложила мне взглянуть на ее ленивого сына, который «тут сидит и ничего не делает». Сын рассказал мне, что заплатил 4 тыс. быр (210 долл. США) посреднику, чтобы уехать в Йемен; что по пути его поймали вымогатели, и сестра, работающая в одной из стран Персидского залива, выкупила его за 20 тыс. быр (1050 долл.); что он всё же добрался до Саудовской Аравии, проработал там шесть месяцев, но был схвачен полицией и выслан. В итоге он так и не отработал затраченных на него денег. Мать не скрывала своего недовольства сыном, а тот выглядел очень подавленным:

Н.: *А когда вернулся, как ты себя чувствовал?*

С., соседская девушка: *Что ты сказал? Что ты счастливеец?*

Е., депортированный мальчик: *Айва* (араб. да).

Н.: *А мать твоя?*

М., мать мальчика: *Это я мать! Что он живой вернулся, я благодарна, многие умирают там!*

Н.: *Много таких?*

М.: *Так как там много опасностей, я хотела его приезда.*

Н.: *То есть хорошо?*

М.: *Хорошо.*

Н.: *А ты хочешь снова ехать?*

Е.: **Видимо, невербально* Нет.*

Н.: *Не хочешь? Совсем?*

Е.: *Айва.*

Н.: Ясно.

М.: А что даст вторая попытка?

Можно заметить, что мать сначала ругает своего сына за то, что тот оказался таким непутевым, затем говорит, что рада его возвращению, а в последней ее реплике звучит неверие в его способность добиться успеха. Вообще о конфликтах в мигрантских семьях мне приходилось слышать очень часто, и выражались они, помимо прочего, в том, что дети-мигранты стараются как можно меньше оставаться дома с родителями — уходят обедать к друзьям или развлекаются в соседнем городе.

Конечно, от мигрантов всегда ждут подарков и денег. Не оправдавшие этих ожиданий испытывали смущение, когда я спрашивал, что они привезли с собой. Школьная учительница поделилась со мной таким соображением: пусть ее месячная зарплата всего лишь 1500 быр, ей надолго ее хватает, а вот мигранты быстро раздают свои деньги — то 200 быр брату, то столько же дяде и так далее, пока у них у самих ничего не останется. Кроме того, они вынуждены привозить много одежды, так как каждый сколь угодно далекий родственник, зайдя «проведать», ожидает хотя бы скромного подарка.

Изображенная выше ситуация приводит нас к важному вопросу об обратной интеграции трудовых мигрантов. Эта тема интересует сейчас многих исследователей эфиопской миграции [Dessiye, 2011; Tsegaye, 2013; Teferra, 2014]⁶. Возвращение на родину часто оказывается нелегким. Поскольку целью поездки было не просто накопление какой-то суммы денег, а переход на новый уровень жизни или, как говорят сами информанты, «изменение жизни», миграционный проект не считается удачным, если ему не сопутствует или не последует нахождение дополнительного источника дохода. Самый простой выход — спонсирование поездки младших членов семьи. Другие пытаются открывать бизнес. Кто-то чувствует себя обязанным помочь младшим получить образование и хорошую работу. Но мало кому удастся достичь этих целей. Некоторые девушки работают в арабских семьях по десять и более лет, чтобы поддерживать благосостояние своей семьи в Эфиопии, при этом в их личном распоряжении часто ничего

⁶ О трудностях обратной интеграции на материале Нигерии пишет замечательная датская исследовательница Сина Пламбек. Согласно принятой в ЕЭС практике мигранты-африканцы подразделяются на экономических мигрантов и жертв торговли людьми, для избавления которых считается достаточным отправить их на родину. На деле «спасенные» таким образом люди часто попадают в еще более трудное положение [Plambech, 2015].

не остается. Возвращаясь, они не ощущают себя дома, особенно если возвращаются в деревню. Теоретически они могут считаться привлекательными партнерами, так как у них могут быть сбережения. Практически многие родители не рассматривают их в качестве жен своих сыновей из-за возраста и опыта работы за границей (распространено представление, что большинство эфиопских девушек в арабских странах подвергаются сексуальному насилию). Что касается мужчин, то вследствие ограниченности возможностей для их легальной миграции, они значительно чаще подвергаются депортации, чем женщины. Как было зафиксировано в цитированном выше интервью с сыном-неудачником, они могут вернуться без денег, необходимых для выплаты долгов, и с горьким чувством, что не оправдали надежд родителей.

Негативный дискурс о миграции, разговоры о том, что на этот путь встают жадные и ленивые люди, приписывание вернувшимся отрицательных качеств делают их положение еще более напряженным. Можно сказать, что, однажды выехав из страны, они уже не вернутся домой в прежнем качестве, а их новое положение таково, что очередной отъезд становится более необходимым, чем первый, хотя иллюзий о легкой и богатой жизни в далеком краю уже нет. И, действительно, как правило, они не задерживаются надолго в Эфиопии.

А. М.: Да, едут и в Саудовскую Аравию, и в Судан. А в Судане что? Там не так много работы, но выбор людей сейчас такой, что надо просто ехать... Туда поедут — смерть так смерть, а если найдется, то работа. Те, кто недавно вернулись, тоже уезжают. Все едут. Сейчас тут такая ситуация.

* * *

Негативный дискурс о миграции, поддерживаемый эфиопским государством и СМИ, на первый взгляд, призван уменьшить поток мигрантов. Однако создается впечатление, что скорее образ угнетенных соотечественников-мигрантов используется для консолидации населения страны.

Рефреном через дискурс о миграции проходит: не надо верить сказкам о больших деньгах и легкой жизни за границей. Парадокс заключается в том, что эти воздушные замки в публичной сфере никто и не строит, так что акцент на разоблачение мифа больше всего похож на борьбу с ветряными мельницами. В то же время поддерживается представление о мигрантах как о людях, жаждущих легкой наживы, не желающих развивать родную страну.

Трудно сказать, насколько официальный публичный способ осмысления миграции определяет миграционный дискурс в Волло, но несомненно, что телевизор, чиновники и учителя транслируют его местному населению. То, что деревенские жители часто стесняются признать открыто свою заинтересованность в отъезде их детей, указывает на наличие связи между миграцией и вопросами этической нормы. Если признать, что публичное обсуждение трудовой миграции сильно влияет и на местный дискурс о ней, то придется признать и другое: сформированная им среда чрезвычайно неблагоприятна для обратной интеграции трудовых мигрантов и потому провоцирует их новые миграции.

Список литературы

- Anbesse B., Hanlon C., Alem A., Packer S., Whitley R.* Migration and Mental Health: A Study of Low-Income Ethiopian Women Working in Middle Eastern Countries // *International Journal of Social Psychiatry*. 2009. Vol. 55. No. 6. P. 557–568.
- Carling J.* Migration in the Age of Involuntary Immobility: Theoretical Reflections and Cape Verdean Experiences // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 5–42.
- De Regt M.* Ethiopian Women Increasingly Trafficked to Yemen // *Forced Migration Review*. 2006, May. No. 25. P. 37–38. URL: <http://www.fmreview.org/sites/fmr/files/FMRdownloads/en/FMRpdfs/FMR25/FMR2521.pdf> (last visited on 07.02.2016).
- De Waal A.* Evil Days: Thirty Years of War and Famine in Ethiopia. An Africa Watch Report. New York et al.: Human Rights Watch, 1991.
- Dessalegn R.* Famine and Survival Strategies: A Case Study from Northeast Ethiopia. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 1991.
- Dessiye M.* The challenges and prospects of female labour migration to the Arab Middle East: A case study of women returnees in the town of Girana, North Wollo, Ethiopia. Bergen: Univ. of Bergen, 2011. URL: <https://bora.uib.no/bitstream/handle/1956/5286/84856113.pdf?sequence=1> (last visited on 04.11.2013).
- Edwards J. R.* Slavery, the Slave Trade and the Economic Reorganization of Ethiopia 1916–1935 // *African Economic History*. 1982. No. 11. P. 3–14.
- Ethiopian housemaid commits suicide // *Arab News*. 2013. 30.09. URL: <http://www.arabnews.com/news/466284> (last visited on 07.02.2016).
- Ethiopia Workers Return from Saudi Arabia. Telling of Abuse // *Bloomberg Business*. 2013. 13.12. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2013-12-12/ethiopian-migrant-workers-return-from-saudi-with-accounts-of-abuse> (last visited on 26.03.2016).

- Fernandez B.* Household Help? Ethiopian Women Domestic Workers Labor Migration to the Gulf Countries // Asian and Pacific Migration Journal. 2011. Vol. 20. No. 3–4. P. 433–458.
- Gaibazzi P.* “I’m Nerves!”: Struggling with Immobility in a Soninke Village (The Gambia) // T. Grätz (ed.). Mobility, transnationalism and contemporary African societies. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 106–137.
- Jónsson G.* Migration Aspirations and Immobility in a Malian Soninke Village / University of Oxford, International Migration Institute Working Papers. Paper 10. Oxford, 2008. Available at: <http://imi.socsci.ox.ac.uk/pdfs/wp/wp-10-08.pdf> (last visited on 13.01.2016).
- Hussein A.* Islam in Nineteenth-Century Wallo, Ethiopia: Revival, Reform and Reaction. Leiden: Brill, 2001.
- Kebede E.* Ethiopia: An Assessment of the International Labour Migration Situation: The Case of Female Labour Migrants / International Labour Office Gender Promotion Programme, GENPROM Working Paper No. 3. Geneva: ILO, 2002. URL: http://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_117931/lang--en/index.htm (last visited on 04.11.2013).
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E.* Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
- Nieswand B.* Theorising Transnational Migration: The Status Paradox of Migration. London: Routledge, 2011.
- Pankhurst A.* Resettlement and Famine in Ethiopia: The Villagers’ Experience. Manchester: Manchester Univ. Press, 1992.
- Plambech S.* Violence in the Safety of Home: Life in Nigeria after Selling Sex in Europe // Open Democracy. 2015. 12.08. URL: <https://www.opendemocracy.net/beyondslavery/sine-plambech/violence-in-safety-of-home-life-in-nigeria-after-selling-sex-in-europe> (last visited on 07.02.2016).
- Tsegaye S.* The Migration of Ethiopian Female Domestic Workers to Arab Countries: With Special Reference to Returnees. Addis Ababa University, 2013 (магистерская работа по социальным наукам в университете Аддис-Абебы).
- Trimingham J. S.* Islam in Ethiopia. Oxford: Oxford Univ. Press. 1952.
- Teferra Z.* The Challenges of International Child Labor Migration, Voluntary Repatriation, Family Tracing, and Reunification: The Case of Ethiopian Minors Repatriated from Yemen in 2011 (рукопись).
- Ганкин Э. Б.* Амхарско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1969.
- Тызазу М. (መላከ ትዕዛዙ).* Алемнеш, беженка в арабскую страну (ዓለምነሽ የዓረብ አገር ስደተኛ). Toronto: Tana Printing, 2013 (амх. яз.)
- Стеблин-Каменский Н. И.* Антропонимика мусульманского Волло // Африканский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 254–262.

РАЗДЕЛ II
Восток в России:
ВОСПРИЯТИЕ — АДАПТАЦИЯ —
ИДЕНТИЧНОСТЬ

Ирина Бочкарёва, Сергей Панарин

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ
В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПРЕСС-ОПРОСОВ
В ТРЕХ УНИВЕРСИТЕТАХ)**

В статье анализируются представления студентов о трансграничной миграции, выявленные в ходе опроса, проведенного в трех региональных российских вузах. Феномен трансграничной миграции не оценивается студентами как проблема, актуализирующая их идентичность. Однако в восприятии отдельных этнических групп мигрантов студенты продемонстрировали негативное отношение, в особенности четко выраженное в тех случаях, когда поведение приезжих входит в противоречие с нормами общежития принимающего сообщества. В целом трансграничная миграция воспринимается как вызов не экономическим позициям, а культурно-ценностным ориентирам российского общества.

Ключевые слова: трансграничная миграция, идентичность, принимающее сообщество, представления о мигрантах.

Трансграничная миграция — важный по вызываемым им эффектам социальный феномен. В современной России он получает зримое, порой парадоксальное социальное воплощение в фигурах отпрысков недавних кочевников-киргизов, подметающих московские дворы, мусульман-таджиков, строящих православную церковь в Петропавловске-Камчатском¹, торговцев-китайцев, азартно сражающихся с игровыми автоматами, специально для них устанавливаемых в гостиницах, где они концентрируются. «Социальная ткань» феномена ТГМ — отдельные люди, как правило ассоциируемые с группой «мигранты»; они встречаются повсеместно и повсеместно же оказываются объектами каждодневного восприятия жителями тех мест, куда приехали.

Любой учебник психологии расскажет нам, что представления о социальной группе формируются в процессе ее восприятия через

¹ Личные наблюдения Сергея Панарина в 2007 г.

непосредственные впечатления, полученные при личном контакте с группой или отдельными ее представителями. Что непосредственным впечатлениям предшествуют и/или сопутствуют и/или последуют уже бытующие в обществе впечатления опосредованные, получающие выражение во мнениях других людей, в суждениях, почерпнутых из книг, в образах, транслируемых СМИ. И что эти мнения, суждения и образы могут изменить (ослабить, усилить, исказить) непосредственные впечатления, пронизав их бытующими в обществе штампами и стереотипами, мифами и предрассудками².

Органичной частью такого синтеза непосредственного и опосредованного является *категоризация* воспринимаемой группы и феномена, ее породившего.

С появлением работы Генри Тэджфила и его учеников [Tajfel et al., 1971; Billig, 1992] в социальной психологии довольно быстро образовалось влиятельное исследовательское направление, рассматривающее межгрупповое взаимодействие сквозь призму категоризации. В узком смысле категоризация может быть определена как «разделение людей на различающиеся группы в ситуации, когда отсутствуют такие факторы [восприятия], как социальное взаимодействие между группами, их взаимозависимость на основе сотрудничества и сходство в их отношении [к миру]» [Hogg et al., 1986, p. 24]. В широком смысле категоризация — фундаментальный принцип познания: она упорядочивает наше представления о мире, организуя всё великое множество объектов, с которыми мы в нем сталкиваемся, в отдельные категории, различающиеся друг от друга по приписываемым каждой категории качествам или свойствам [Bodenhausen et al., 2011, p. 318–320].

Социальные эффекты категоризации сильно варьируются в зависимости от степени внимания воспринимающего и разнообразных контекстов восприятия. А также потому что «влияние содержания категории [на восприятие] скорее заключается в появлении зависящей от контекста интерпретации, чем в навязывании сложносоставной реальности ранее сложившихся представлений о ней, излишне ее упрощающих и никогда не меняющихся» [Oakes, 2003, p. 14]. Тем не менее акт категоризации чреват вступлением на путь, ведущий к предвзятому отношению и дискриминирующему действию [Oakes,

² Вместе их объединяют иногда понятием «наделения». См., например: [Филонов, Быстрова, 2012, с. 94].

2003, р. 4], и происходит это, как представляется, в тех достаточно частых случаях, когда в процессе категоризации доминируют жесткие оппозиции типа «свой — чужой», «безопасный — опасный», «приемлемый — неприемлемый».

Производной от такого «перекошенного» восприятия оказывается однозначная оценочная интерпретация. В силу самой ее упрощенности она становится действенным фактором выстраивания межличностных и межгрупповых, в том числе межэтнических отношений, оказывающих немалое воздействие на общественную атмосферу, на уровень тревожности, массовые настроения, в конечном счете — на траекторию политического развития. Поэтому важно вести мониторинг представлений об общественно значимых феноменах уже на стадии их восприятия. Трансграничная миграция, как уже отмечалось, относится к числу таких феноменов, и любые, самые скромные по охвату выборки замеры восприятия принимающей средой мигрантов (как, впрочем, и мигрантами — принимающей среды) могут способствовать его более точному пониманию.

Сценарий опроса и характеристика респондентов

Методом исследования восприятия студентами ТГМ и трансграничных мигрантов стал экспресс-опрос университетским преподавателем в течение одного-двух академических часов одной или нескольких студенческих групп. Данный метод отбора опрашиваемых имеет то достоинство, что благодаря знакомству студентов друг с другом и с преподавателем создается достаточно непринужденная атмосфера, способствующая открытости и креативности участников опроса. Конечно, получаемая таким путем фокус-группа критерию репрезентативности отвечает не полностью, тем не менее, как показал опыт предыдущих экспресс-опросов, в ходе их достаточно успешно осуществляется первичное зондирование восприятий и представлений³.

Сценарий данного опроса был разработан Сергеем Панариным для исследовательского проекта Института востоковедения РАН «Восток на Востоке, на Западе и в России: миграция — адаптация — идентичность» и состоял из двух этапов. Цель первого этапа заключалась в том, чтобы определить номенклатуру и иерархию идентичностей

³ См., например: [Галиймаа, 2012; Буданова, 2012; Бочкарёва, 2015].

респондентов, установить, какие виды их идентичности наиболее актуализированы и, возможно, секьюритизированы⁴. Это было необходимо, чтобы выяснить, в каком социально-психологическом контексте будет осуществляться спонтанная категоризация мигрантов при их вторичном, т. е. опосредованном, восприятии. На втором этапе ставилась задача прощупать ход и результаты категоризации: выяснить диапазон представлений студентов, ассоциирующихся с понятием «мигрант»; определить, как в целом — с «плюсом», с «минусом» или нейтрально — воспринимается та или иная группа мигрантов; и затем установить, какие черты в образах мигрантских групп представляются студентам привлекательными или, напротив, вызывают неприязненное отношение вплоть до ксенофобского.

Регионы России ощутимо различаются между собой по силе испытываемого ими позиционного давления⁵, по физико-географическим условиям, по этническому составу населения, уровню социально-экономического развития. Производными от этих базовых различий являются различия второго порядка, сказывающиеся непосредственно на взаимодействии мигрантов и местного населения. Прежде всего это разная привлекательность для трансграничных мигрантов того или иного региона как места работы и проживания. Затем — разница в тяжести «миграционной нагрузки» на региональную принимающую среду. Наконец, это различия в интенсивности взаимодействия «пришлых» и «коренных», а значит — в степени их взаимного узнавания, привыкания, понимания.

Исследованием были охвачены студенты трех университетов: Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС), Алтайского государственного университета (АлтГУ, г. Барнаул) и Ульяновского государственного университета (УлГУ). При такой географии опросов открывалась возможность

⁴ Напомним: понятие «секьюритизация» означает, что какой-либо вопрос подается как содержащий экзистенциальную угрозу, требующую для ее предотвращения таких мер и оправдывающую такие действия, которые не укладываются в рамки нормативных политических процедур. Секьюритизация не нуждается в реальном существовании угрозы, достаточно лишь того, что ее представят и воспримут как таковую. См: [Buzan et al., 1998, p. 23–24].

⁵ Позиционное давление возникает, когда «объект не находится в точке своего территориального оптимума» [Родоман, 199, с. 38]. На уровне региона оно может быть сильным, например, в случае невыгодного географического положения этого региона или по причине резких ресурсных дисбалансов.

зафиксировать как минимум наличие или отсутствие региональных различий в восприятии трансграничной миграции учебно-молодежным сегментом населения Дальнего Востока, Сибири и Поволжья.

Опросы проводились в 2014 г., в Барнауле — Ириной Бочкарёвой, во Владивостоке — Надеждой Цой, в Ульяновске — Надеждой Липатовой; обеим Надеждам мы выражаем свою глубокую благодарность. Положение преподавателей относительно опрошенных ими студентов в разных университетах было различным. В АлтГУ опрос проводился в группах, с которыми И. Бочкарёва работала систематически в течение нескольких лет. В УлГУ Н. Липатова опрашивала группы, знакомые с ней лишь постольку, поскольку она читала им обязательный курс истории России. Н. Цой для групп во ВГУЭС вообще была человеком со стороны. Как следствие, различалось и постоянство присутствия студентов в ходе исследования: выдержать единство состава и почти полностью одно и то же количество опрошенных студентов удалось лишь в АлтГУ. В УлГУ респонденты тоже не менялись по составу, однако их численность на втором этапе сократилась, а во ВГУЭС при почти одинаковой численности состав на втором этапе был совершенно другим, чем на первом. Эти различия, в особенности полная смена состава группы во Владивостоке, конечно, уменьшили сопоставимость полученных данных, однако, как выяснилось при анализе результатов, не настолько, чтобы сделать сопоставления некорректными.

Всего в опросе участвовали 107 студентов в возрасте от 18 до 21 года (табл. 1). Всех их можно отнести к представителям принимающего общества. Студенты ВГУЭС и АлтГУ имели довольно богатый опыт общения с иностранными студентами, в первую очередь из Китая, да и сами в большинстве своем бывали в инонациональной среде во время стажировок в КНР. Это могло сказаться на их восприятии трансграничных мигрантов различных национальностей в России. У студентов УлГУ опыт общения с иностранцами был более скромным: ограничивался общением с немногочисленными сверстниками из нескольких африканских стран и из Туркменистана, вместе с которыми они слушали лекции по истории России и участвовали в семинарских занятиях. С другой стороны, в Ульяновской области издавна проживает значительное татарское меньшинство⁶, татары-студенты

⁶ В 2010 г. на долю татар приходилось 12,3% всего населения Ульяновской области и 10,6% населения областного центра [Народы и конфессии..., 2015, с. 4, 84].

присутствовали и в составе респондентов из УлГУ, и эти обстоятельства способствовали толерантному отношению русского большинства среди студентов к такому важному компоненту идентичности многих мигрантов, как ислам.

Таблица 1

**Распределение респондентов по этапам опроса,
по полу и по специализации**

Университет	Всех респондентов:			Девушек:			Юношей:			Специализация респондентов:	
	всего	1-й этап	2-й этап	всего	1-й этап	2-й этап	всего	1-й этап	2-й этап	1-й этап	2-й этап
ВГУЭС	29	15	14	20	12	8	9	3	6	Психология	Работа с молодежью
АлтГУ	25	19	25	19	17	19	6	2	6	Зарубежное регионоведение	
УлГУ	53	53	26	32	32	16	21	21	10	Экономика, право, социология	Экономика, право
Всего	107	93	65	71	63	43	36	30	22	Гуманитарии	

Разумеется, полученные в ходе опросов результаты нельзя отождествлять с представлениями и мнениями, фиксируемыми на региональном и общероссийском уровне посредством стандартизированных опросов крупных социологических служб. Наша выборка несопоставимо мала, к тому же обладает собственными погрешностями, о которых сказано выше и которые суть производные от самого способа ее формирования. Тем не менее, материал, полученный при опросах, оказался достаточно насыщенным и интересным. И в первую очередь он свидетельствует: студенты не просто усваивают и разделяют образцы восприятия мигрантов, разносимые информационными каналами и циркулирующие в обществе, в семейном и дружеском окружении. В силу возраста и познавательной деятельности они быстрее других социальных групп улавливают изменения в отношении к общественным явлениям, в том числе к ТГМ.

Иерархия идентичностей

Для начала респондентам было предложено дать собственные письменные определения понятия «идентичность». Свыше трети (35%) опрошенных определили идентичность как некое объективное

свойство — **сходство** или **тождество**. Приведем развернутый ответ, демонстрирующий именно такое понимание: *Идентичность — одинаковые свойства и функции группы объектов, своего рода похожесть, наличие чего-то общего и схожего, что делает какие-то объекты близкими, а возможно, даже одинаковыми; противоположна индивидуальности.*

Отчасти, как представляется, такое понимание термина «идентичность» повлияло на дальнейшую логику рассуждений тех, кто его высказал, обусловило включение ими в номенклатуру идентичностей таких ее, подчас достаточно умозрительных подразделений, как идентичность абсолютная и частичная, внешняя и внутренняя, идентичность свойств и идентичность функций. Большинство же студентов — две трети — связали идентичность со способностью личности осознавать свои индивидуальные особенности и место в обществе. Вот примеры такого рода определений: *Осознание субъектом своей принадлежности к какой-либо группе; Феномен, благодаря которому человек на протяжении своей жизни способен причислять себя к какой-либо группе по определенным признакам; Представление человека о самом себе, осознание собственных физических и психологических особенностей.*

Предложенные студентами определения в целом соответствуют значениям понятия, сложившимся в науке. Так, социальная психология различает в структуре идентичности «индивидуальный» и «социальный» уровни. Индивидуальная или персональная идентичность представляет собой совокупность характеристик, сообщающих индивиду качество уникальности, социальная — результат идентификации (отождествления) индивида с ожиданиями и нормами его социальной среды — указывает на принадлежность индивида к некоему коллективу. Та или иная грань идентичности отступает в тень или выходит на первый план в зависимости от ситуации. Актуализация видов идентичности в системе личного Я вызывается в первую очередь их дискриминацией или ущемлением [Идентичность... 2001]. В этой связи рабочая гипотеза звучала так: если трансграничная миграция является сильно раздражающим фактором для того принимающего сообщества, к которому принадлежат респонденты, следует ожидать выраженной актуализации этнической идентичности.

Для проверки этой гипотезы студенты в каждом университете были разбиты на подгруппы, общим числом девять, и каждой

подгруппе предстояло коллективными усилиями составить перечень видов идентичности из 10–12 позиций. На деле их называли и больше (например, в УлГУ одна подгруппа выделила 14 видов), и среди них встречались виды достаточно оригинальные (например корпоративная идентичность — в армии, полиции, среди работников фирм), а то и просто экстравагантные (зодиакальная идентичность).

Независимо от места опроса его участники демонстрировали характерное для России отождествление этнической идентичности с национальной [Смирнова, 2001, с. 211–212]: с помощью этнических категорий передавали национальную идентичность, по сути своей гражданскую. Ярким тому подтверждением служит заключение одной из групп: *Самым главным видом и актуальным является национальная идентичность, потому что где бы ты ни был, куда бы ты ни пришел, ты можешь изменить всё, кроме своей национальности, кроме своих корней.* Из-за этого смещения решено было при анализе результатов опроса национальную и этническую идентичность отнести к одной группе⁷. Мы также столкнулись со смещением представлений еще о двух видах идентичности — гендерной и половой, поэтому и их пришлось объединить в двусоставную группу. Получившаяся стихийная иерархия идентичностей выглядит следующим образом (ранжировано по частоте упоминаний во всех группах):

1. Национальная/этническая (12).
- 2–3. Гендерная/половая (8) и религиозная (8).
- 4–5. Социальная (7) и возрастная (7).
- 6–9. Культурная (6), территориальная (6), профессиональная (6) и политическая (6).
10. Расовая (4).
11. Языковая (3).

Этот стихийно получившийся перечень видов идентичности, как подтвердило дальнейшее обсуждение, уже обрисовал в общих чертах их иерархию с позиции актуальности и важности для аудитории. Следующее задание заключалось в том, чтобы из названных студентами видов

⁷ Имело место и частичное отождествление языковой идентичности с этнической: *Язык — это мышление, это одна волна, поэтому это первично. Это способ мышления и это база для понимания друг друга. В любом месте, если татары, чувашки, мордва, армяне, начинают говорить на своем языке, это сразу говорит об их идентичности.* Однако, поскольку это произошло в одном только случае, мы не сочли возможным интегрировать языковую идентичность в национально-этническую.

идентичностей сделать и обосновать выбор: а) самой актуальной для них в настоящее время; б) самой важной, по их мнению, в принципе.

В качестве наиболее актуальных и важных респондентами были выбраны, если можно так сказать, базовые уровни идентичности, определяемые рождением и формирующиеся с детства. Виды идентичности, складывающиеся в результате вторичной социализации человека, — территориальная, профессиональная, религиозная — не стали предметом дальнейшего обсуждения, хотя попали в представленный выше реестр видов идентичности, а религиозная идентичность в этом реестре вообще разделила второе место с гендерной/половой. Исключением стала политическая идентичность: одна из подгрупп студентов из АлтГУ выбрала ее в качестве самой актуальной. Однако доводы, приведенные членами этой подгруппы в обоснование их выбора, носили отвлеченный характер: основывались скорее на идеологических штампах, нежели на опыте личного участия в политическом процессе, в позиционировании себя последователями какой-либо политической идеологии. Значимость политической идентичности обосновывалась общими словами о необходимости развивать демократию, отстаивать гражданские права и свободы.

Национальная/этническая идентичность была выбрана как самая актуальная шестью подгруппами из девяти. Однако фактором, актуализировавшим ее у членов этих подгрупп, оказался отнюдь не постоянно присутствующий социальный феномен — миграция, вообще не фигурировавшая на первом этапе опроса, а разовый, хотя и растянувшийся во времени, политический катаклизм — присоединение Крыма и события на востоке Украины. Другое дело, что создавшаяся затяжная конфликтная ситуация повлекла за собой непрекращающуюся интенсивную кампанию по гиперболизации старого (Запад) и формированию нового (Украина) «образа врага». В оценке этой ситуации студентами переплелись гражданская позиция и этническое чувство, гордость за свою страну, за то, что «я — русский», и переживания по поводу последствий этих событий для России. Респонденты определили конфликт на Украине как этнический, отметили, что раньше воспринимали русских и украинцев как одну родственную общность, а сейчас украинцы стали противопоставлять себя русским.

Национально-этническая идентичность была названа частью групп и как самая важная в принципе, однако большинство респондентов отвели эту роль **гендерной/половой** идентичности. По их мнению,

выстраивание своего поведения в соответствии с социальными ожиданиями и ролями, устанавливаемыми обществом для мужчины и женщины, является базовым и, пожалуй, чаще остальных делается в наше время наиболее актуальным видом идентичности. При этом его приоритет в представлениях респондентов определяется социальными запросами, в первую очередь стремлением к созданию семьи, продолжению рода. Как отметили в одной из групп: *Семья — это актуальная потребность, которая никуда не денется. Следовательно, необходимо, чтобы была соблюдена половая идентичность. Куда бы мы ни шли, что бы мы ни делали, где бы мы ни находились, вот эти межличностные отношения «мальчик — девочка», а не национальность, всегда будут нужны.* В то же время звучали высказывания, что для обзаведения детьми можно обойтись и без мужчин, благо есть детские дома и банки спермы, и что традиционная гендерная идентичность не должна навязываться. Можно предположить, что такое внимание к данной идентичности было обусловлено тем, что среди респондентов почти 2/3 были девушками.

Вывод по итогам первого этапа опроса: интересующая нас как возможный значимый контекст восприятия мигрантов национально-этническая идентичность — предмет рефлексии и актуальна для студентов, но не до такой степени, чтобы подталкивать их к активным действиям, вольно или невольно выказывать намерение ее защищать. Преимущественно нейтральная, спокойная тональность определений и суждений студентов не дает оснований заключить, что в их восприятии данный вид идентичности находится под угрозой. Следовательно, нет явных оснований говорить и о его секьюритизированности.

Пожалуй, неожиданным было то, что в вопросе актуализации того или иного вида идентичности исследование не выявило заметных региональных различий. Разве что студенты из АлтГУ выглядят чуть более политизированными, чем их сверстники из двух других университетов; но их относительно повышенная политизация скорее отражает более углубленное знакомство с курсом политологии, нежели личный опыт и личные переживания.

От этнофобий к исламофобии

Второй этап исследования начался с того, что студенты индивидуально написали свои определения слова «мигрант». Содержание формулировок в массе своей не отличалось разнообразием, свидетельствуя

об уже сложившемся устойчивом представлении о мигранте как жителе другого государства, в Россию приезжающем в поисках вознаграждающей занятости. Примеры: *Мигрант — человек, переезжающий из одного государства в другое с целью проживания или трудовой деятельности; Человек, который выехал в чужую страну на определенный срок для работы.* В целом определения носили нейтральный характер, а в ряду образных определений понятие «мигрант» часто отождествлялось с образом жителя Центральной Азии.

Далее работа проходила в десяти подгруппах. Студентам было предложено из семи воображаемых общностей «таджик» — «киргиз» — «кавказец» — «китаец» — «вьетнамец» — «украинец» — «русский», выбрать две: одну, представители которой в качестве мигрантов воспринимаются преимущественно положительно, и вторую, представителей которой в том же качестве воспринимают преимущественно отрицательно. Затем следовало выработать образные характеристики отобранных общностей, по возможности привести метафоры к образам и представить этот материал для обсуждения.

Для составления образов семь подгрупп из десяти выбрали «китайцев», четыре — «кавказцев», три — «таджиков», две — «русских». «Украинцы», «киргизы» и «вьетнамцы» были выбраны по разу. Выбор отразил региональные особенности взаимодействия с представителями трансграничной миграции. Так, образ вьетнамцев представили только студенты из Владивостока, в то время как в других регионах эта этническая группа могла упоминаться, но выпадала из обсуждения, потому что, как полагают респонденты, мигрантов-вьетнамцев на территории Алтайского края и Ульяновской области нет или очень мало. Зато «китайцы», «кавказцы» и «таджики» вызвали оживленную реакцию респондентов во всех трех регионах. Ниже мы остановимся на характеристике образов этих групп мигрантов, а также коснемся восприятия «русских» и «украинцев».

«Китайцы». Студенты трех регионов России взаимодействуют с китайцами по-разному: во Владивостоке имеют опыт повседневного общения с китайцами как с трудовыми мигрантами, опыт студентов Барнаула сводится к взаимодействию с представителями образовательной миграции китайцев, а в представлении студентов из Ульяновска китайцы присутствуют на территории их региона только как туристы. Несмотря на эти различия, респонденты дали на удивление схожие характеристики китайцев — как положительные, так

и отрицательные. В число первых включались такие черты, как дружелюбие, общительность, трудолюбие, искренность, целеустремленность, спортивность. Показательно, что две подгруппы, разделенные максимальным расстоянием, — одна из Владивостока, другая из Ульяновска — предложили одну и ту же метафору для передачи образа китайцев: *движение*. Правда, в качестве метафоры к образу китайцев в двух случаях была использована и поговорка «*в тихом омуте черти водятся*», а в перечень отрицательных качеств китайцев вошли хитрость, скрытность, жадность, леность, нечистоплотность. Однако положительные качества отмечались значительно чаще отрицательных. Значимые контексты позитивной категоризации китайцев — успехи экономического развития КНР, понимание производительной силы этой страны, перспективности сотрудничества с ней России, отдельных приграничных регионов и их населения. В доказательство приведем два суждения: первое прозвучало в Ульяновске, второе — во Владивостоке: *У китайцев миграции фирмами и товарами; К сожалению, нас, русских, кормит и одевает Китай*. Очевидно, что позитивный имидж Китая переносится и на китайцев-мигрантов. «В плюс» идут и некоторые особенности поведения китайцев в принимающей среде, выгодно их характеризующие при сравнении с мигрантами из других стран. В общем, респонденты в большинстве своем явно не разделяют настроений синофобии, стереотип восприятия китайцев как опасности для России.

«*Таджики*». Их образ имеет собирательный характер — распространяется и на других выходцев из Центральной Азии, в первую очередь на узбеков. В отличие от китайцев восприятие таджиков следует назвать негативно-нейтральным, причем негативная его составляющая в первую очередь связана с исламом, что продемонстрировали респонденты во всех трех регионах. В восприятии многих из опрошенных студентов ислам — агрессивная религия, отождествляется с радикальным направлением в нем. А таджики и выходцы из Центральной Азии в целом категоризируются как люди, склонные в силу своего вероисповедания к религиозному экстремизму, а то и как уже «готовые» фанатики, что вызывает опасения и нежелание взаимодействовать⁸. Вот пример такого восприятия: *Для нас это в Приморском*

⁸ Специфический случай представляют несколько респондентов-татар в Ульяновске: они старались провести резкую границу между «своим» исламом и «привозным»:

крае большая проблема, так как идет противостояние русских и таджиков, таджиков очень много... Проблема в том, что мы не навязываем свою веру, а мусульмане навязывают. Им не нравится то, что тот, кто рядом присутствует, верит иначе, верит не в их бога, не в их Аллаха. Это является одной из причин, по которой они время от времени проявляют жестокость по отношению к другим нациям.

Несоблюдение «норм общежития» страны пребывания, неготовность к культурной адаптации, нарушение местных законов — вот черты, которые первыми назывались при характеристике «мусульман», соответственно и собирательных «таджиков»: *Есть какие-то мировые стандарты поведения человека в обществе, которым следуют те же самые японцы, китайцы, американцы, европейцы, а мусульмане всю историю шли наперекор всему этому, кроме тех, кто более-менее внедрился в европейскую среду.* Для сравнения: в 2005 г. Бочкарёва с коллегами проводила опрос среди студентов на предмет образов государств Центральной Азии в России и России в Центральной Азии, и среди лидировавших тогда у студентов ассоциаций с Таджикистаном были «гастарбайтер» и «нелегальная миграция» [Бочкарёва, Есимова, Замятин, 2005]. Фактически в то время слова «таджик» и «гастарбайтер» использовались как синонимы [Дятлов, 2010, с. 141]. В ответах, данных в ходе нынешнего опроса, термин «гастарбайтер» вообще не фигурировал, хотя тот факт, что таджики в качестве дешевой рабочей силы занимают важную нишу в экономике России, оценивался как положительный. Возможно, причина в том, что трудовая миграция воспринимается российским обществом уже как привычная, необходимая составляющая экономического развития страны, и такая рационализация восприятия в значительной мере устраняет из него прежний акцент на этническую инаковость. В то же время обрисованный студентами образ таджиков свидетельствует, что сложившийся с 1990-х гг. стереотип восприятия их как трудовых мигрантов, занимающих на социальной лестнице российского общества низшие ступени, трансформируется в нечто и более чуждое, и более опасное. Теперь это образ «мусульманина», потенциально и реально угрожающего идентичности и безопасности

...Еще мигранты-мусульмане, которые позорят и ислам как религию, которая в России всегда была у части народов. И это важно. Девочки, которые влюбляются в мигрантов, становятся ненастоящими мусульманками и идут в террористки. И уже на жителей России смотрят с подозрением. А у нас мирная религия.

принимающего сообщества, и идентичности и физической безопасности каждого из его членов.

«Кавказцы». Опросы российского общественного мнения и научные исследования показали, что самой устойчивой из разновидностей ксенофобии в России была начиная с 1990-х гг. кавказофобия. Ответы студентов в трех вузах свидетельствуют, что однозначно негативные стереотипы восприятия жителей кавказского региона как из той его северной части, что входит в состав России, так и из той, что в нее не входит и объединяется сейчас термином Южный Кавказ, сохраняет свою актуальность. В основе образа «кавказцев» лежат ставшие общим местом указания на наглость, агрессивность, неуважительное отношение к женщинам и культуре местного населения. Особенно подчеркивалось, что они слишком навязчиво демонстрируют свою культуру (танцуют в публичных местах лезгинку, стреляют на свадьбах). Студенты также отмечали, что выходцы из северокавказских субъектов РФ пользуются преференциями при поступлении в университеты. Вместе с тем стереотипы, хотя и являются устойчивыми оценочными представлениями, подвержены динамике, отражают происходящие в обществе изменения. И здесь мы согласны с В. И. Дятловым, который отмечает, что градус негативного восприятия кавказцев снизился. Причину этого он видит в том, что со стороны кавказцев уже не ждут прямой угрозы базовым ценностям, у обычного человека исчезло или существенно уменьшилось ощущение исходящей от них непосредственной, повседневной опасности [Дятлов, 2010, с. 134]. Показательно, что в восприятии этой группы почти не звучала исламская тематика, подсознательно сразу же ассоциирующаяся с угрозой. Основной негатив замыкается на манере поведения, и в целом отношение к «кавказцам» можно определить как отстраненное недоброжелательство.

Если же сравнивать тональность высказываний студентов относительно различных групп мигрантов, то складывается впечатление, что ксенофобский синдром явно смещается в сторону мигрантов из Центральной Азии.

При категоризации русских и украинцев в качестве мигрантов определяющее значение имело в первом случае срабатывание положительных автостереотипов, заметно активизировавшихся в ситуации нынешнего противостояния России с большинством ее соседей на западе, во втором — контекст культурно-исторической близости. В том же направлении воздействовало на образы и оценки «славян»

их сравнение с мигрантами из Центральной Азии и Кавказа. Примечательно, что мигранты-украинцы воспринимались студентами как понятные и близкие, получали «плюс», несмотря на политизированность украинского вопроса в российском информационном пространстве.

Как и на первом этапе, исследование не выявило очевидных регионально обусловленных отличий в восприятии мигрантов. И характеристики, и знак оценки отдельных общностей мигрантов практически тождественны в ответах студентов всех трех университетов. Единственное заметное (и, добавим, вполне предсказуемое) исключение — это большая заостренность неприятия «мусульман» респондентами из Барнаула и Владивостока, меньшая — ульяновскими студентами. Чего можно было ожидать, учитывая давнюю укорененность ислама в Поволжье.

* * *

Результаты первого этапа опроса, где миграция в качестве фактора актуализации национальной идентичности не фигурировала, в совокупности с нейтральными формулировками понятия «мигрант» позволяют утверждать, что феномен трансграничной миграции не воспринимается нашими респондентами как проблема, вызывающая страх и приводящая к кризису идентичности.

Картина несколько меняется, когда речь заходит о восприятии отдельных групп мигрантов. Тогда образы «пришлых» становятся предметными, насыщенными, эмоционально окрашенными и меняется знак отношения к представителям разных этнических групп, т.е. восприятие обретает избирательный характер. При этом очевидно значительное сходство в восприятии отдельных групп студентами из разных регионов. На наш взгляд, это обусловлено тем, что в общественном сознании, с одной стороны, сложились разделяемые большинством граждан России относительно устойчивые этностереотипы мигрантов, с другой — повсеместно в русских по преобладающему населению регионах происходят подвижки в категоризации трансграничной миграции. Имеется в виду тенденция к отторжению ислама и стигматизации «пришлых» мусульман. С этим выводом отчасти коррелируют и данные проведенного фондом «Общественное мнение» в том же 2014 г. общероссийского опроса об отношении к исламу ($n = 1500$). Респондентов, признавших отрицательной роль ислама в истории России, в современной России и в мире в целом, оказалось больше тех, кто полагал обратное (соответственно 28 и 23 %, 32 и 25 % и 40 и 20 %). Каждый десятый заявил, что его отношение к исламу

в последнее время ухудшилось, тогда как считали, что оно улучшилось, вдвое меньше (5%). При этом, однако, среди открытых ответов на вопрос «Что в первую очередь приходит вам в голову, когда вы слышите слово “ислам”?», на отождествление мигрантов с исламом пришлось только 2% [Ислам... 2014].

На наш взгляд, студентам свойственна одна общая особенность восприятия любых этнических групп, за исключением «своих» — русских и украинцев. Имеется в виду следующее: когда поведение приезжих, кем бы они ни были по гражданству или этничности, входит в противоречие с повседневной бытовой культурой принимающего сообщества, ответом этого сообщества становится выраженное негативное отношение, желание отгородиться от источника раздражения/возмущения.

Подытоживая, можно сказать, что вызов со стороны трансграничной миграции в представлениях студентов носит не экономический, а культурно-ценностный характер и что интеграционной модели взаимодействия с мигрантами студенты не продемонстрировали.

Список литературы

- Бочкарёва И., Есимова А., Замятин Д.* Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане: анализ ответов студентов и публикаций в СМИ // Вестник Евразии. 2005. №3. С. 30–47.
- Бочкарёва И.* Национальное государство и вызовы ему в представлениях российских студентов // Трансграничные вызовы национальному государству / Автор проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 153–165.
- Буданова И.* Представления о безопасности студентов-международников (по материалам экспресс-исследования в Ивановском государственном университете) // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур (Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.) / Отв. ред. С. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 215–226.
- Галлиймаа Н.* Представления о безопасности монгольских студентов (по материалам опроса студентов Монгольского государственного университета науки и технологии) // Там же. С. 191–200.
- Дятлов В.И.* Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Политика. 2010. №3–4 (58–59). С. 121–149.
- Идентичность // Новая философская энциклопедия в 4 т. / Под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. Доступно на сайте ИФ РАН. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/419 (дата обращения: 09.10.2015).

- Ислам — соседняя дружественная религия // fom.ru. URL: <http://fom.ru/interaktiv/12121> (дата обращения: 27.03.2016).
- Народы и конфессии Ульяновской области в начале XXI века. Фотоиллюстративный альбом / Е.Ю. Анисимова, Е.Ю. Бузинова, А.К. Идиатуллов, И.Е. Канцерова, А.В. Кобзев, А.А. Ротова, Д.В. Русин / Под ред. А.В. Кобзева, Д.В. Русина. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2015.
- Родоман Б.Б.* Урока географии // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 36–47.
- Смирнова А.Г.* Формирование национальной идентичности в России: легко ли быть русским? // Философский век. Альманах. Вып. 16: Европейская идентичность и российская ментальность. Материалы Четвертой международной летней школы по истории идей 8–22 июля 2001 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин / Санкт-Петербургский Центр истории идей. СПб., 2001. С. 201–205.
- Филонов Л.Б., Быстрова И.В.* Факторы, влияющие на контактное взаимодействие при первичном восприятии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 1. С. 93–95.
- Billig M.* The Baseline of Intergroup Prejudice // Citation Classic. 1992. 27.01. URL: <http://garfield.library.upenn.edu/classics1992/A1992GZ34400001.pdf> (last visited on 27.03.2016).
- Bodenhausen G. V., Kang S. K., Peery D.* Social Categorization and the Perception of Social Groups // The SAGE Handbook of Social Cognition / Ed. by S. T. Fiske, C. N. Macrae. Thousand Oaks, CA: Sage, 2012. P. 318–336. Available at: northwestern.edu. URL: <http://faculty.wcas.northwestern.edu/bodenhausen/BKP2012.pdf> (last visited on 26.03.2016).
- Buzan B., Waever O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London, 1998. Available at: books.google URL: http://books.google.ru/books?id=j4BGrElsP8C&pg=PA21&hl=ru&source=gbstoc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (last visited on 24.10.2015).
- Hogg M. A., Turner J. C., Nascimento-Schulze C., Spriggs D.* Social categorization, intergroup behaviour and self-esteem: Two experiments // Revista de Psicología Social. 1986. Vol. 1. No. 1. P. 26–38. Available at: Dialnet. URL: [Dialnet-SocialCategorizationIntergroupBehaviourAndSelfestee-2902882.pdf](http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2902882) (last visited on 26.03.2016).
- Oakes P.* The Root of All Evil in Intergroup Relations? Unearthing the Categorization Process // Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes / Ed. by R. Brown and S. L. Gaertner. Malden (MA) et al.: Blackwell Publishers, 2003. P. 3–21.
- Tajfel H., Billig M. G., Bundy R. P. and Flament C.* Social categorization and intergroup behaviour // European Journal of Social Psychology. 1971. Vol. 1. No 2. P. 149–178.

Виктор Дятлов

ВОСТОК НА ВОСТОКЕ РОССИИ: КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ПОЗДНЕИМПЕРСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭПОХИ)

Статья посвящена восприятию трансграничных китайских мигрантов как носителей образа и стереотипа Востока на Востоке России. Восток России — это особый феномен: переселенческое общество, формируемое миграциями. Можно предположить, что в этом качестве оно способно продемонстрировать специфическую реакцию на трансграничные миграции. Два разделенных советской эпохой «пришествия» китайских мигрантов дают замечательную возможность выявить реакцию принимающего общества, при всех оговорках соотносящего себя с Западом, на массовое присутствие людей, воспринимаемых как носители культуры Востока. Для российского общества в целом характерен переход от дореволюционного дискурса «желтой опасности» к современной «китайской угрозе». Это фундаментальный переход от «войны миров» к конфликту интересов. Не выламываясь за эту общую для страны рамку, современный Восток России продемонстрировал и быстрый переход к восприятию китайских мигрантов в категориях ресурса.

Ключевые слова: китайские мигранты, переселенческое общество, Сибирь, Дальний Восток России, стереотипы, «желтая опасность», «китайская угроза», «китайский ресурс».

Попытка осмыслить (а для этого систематизировать, создать некую типологию) гигантское разнообразие современных общемировых миграционных потоков через традиционные категории «Востока» и «Запада» — рискованная стратегия. Велика опасность увязнуть в бесконечной дискуссии о природе этих категорий и их эвристической ценности. Слишком много накопившихся смыслов и коннотаций делают эту классическую пару понятий не слишком эффективным инструментом научного анализа. С другой стороны, неизбежны сомнения в эффективности вообще любой глобальной генерализации, слишком крупного обобщения. Ведь формируется общемировая

«кровеносная система» миграций, состоящая как из полноводных артерий, так и из мелких капилляров. Очевидна уникальность в каждом случае сочетания причин, направления, интенсивности и значения потоков для принимающих и отпускающих обществ, для самих мигрантов и для общемировой ситуации.

Тем не менее... Грешно не использовать такую замечательную метафору — именно как метафору — при попытке осмыслить значение современных трансграничных миграций для объединяемых ими чрезвычайно разных сообществ. Сообществ, разных с точки зрения культурных традиций и норм, исторически сложившихся в течение веков и даже иногда тысячелетий; сообществ, радикально отличающихся по уровню социально-экономического развития, жизненных стандартов, характера политических режимов и правовых норм. И, если рассматривать трансграничные миграции как тестовую ситуацию, как возможность выявить через реакцию на них важные характеристики встречающихся *разнородных сообществ*, то это может открыть богатые эвристические возможности и перспективы.

Эта статья посвящена восприятию трансграничных мигрантов в качестве носителей образа и стереотипа «Востока» на Востоке России. Восток России — не проблема географии или региональных исследований, не проблема местной истории — при всем огромном уважении к этому жанру. Восток России — это особый феномен: переселенческое общество, формируемое миграциями. Можно предположить, что в этом качестве оно способно продемонстрировать серьезную специфику в реакции на трансграничные миграции.

Поэтому интересно и важно посмотреть, отличалось ли в прошлом и отличается ли сейчас отношение к трансграничным мигрантам в переселенческом обществе — в том числе отношение, выраженное в комплексах стереотипов и фобий — от господствующего отношения в стране в целом. А это побуждает задать вопрос: существует ли более или менее единая реакция принимающего общества, хотя бы относительное его единство перед лицом мигрантов с «Востока»?

Хотя Восток России принимал и принимает сейчас разнообразные миграционные потоки, олицетворением «мигрирующего Востока» стали, несомненно, выходцы из Китая. Россия вообще и ее Восток в особенности обладают возможностью сравнения двух волн китайской миграции. Такой характер трансграничного миграционного процесса — следствие длительного перерыва советского периода, резко

разделившего во времени две мощные волны китайской миграции: в эпоху поздней Империи и в постсоветские годы. Практически полностью отсутствует генетическая преемственность между этими волнами, произошел и разрыв исторической памяти. Советские десятилетия сформировали поколение людей, для которых трансграничные мигранты стали мифом. Почти исчез полнокровный стереотип китайского мигранта как инструмент выстраивания межличностных отношений — при отсутствии (полном или почти полном) таких отношений. Тем более важно посмотреть, сохранилась ли хотя бы остаточная преемственность в процессе формирования таких стереотипов сейчас или они формируются самостоятельно, на собственной основе.

Сибирское переселенческое общество

Несколько слов о географии. Что имеется в виду под Востоком России, как это соотносится с исторически сложившимися понятиями «Азиатская Россия», «Сибирь», «Дальний Восток»? Не вдаваясь в чрезвычайно интересные и важные дискуссии относительно ментальной географии¹, соотношения административно-политических и культурно-исторических оснований для регионализации России к востоку от Урала, хотел бы подчеркнуть, что переселенческое общество часто мыслится в категориях Сибири. В ходе исторического развития из Сибири «от Урала до Камчатки» административно, а затем и в чем-то культурно выделился Дальний Восток. Поэтому, строго говоря, переселенческое общество — это Сибирь и Дальний Восток. Но иногда по традиции всё это называют Сибирью и сибирским переселенческим обществом.

Стоит еще раз отметить особый характер принимающего общества. В основе его генезиса лежал и во многом лежит до сих пор самый сложный процесс культурного, экономического, социального синтеза различающихся по времени их появления в Сибири компонентов населения. Даже та их совокупность, которую принято называть «старожильческой», — глубоко гетерогенная. Она включает потомков считающихся аборигенными палеоазиатских народов и нескольких волн мигрантов, принадлежащих другим и разным языковым семьям. Еще сильнее

¹ Глубокий и тонкий анализ этой проблемы содержится в работах А. В. Ремнёва, см.: [Ремнёв, 2015, с. 7–50; 2004, с. 7–63].

разнятся «старожилы» по этническим, религиозным, социальным характеристикам предков, по мотивам, стратегиям и практикам их миграции, моделям адаптации к новым условиям [География... 2014, с. 26–77].

Существенно и то, что синтез происходил в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, при отсутствии надежных коммуникаций и при недонаселенности региона, в контексте общества традиционалистского, вступившего в полосу модернизации. Различные стратегии модернизации в эпохи поздней Империи, советской власти, постсоветских трансформаций задавали многие существенные характеристики изучаемого общества, ставя иногда под вопрос его переселенческий характер. В особенности сильно, можно сказать, радикально, изменила сибирское общество, его ключевые параметры советская модернизация.

Одно при этом оставалось неизменным — острый спрос на человеческие ресурсы, на мигрантов как на необходимое условие жизнеобеспечения и развития. В общественном восприятии после присоединения Сибири сибиряками, по собственной воле или принудительно, долгое время становились представители различных региональных, сословных, конфессиональных групп. С эпохой Модерна миграционные потоки воспринимаются уже как **этнически** разнородные и разнообразные, этническое разнообразие сибирского общества признано в качестве важнейшей его характеристики. Потоки трансграничных трудовых мигрантов, часто оцениваемых в категориях глубокой культурной чужеродности, добавили еще одну важную грань в этот образ «единства в многообразии».

«Сибирь — территория согласия»?

Существует устоявшееся убеждение, можно сказать, стереотип, суть которого выражена в этом распространенном слогане. На всех уровнях, в официальной и неофициальной обстановке, журналистами, представителями элиты и простыми обывателями повторяется мысль о том, что своеобразие исторических судеб Сибири, специфика формирования ее населения исключают возможность возникновения межнациональных или этнически окрашенных конфликтов. «У нас не Кавказ, у нас была, есть и будет обстановка межнационального

согласия» — вот квинтэссенция такого взгляда. Наберите в поисковой строке Гугла или Яндексa фразу, вынесенную в заголовок раздела, — и на вас обрушится поток информации о множестве конференций, конкурсов, газетных публикаций и т.п. Фраза стала одновременно торговой маркой и идеологемой, подразумевающей, что не было и нет стереотипов и фобий по отношению ко вновь приходящим в Сибирь. Либо, на худой конец, они были (и есть) настолько слабые, неразвитые, что практически не препятствовали укоренению мигрантов.

На уровне научного сознания возможна гипотеза о том, что переселенческий характер принимающего общества может формировать привычку к присутствию мигрантов, даже специальные практики и стереотипы, способствующие формированию такой привычки. В свою очередь это предполагает постановку вопроса о том, отличались ли и отличаются ли сейчас ксенофобские настроения и стереотипы в Сибири от ситуации в европейской России. А возможность сравнить ситуацию поздней имперской и постсоветской эпох позволяет задать дополнительные вопросы. Каким образом представлены и соотносятся этнические и мигрантские составляющие в ксенофобских комплексах? Был ли, и если был, то в чем выразался антимигрантский комплекс?

Всё это может быть выявлено посредством анализа отношения к китайцам — очевидным трансграничным мигрантам, временным или постоянным.

Исторический контекст: два пришествия китайских мигрантов

Присоединив во второй половине XIX в. Дальний Восток, Россия внезапно обрела и огромный комплекс сложнейших экономических и политических проблем. В том числе — теснейшее соседство, в виде общей границы, с гигантским по населению Китаем, или, по замечательному выражению Акихиро Иваситы: «Четыре тысячи километров проблем» [Ивасита, 2006]. Образовалась гремучая смесь из стремления к экспансии в Китай и страха перед тем, что этот «спящий проснется». А тут еще неожиданный — и потому тем более тревожный — процесс модернизации и державного усиления Японии, тоже теперь соседней. И всё это — при полной неосвоенности только что присоединенного края в политическом, военном, демографическом, экономическом отношениях и его почти полной — вплоть до строительства

Транссиба — оторванности от метрополии. Как следствие, стратегическое направление деятельности властей позднеимперской России — процесс освоения региона — оказалось в сильнейшей зависимости от людских ресурсов соседних стран. Создание в крае первичной административной, военной, коммуникационной, экономической инфраструктуры, ее обслуживание, поддержание элементарной жизнедеятельности населения — всё это породило огромный спрос на рабочую силу, удовлетворить который за счет российских источников было просто невозможно. Этот платежеспособный спрос и вызвал постоянно растущий приток мигрантов из Китая, в меньшей степени — из Кореи и в еще меньшей — из Японии.

Преобладавший по численности китайский поток составляли временные, в значительной части сезонные мигранты. Это были одинокие мужчины, миграция женщин была запрещена китайскими законами. Отсюда и преобладающая миграционная стратегия, направленная на временное пребывание в России, минимальную адаптацию к принимающему обществу. Вторая по численности группа — мигранты из Кореи. По форме они были трудовыми мигрантами, по сути — беженцами от невыносимых условий жизни, что создавало у них огромный стимул к адаптации. И они действительно стремились получить российское подданство, во многом ради этого массово принимали православие, старались дать детям российское образование и знание языка. Японских мигрантов было мало — всего около 5 тыс. человек в 1902 г. [Гузей, 2015, с. 81]; но и они нашли свою нишу в экономике края, специализируясь на видах занятости, требующих современного образования и высокой ремесленной квалификации.

Это был, видимо, первый в истории России случай массовых трансграничных трудовых миграций, **не** организованных властями империи. Точных оценок численности китайских мигрантов из-за ее постоянных изменений, сезонности, слабой постановки учета нет. Но в некоторые годы она превышала сотню тысяч человек, а в 1910 г., по оценке А. Г. Ларина, достигла 200–250 тыс., т. е. составляла 10–12% населения региона [Ларин А., 2009, с. 20–21]. На этой рабочей силе держались сельское хозяйство, золотопромышленность, строительство, сфера обслуживания, торговля и общественное питание².

² Подробнее см.: [Ларин А., 2009; Нестерова, 2004; Петров, 2003; Позняк, 2004; Сорокина, 1999].

В первые годы советской власти ситуация с мигрантами была во многом продолжением дореволюционной: сочетание массовой миграции с попытками установления контроля и с политикой выдавливания мигрантов из сферы торгового предпринимательства. «Великий перелом» 1929 г. стал водоразделом и здесь. Маятниковая трудовая миграция была пресечена, оставшиеся в стране китайцы были частично выдавлены, частично высланы или уничтожены [Ларин А., 2009, с. 120–140]. О них надолго и прочно забыли.

Вновь китайские трудовые мигранты появились только в конце 1980 — начале 1990-х гг., и за короткое время сумели стать и важным элементом экономической и социальной структуры постсоветского Дальнего Востока, и раздражающей, остро дискуссионной проблемой для российского общества, федеральных и местных властей. Неудивительно, что проблема интенсивно изучается, и в рамках исследовательского сообщества сложилось более или менее адекватное представление о динамике и структуре китайского миграционного потока, как и о значении мигрантов для жизни принимающего общества.

Некоторые итоги этого изучения подведены в изданной под эгидой Российского совета по международным делам трехтомной хрестоматии по миграции в России [Миграция... 2013]. Уже очевидно, что речь не идет о многомиллионных массах безвозвратных мигрантов, тем более — об их концентрации в приграничных с Китаем дальневосточных и сибирских областях. Пока наша страна имеет дело с сотнями тысяч (и в годовом исчислении, и в единовременном присутствии) преимущественно временных мигрантов. По подсчетам известных российских китаеведов Е. С. Баженовой и А. В. Островского, одномоментная численность китайцев в России составляла в конце нулевых годов 200–250 тыс. человек [Баженова, Островский, 2013, с. 186] — практически столько же, что и столетие назад. Как и внутренние трудовые мигранты, китайцы устремляются туда, где имеется максимально высокий платежеспособный спрос на их рабочую силу. Это не обязательно прилегающие к Китаю территории. По оценке В. Г. Гельбраса, в начале нулевых годов самый крупный в России кластер китайской миграции находился в Москве [Гельбрас, 2013]. Не сформировались и компактные поселения постоянно проживающих китайцев, хотя бы отдаленно сопоставимые с «чайнатаунами» современных западных городов или «китайскими кварталами» дореволюционного Дальнего Востока [Чайнатауны... 2008].

Китайские трудовые мигранты заняли важную нишу в строительстве, сельском хозяйстве, торговле. В сфере торговли их роль явно выше, чем доля в общей численности занятых в отрасли, ибо они стали важнейшей частью инфраструктуры продвижения на российские рынки китайской промышленной продукции и организации поставок в Китай российского сырья. В целом можно говорить о том, что китайские мигранты стали необходимой частью российской экономики и в этом смысле интегрировались в российское общество.

Позднеимперская Россия: дискурс «желтой проблемы» и «желтой опасности»

Массовая миграция создала на Дальнем Востоке ситуацию массового же, повседневного, обыденного контакта как нормы жизни, что потребовало выработки стереотипов как механизмов регулирования взаимоотношений и комплекса поведенческих практик. Соседство с Китаем и полная зависимость от труда китайских мигрантов осознавались в качестве проблемы, критически важной для властей и населения не только региона, но и империи в целом.

По большей части проблема эта осознавалась, озвучивалась и оценивалась государственными деятелями, столичными и региональными чиновниками, военными, разнообразными экспертами, журналистами и публицистами, учеными, просвещенными обывателями в категориях «желтый вопрос», «желтая проблема», «желтый труд», «желтая опасность». Господствовал российский вариант общемирового комплекса представлений о мире, стереотипов, страхов и предрассудков, известного как «желтая опасность» (*yellow peril*). В его основе лежал расовый подход — презумпция органической принадлежности человека к определенной расе [Blue, 1999; Siegelbaum, 1978]. В соответствии с ним расовые биологические константы определяют все ключевые характеристики человека как социального существа — интеллектуальные, моральные, духовные: его образ жизни, поведение, систему ценностей и групповую лояльность. По выражению Ханны Арендт, «народы как таковые превращаются в виды животных так, что русский выглядит отлично от немца не меньше, чем волк от лисицы» [Арендт, 1996, с. 322]. Расовые отличия считались настолько огромными, что ставили под вопрос принадлежность их носителей к единой человеческой общности, следовательно, их совместимость.

Несовместимость же рас — достаточное основание для их борьбы за выживание. «Желтая опасность» выделась в природной несовместимости «желтой» и «белой» рас, их непримиримом конфликте.

В рамках общемирового комплекса в России сложилась достаточно богатая, хорошо разработанная его версия. Базируясь на общей расовой основе («желтый» — абсолютный чужой), она включала в себя одновременно и геополитические мотивы, и страхи перед сильным конкурентом в сфере труда и предпринимательства, и вполне реалистичные опасения относительно слабости российского контроля над регионом. Сюда же влетало то, что веком позже стало называться мигрантофобией.

Огромную жизненную энергию синдрому придало подключение ресурса тревоги и фобии, содержавшегося в отечественном концепте татаро-монгольского ига. К тому времени этот концепт настолько глубоко и прочно вошел в школьные и университетские учебники в качестве их важнейшего постулата, что его основные положения казались всем самоочевидными, выглядели уже трюизмами. Соответственно, представление об «иге» прочно господствовало не только в историческом, но и в обыденном сознании.

Синтез «желтой опасности» и «татаро-монгольского ига» породил грозную метафору «панмонголизма» — грядущего нового монгольского нашествия. Создавался мощный кумулятивный эффект, ведь с XIX в. и по настоящее время в массовом сознании, официальной идеологии, школьных учебных программах господствует представление о том, что «иге» было самой страшной катастрофой в истории страны. Такие коннотации панмонголизма совсем не относились к реальным монголам того времени — мирным скотоводам, терпеливо сносившим «собственное» иго маньчжурской династии Цин. Мистические «монголы» панмонголизма выступали грозным символом «Желтизны», «Нашествия», «Ига», будили inferнальный страх перед неизбежной «войной миров»³.

Признание нечеловеческой/недочеловеческой природы «желтых» становилось естественной и необходимой предпосылкой для их

³ Выдающийся образец здесь дают стихотворение В. С. Соловьёва «Панмонголизм» [Соловьёв, 1993] и его же «Три разговора о войне, прогрессе и конце человеческой истории», по жанру напоминающие эсхатологические пророчества «о панмонголизме и азиатском нашествии на Европу», «предстоящем страшном столкновении двух миров» [Соловьёв, 1990].

демонизации — превращения мнимого, реального или потенциально-го противника в смертельного врага. Казалось, что угроза с его стороны не поддается рациональному объяснению или описанию, есть нечто таинственное и грозное, всеобщее, вездесущее и мало зависящее от воли и действий отдельных людей. «Чужой» предстал не в облике конкретного противника с конкретными интересами, а как персонификация абсолютного зла, воплощение тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. Его логику невозможно понять, с ним невозможно сторговаться, достичь компромисса, поэтому конфликт с ним — это тотальное противостояние, война до полного уничтожения одной из сторон.

Вот характерное высказывание профессора П. Ухтубужского⁴: «Известно, что желтые народы питают органическую ненависть к европейцам, а к нам, русским в особенности <...> Они мечтают... о завоевании всего мира <...> Нашествие желтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, “мирное”, экономическое нашествие, но и при этом мирном нашествии русские вытесняются желтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т. д.» Но планам «желтых» не суждено сбыться. «Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет Православия, с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим “князя мира сего”» [Ухтубужский, 1913, с. 64, 65, 75, 85].

Синдром «желтой опасности» — это острая реакция на тесный контакт с Востоком, результат осмысления этого контакта в категориях противостояния Востока и Запада, в современных категориях «столкновения цивилизаций». «Желтые» мигранты несут чуждый и враждебный «Восток» в Россию, на «Запад». При этом азиатские подданные Империи, например буряты или якуты, как такие «желтые» не идентифицируются, по отношению к ним используется словная, позднее — этническая система категорий. Были те, кого

⁴ П. Ухтубужский — псевдоним Николая Дмитриевича Облеухова (? — не ранее 1917). Писатель и журналист, он был активным участником право-монархического движения, товарищем председателя Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела (РНСМА). См.: [Облеухов, 2015]. Псевдоним явно происходит от названия старинного села и волости в Костромской губернии [Торопов, 2015].

не поразил синдром «желтой опасности», однако и они осмысливали и оценивали проблему в его словах и образах, что объективно укрепляло его легитимность. Так, политический ссыльный-народник и выдающийся исследователь Сибири Д. А. Клеменц, принципиально и аргументировано отрицая расовые подходы и возможность объединения столь разных народов, как китайцы, японцы и монголы, тем более для совместной экспансии против Европы, пользовался соответствующей синдрому терминологией, не закавычивая ее [Клеменц, 1905].

Было ли отношение к китайским и корейским мигрантам на Востоке России особым, отличавшимся от общеимперского? С одной стороны, для малочисленного российского населения Дальнего Востока общение с «желтыми» было делом повседневных контактов и привычных практик. Для военных и гражданских чиновников мигранты были объектом выработки и принятия управленческих решений и административной рутины. Интенсивность контактов, степень взаимозависимости, взаимный интерес, уровень знаний были, естественно, несопоставимо выше, чем в метрополии. Поэтому и эпитет «желтый» употребляется здесь наряду с этнонимами и обозначениями подданства: читающая грамотная публика, да и значительная часть неграмотного населения знала, что есть китайцы, японцы, корейцы, монголы, подданные китайского или японского императора. Многие хорошо представляли, в чем состоят различия между ними. Чиновники, военные, эксперты, анализируя структуру населения, особенно мигрантской его части, состав хозяев торгово-промышленных предприятий и другие явления в регионе, привычно мыслили в этих категориях.

Разница миграционных стратегий учитывалась в политике администрации. Антикорейская кампания генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера, известного исследователя и знатока региона, основывалась на ясном понимании того, что корейцы — отличный колонизационный материал: работающие, лояльные, готовые к интеграции, полезные, а в аграрной сфере — просто незаменимые люди. Однако в отличие от предшествующих генерал-губернаторов, он опасался именно этих качеств. Он предпочитал видеть Дальний Восток русской пустыней, а не цветущим садом «желтых». Считая регион резервной территорией, местом жизни будущих поколений россиян, он решительно не приветствовал оседание здесь их потенциальных конкурентов. Он предпочитал «перелетных птиц» — китайцев, которые искали здесь не новый дом, а возможность заработка [Граве, 1912,

с. 137]. Нам интересна стратегия этого подхода: корейцы, адаптационные усилия которых очевидны, в качестве кандидатов на то, чтобы стать в будущем россиянами, отвергаются именно по той причине, что они «желтые». Конкретные проблемы развития региона, вопросы его управления — в той части, что связаны с мигрантами, — обычно рассматривались в категориях этничности или подданства. Но как только анализ выходил в плоскость выстраивания геополитики, стратегии, общего взгляда на роль региона в стране и в мире, начинал господствовать «желтый» дискурс.

Можно предположить, что на уровне идеологии, политики, административных стратегий и практик принципиальных отличий между Востоком России и метрополией не было. Видимо, по причине почти полной концентрации русского населения региона вокруг властных структур, державное понимание и державная оценка трансграничной миграции в регион были почти монопольными. Бюрократический плюрализм имел место — но границы оттенков во мнениях проходили по ведомственной линии, а не по линии «центр — окраина». Формирование общественного мнения как важной составной части модернизационного процесса не обошло стороной Дальний Восток. Местные газеты, собственная прослойка журналистов, публицистов, публичных ведомственных аналитиков, активные публичные дискуссии вокруг миграционных проблем — всё это в регионе было. Однако при всех местных особенностях, при большей погруженности в реальную ситуацию, они в целом воспроизводили общеимперский дискурс. Ничего сопоставимого с проектом «сибирского областничества» здесь не возникло.

Ситуацию на уровне представлений, практик, стереотипов обывателя ярко высвечивают события, вошедшие в историю как «благовещенская паника», или «благовещенская утопия». Бушевавшее в Китае антииностранное восстание ихэтуаней («боксеров») подкатилось к приграничному Благовещенску. Там находилось несколько тысяч китайцев, игравших огромную роль в экономике и повседневной жизни горожан. В обстановке страшной паники власти заподозрили их в возможной нелояльности и решили насильственно депортировать через пограничный Амур. В результате несколько тысяч человек, не оказавших даже пассивного сопротивления, было утоплено. Всё это сопровождалось массовыми убийствами и грабежами. Затем местные власти фактически санкционировали истребление и изгнание

зазейских маньчжур — китайских подданных, компактно проживавших на российской территории и пользовавшихся по межгосударственным договорам экстерриториальностью⁵.

Талантливый владивостокский журналист писал позднее: «“Ходя”, “китаюза”, “купёза” — такое, как и везде, обращение к ним, обращение насмешливо-снисходительное, большого с малым, взрослого с подростком. Щелкнуть “ходю” в лоб, дернуть его за косу, дать ему “подножку”, хорошего “тумака” — всё это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось просто так, любя, шутки ради... Обобрать, ограбить “ходю” среди бела дня, “укокошить” его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, всё равно что зарезать барашка, и всякий ответ за него казался сущей бессмыслицей. И если “добрые люди” находили где-нибудь на дороге труп китаюзы, то просто за ноги оттаскивали его в сторонку и спускали его в шурф; тем всё и кончалось. Ни разборами, ни протоколами, ни всякими там следствиями никто себя не беспокоил. Есть из-за кого...» [Матвеев, 1911, с. 30].

Паника, растерянность и некомпетентность властей в сочетании с привычкой смотреть на китайца как на «тварь» вылились в безопасную и даже одобряемую возможность измываться над слабыми и беззащитными, дали простор самым темным и страшным инстинктам. Погром приняла — если не одобрила, то уж точно гласно не осудила — и образованная часть благовещенского общества, считавшая себя форпостом европейской цивилизации на границе с азиатским варварством.

Современная Россия: между «китайской угрозой» и «китайским ресурсом»

Для подавляющего большинства россиян внезапное появление в начале 1990-х гг. массы мигрантов из Китая стало абсолютной неожиданностью. Старая китайская диаспора при советской власти, как уже говорилось, исчезла, ушла на далекую периферию исторической памяти, образу китайских мигрантов и отношению к ним предстояло формироваться заново.

⁵ Подробнее см. статьи В. И. Дятлова и Т. Н. Сорокиной в книге: [Местные сообщества... 2012, с. 95–175].

Присутствие китайских мигрантов не получило пока соответствия в виде повседневного привычного, рутинного человеческого контакта с ними. Пока в России интересуются не китайцем, даже не китайским мигрантом, а воплощенной в них китайской проблемой. Жизнь пока не заставляет задумываться над тем, **кто такой** китайский мигрант, **какой** он. Преобладает другое — **сколько** их, что несут они нам, исходит ли от них угроза, а если да, то какая. И относятся эти вопросы не к отдельному человеку, а к совокупности, к массе, нерасчлененной и не индивидуализированной.

Сместился, однако, акцент при оценке характера их групповой лояльности, что связано с радикально изменившейся ролью Китая. Если на рубеже XIX и XX вв. он рассматривался скорее как пространство географическое, а не политическое, наполненное державной мощью, то сейчас такой взгляд невозможен в принципе. Теперь в построениях идеологов и в массовом сознании это сверхдержава, чья экономическая и военная сила направлена вовне — под давлением гигантского населения и общей ограниченности собственных ресурсов. Мигранты расцениваются как абсолютно лояльный и послушный инструмент, щупальце этого государства-гиганта. В построениях рубежа XIX–XX вв. китаец выглядит менее этатизированным, он растворен не столько в государстве, сколько в той самой «желтой расе», чье нашествие грозит цивилизации.

А вот эпитет «желтый» сохранился только в словосочетании «желтая опасность» в качестве компонента устоявшегося термина. Вряд ли это результат политкорректности. Скорее — следствие ухода расового дискурса на периферию при анализе социальных отношений и проблем. Расизм, конечно, сохранился, расовые различия фиксируются и отражаются на характере человеческих отношений, но массовые представления о непреодолимой пропасти между расами, взгляд на представителей иной расы как на инопланетян, похоже, ушли в прошлое. Переход от «желтого» к «китайскому» представляется принципиальным отличием в фундаментальных характеристиках образа китайца двух рассматриваемых эпох: это переход от «войны миров» к конфликту интересов.

В области научных исследований и в сфере массовых настроений, в понимании проблемы чиновниками и политиками, в том взгляде на китайцев, который господствует в масс-медиа и передается в них как содержанием сказанного, так и его тоном, нетрудно заметить

общее проблемное поле. И базируется оно на конфликтном единстве двух подходов — безопасности и развития.

Сторонники идеи **развития** исходят из представления о том, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы современному российскому обществу с демографической и экономической точки зрения и без их растущего притока невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, на комплексных мерах по их социальной, экономической и культурной интеграции. В китайских мигрантах видят недостающую и дешевую рабочую силу, инфраструктуру снабжения массовыми потребительскими товарами, терминал для подключения к возможностям китайской экономики, для втягивания восточных регионов в сферу ее притяжения. Видятся и риски: дешевизна рабочей силы грозит демпингом, а подключение к китайской экономике — превращением в ее сателлита с неизбежными политическими последствиями [Зайончковская, Тюрюканова, 2013; Зайончковская, 2013].

Приверженцы **безопасности** беспокоятся за культурную однородность и стабильность принимающего общества. Мигранты оцениваются ими в категориях чужаков, несущих угрозу базовым ценностям и устоям, как причина неизбежных и разрушительных этнических конфликтов [Деягин, 2013]. Нужна политика по максимальному ограничению притока новых мигрантов и по вытеснению уже имеющих. Этот подход преобладает. В массовом сознании, в дискурсе масс-медиа и идеологических доктринах большинства политических партий и движений, в словесном обрамлении и оправдании государственной политики китайские мигранты в первую очередь изображаются **угрозой**. В них видят претендентов на ресурсы: они отбирают рабочие места, вывозят/воруют капиталы и природные ресурсы. Их подозревают в массовой криминализированности. За их спинами видится державная мощь Китая. Соответственно, широко распространено мнение о китайской миграции как важнейшем инструменте экспансии китайского государства — как процесса, им спланированного и под его скрытым контролем целенаправленно осуществляемого тотально мобилизованным и организованным населением [Рыбаковский, Захарова, Миндогулов, 1994]. Сами мигранты

в этой конструкции предстают не отдельными людьми, частными лицами со своими мотивациями и свободой, пусть относительной, выбора, а органической частью государства⁶.

Имеется ли в этой палитре взглядов и отношений место для отличающейся позиции населения, властей, экспертных сообществ Сибири и особенно Дальнего Востока? И существуют ли вообще отличия? С одной стороны, очевидно огромное воздействие фактора единого властного и информационного пространства. Анализ печатной прессы нескольких сибирских и дальневосточных городов, радикально разных в плане миграционной ситуации, продемонстрировал поразительное сходство формируемых там штампов, стереотипов, оценок, заимствованных из господствующего общероссийского дискурса безопасности [Трансграничные миграции... 2009, с. 121–179].

В 1990-х гг. здесь наблюдался мощный всплеск кавказофобии. Погромы на рынках, другие инциденты были привычным явлением [Дятлов, 2008]. Национал-патриотические группы, используя антимигрантскую риторику, смогли прорваться через относительно свободные тогда выборы в региональный политический истеблишмент. На Дальнем Востоке, где десятилетиями формировалась психология форпоста, оборонительного рубежа, страх перед «китайской угрозой» и китайскими мигрантами принимал масштабы паники [Ларин В., 2006, с. 257–268]. Этим успешно пользовались региональные власти для административного торга с Москвой.

Следующее десятилетие стало периодом взаимной адаптации и общей стабилизации. Символично отношение общества и властей Иркутска к двум инцидентам с явной этнической и мигрантской окраской [Восток России... 2011, с. 531]. Около сотни китайских рабочих прямо на строительной площадке забросали камнями милиционеров, пришедших туда за данью. Во время очередного профессионального праздника десантных войск один из ветеранов попытался спровоцировать кавказский погром по образцу «лихих 90-х». Торговец, не пожелавший дать бесплатно арбуз, нанес ему серьезную травму железной палкой. Оба инцидента остались локальными и бытовыми, не вызвали ни малейшего всплеска антимигрантских настроений, тем более действий. Правда, возмущившихся китайцев жестоко избил

⁶ При этом предполагаемую экспансию подразделяют по целям на территориальную, демографическую и экономическую. Подробнее см.: [Дятлов, 2015, с. 197–201].

ОМОН, но то было, если так можно выразиться, корпоративное возмездие, а не вспышка ненависти к «желтым».

Страх перед «китайским нашествием» на Дальнем Востоке в значительной мере вытесняется прагматическим пониманием ценности китайских мигрантов как важнейшего ресурса и личного благосостояния, и развития региона. Это можно назвать отношением и идеологией «рыночного терминала». Оставшись в 1990-х гг. без государственной поддержки, пережив жестокий экономический кризис, деградацию ведущих в советскую эпоху отраслей экономики, массовый отток населения, жители края нашли в Китае, китайской экономике, китайских мигрантах жизненно важный ресурс, средство не просто экономического выживания, но и обретения некоторого благосостояния. Сформировалась экономика, ориентированная на интеграцию с экономикой Китая — и мигранты стали важнейшей частью новой инфраструктуры связей и отношений. С некоторым естественным запозданием это нашло свое отражение и в массовой психологии, реальной политике местных властей. Происходит радикальная перемена взгляда на китайского мигранта: от отношения к нему как к «пятой колонне» вероятного противника — к высокой оценке его как жизненно важного для региона и отдельных его жителей ресурса. Ресурса, который надо ценить и охранять, в том числе и от «Москвы»⁷.

Заключение

Так что же, Сибирь и вправду «территория согласия»? А ее общество полностью (или хотя бы частично) свободно от ксенофобии в ее этнической и миграционной ипостаси — как общество, унаследовавшее при своем возникновении «ген толерантности»?

Региональные особенности, связанные с переселенческим характером формирования общества, несомненны. Очевиден куда больший, чем в метрополии, опыт взаимодействия, повседневного массового контакта с мигрантами с очень далекой культурной дистанцией, говоря метафорически — с «Востоком». Сейчас это общество уже достаточно окрепло для того, чтобы вырабатывать в кризисной ситуации собственные стратегии и практики выживания и развития. Это относится и к проблеме китайских мигрантов, которых всё больше

⁷ Подробнее см.: [Бляхер, 2010; 2012а; 2012б].

рассматривают (и ценят) не как угрозу общегосударственным интересам, не с точки зрения защитников форпоста этого государства, а с позиций «работников терминала» — как собственный жизненно важный ресурс.

И это заставляет задуматься о специфической природе сибирского и дальневосточного общества, где именно человеческий ресурс высоко ценился в силу крайней его дефицитности. В этом контексте и дизайн конфликтности мог обладать большим своеобразием. Это не означает отсутствия фигуры «чужого» как регулятора социальных отношений или ее меньшей роли. Просто «чужой» мог быть другим. Скажем, воспринимался чужаком не как представитель некой сословной, конфессиональной или этнической группы, а как пришлый человек, претендующий на дефицитный ресурс.

При этом и дореволюционная, и современная ситуация демонстрируют наличие в Сибири и на Дальнем Востоке ксенофобских комплексов, особенно ярко выраженных в кризисных ситуациях. События 1900 г. в Благовещенске и накал страхов перед «китайской угрозой» конца 1990-х — яркое тому подтверждение. При всем своеобразии Восток России был и остается частью общероссийского властного и информационного пространства.

Эта противоречивая картина может быть интерпретирована так: если и есть в сфере толерантности/интолерантности в Сибири некоторые особенности, то они и не врожденные, и не постоянные. Нет особой «хромосомы» в «генотипе» переселенческого общества, всё в нем **ситуативно и изменчиво**. Поэтому только постоянное желание общества и власти удерживать мигрантофобию в социально безопасных рамках и их способность воплощать это желание в действие будет определять основные параметры экономического, политического и культурного развития страны. Возможно — и само ее существование.

Список литературы

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

Баженова Е., Островский А. Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия: В 3 т. / Российский совет по международным делам; Под общ. ред. И. С. Иванова, отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1. Ч. 2. С. 18–192.

- Бляхер Л.Е.* Государство и несистемные сети «Желтороссии», или Занятие «пустого пространства» // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 1. С. 180–188.
- Бляхер Л.* Интересы региональных властей и местного сообщества в проведении миграционной политики (на примере Еврейской автономной области) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 340–353.
- Бляхер Л.* «Ненашенский» Дальний Восток, или Любое «далеко» к чему-нибудь «близко» // Отечественные записки. 2012. № 1. Доступно на: strana-oz.ru. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/nenashenskiy-dalniy-vostok-ili-lyuboe-dale-ko-k-chemu-nibud-blizko> (дата обращения: 20.11.2015).
- Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011.
- Гельбрас В.* Китайские мигранты в Москве // Миграция в России... Т. 1. Ч. 2. С. 129–144.
- Граев В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства иностранных дел В. В. Граеву / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912.
- Гузей Я.С.* От неприметных иностранцев до вражеских подданных: японские иммигранты в общественно-политическом дискурсе Российской империи конца XIX — начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5 (37). С. 80–85.
- Деягин М.* Некоторые современные аспекты миграционной политики // Миграция в России... Т. 1. Ч. 1. С. 430–441.
- Дятлов В.* «И тогда мама взяла обрез...». Самосуд и отношение к чужакам в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестник Евразии. 2008. № 4 (42). С. 142–176.
- Дятлов В.* Китайские мигранты на Востоке России: фактор и инструмент нацистроительства? // Трансграничные вызовы национальному государству / Автор проекта, науч. и лит. ред. С. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 191–209.
- Зайончковская Ж., Тюрюканова Е.* Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? // Миграция в России... Т. 1. Ч. 1. С. 51–77.
- Зайончковская Ж.* Перед лицом иммиграции // Миграция в России... Т. 1. Ч. 2. С. 117–128.
- Ивасита А.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ: Восток–Запад, 2006.
- География Сибири в начале XXI века: В 6 т. / Гл. ред. В.М. Плоснин. Т. 1. Историческая география. Новосибирск: Гео, 2014.
- Клеменц Д.* Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7. С. 35–36.

- Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
- Ларин В. Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2006.
- Матвеев Н.* Китайцы на Кариийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С. 29–43.
- Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012.
- Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия: В 3 т. / Российский совет по международным делам / Под общ. ред. И. С. Иванова, отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1–3.
- Нестерова Е. И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 2004.
- Облеухов Николай Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. Доступно на: dic.academic.ru. URL: http://black_hundred.academic.ru/263/ОБЛЕУХОВ_Николай_Дмитриевич (дата обращения: 24.11.2015).
- Петров А. И.* История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб.: ООО «Береста», 2003.
- Поляк Т. З.* Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004.
- Ремнёв А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX века: Монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004.
- Ремнёв А. В.* Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX века: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015.
- Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В.* Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994.
- Соловьев Вл.* Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 233.
- Соловьев В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // В. С. Соловьев. Сочинения: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.
- Сорокина Т. Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1999.
- Торопов С. Н.* Ухтубужье // COSTROMA.ru. URL: http://costroma.k156.ru/text/html/kos_zem/vup_4/toropov.htm (дата обращения: 24.11.2015).
- Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / Науч. ред. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2009.

- Ухтубужский П.* Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб., 1913.
- «Чайнатауны» в России. Специальная тема номера / Отв. ред. В. И. Дятлов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 3–58.
- Blue G.* Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity // *Journal of World History*. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 93–139.
- Siegelbaum L. H.* Another ‘Yellow Peril’: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol. 12. No. 2. P. 307–330.

Анатолий Соколов

ВЬЕТНАМЦЫ В РОССИИ: ИСТОРИЯ МИГРАЦИЙ И ДИАСПОРЫ

В статье рассматривается история миграций из Вьетнама в Россию с 1920-х гг. до настоящего времени. На основе различных документов и статистических данных по трудовой и учебной миграции из Вьетнама в СССР и Российскую Федерацию автор исследует особенности развития вьетнамской диаспоры в нашей стране на различных исторических этапах. Показана зависимость интенсивности миграционных потоков от характера политических и экономических отношений между двумя странами. Рассмотрены отличительные черты вьетнамской диаспоры применительно к сфере занятости, ее социальные и культурные особенности.

Ключевые слова: *миграция, вьетнамские иммигранты, «вьет киеу», вьетнамская диаспора, иммиграция в Россию, трудовые мигранты, учебная миграция.*

В современном мире миграция стала глобальной проблемой, она оказывает влияние на экономическое, социальное и демографическое развитие каждого государства. Особое место в этих процессах принадлежит Азии — региону с высоким уровнем рождаемости и значительным потенциалом транснациональной мобильности. Вьетнам — наглядный пример азиатской страны, население которой вовлечено в различные по целям виды миграции в экономически развитые государства: в настоящее время в мире насчитывается около 4 млн *вьет киеу* — вьетнамцев, проживающих за пределами своей исторической родины, и 80% из них обосновались именно в таких странах [Nguyễn Cảnh Toàn, 2013].

Миграция вьетнамцев в СССР осуществлялась по двум каналам: посредством отправки студентов на учебу и путем приема граждан СРВ на работу и профессиональное обучение. После распада Советского Союза наблюдается трудовая миграция вьетнамцев в Россию, напрямую связанная с политикой властей СРВ по экспорту рабочей

силы. Сегодня вьетнамцы составляют одну из наиболее крупных этнических диаспор в России. Фактор вьетнамских мигрантов имеет особое значение в современных условиях активизации восточноазиатского направления в российской внешней политике.

Индокитайские студенты

Первые вьетнамцы появились в нашей стране в начале 1920-х гг. Это были студенты вузов в системе Коминтерна — учащиеся Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), Международной Ленинской школы (МЛШ) и др. Через такую систему образования в Советской России прошло более 60 вьетнамцев, или, как их тогда называли, индокитайцев. Их учеба в СССР стала важным этапом в подготовке новой формации национальных политических деятелей Вьетнама, а после завоевания независимости этой французской колонией — в распространении советского опыта общественно-политического строительства. В коммунистических вузах прошли обучение действительно выдающиеся борцы за национальное освобождение: первый генеральный секретарь Компартии Индокитая Чан Фу, видные деятели партии Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай и др. Большой вклад в развитие общественных наук во Вьетнаме внесли Нгуен Кхань Тоан, ставший первым президентом национальной Академии наук — Комитета общественных наук, и патриарх вьетнамской исторической науки Чан Ван Зяу. Самым же знаменитым московским выпускником был Хо Ши Мин — первый президент независимого Вьетнама, с именем которого связаны многие страницы мировой истории XX в.⁸

Накануне Великой Отечественной войны в Советском Союзе осталась небольшая группа вьетнамцев (примерно 8–10 человек), учившихся раньше в КУТВе. Шестеро из них добровольно вступили в ряды Красной Армии, и почти все героически погибли в сражениях под Москвой в октябре 1941 — январе 1942 г. Они были посмертно удостоены советских правительственных наград. Некоторые из вьетнамцев были репрессированы, оказались в заключении и после освобождения вернулись на родину, а один остался в СССР, прожив здесь долгую жизнь [Соколов, 1998, с. 135–136].

⁸ Подробнее см.: [Соколов, 1998].

Первые массовые приезды вьетнамцев на учебу в СССР

После установления 30 января 1950 г. дипломатических отношений между СССР и ДРВ на учебу в Советский Союз снова стали направляться представители вьетнамской молодежи. Первая группа будущих студентов и стажеров-практикантов из этой далекой азиатской страны — всего 21 человек — прибыла осенью 1951 г., когда во Вьетнаме еще шла национально-освободительная война против французских колонизаторов. Высшее образование члены этой группы получили по таким специальностям, как химия, механика, металлургия, сельское хозяйство, юридические науки, архитектура. В сентябре 1953 г. приехала новая группа, уже из 49 человек. В различных советских вузах они осваивали специальности в областях электротехники, медицины, гидромелиорации, металлургии, сельского хозяйства [Экспонаты и документы... 2007].

После окончания войны в Индокитае и заключения Женевских соглашений в 1954 г. вьетнамские юноши и девушки стали приезжать на учебу в Советский Союз регулярно и в возрастающем количестве. Если во второй половине 1950-х гг. в СССР прошли обучение около 80 вьетнамских студентов, аспирантов и стажеров, то в первой половине 1960-х гг. — около 300 человек [Экспонаты и документы... 2007]. А начиная с 1967 г., когда уже шла война против американской агрессии, на учебу в СССР приезжает еще больше вьетнамцев. Это были наряду со студентами, аспирантами и стажерами гражданских научно-технических специальностей курсанты военных училищ и работники партийных и государственных органов.

Трудовая миграция

С середины 1950-х и до начала 1980-х гг. вьетнамцы приезжали в СССР в основном на учебу в вузах и техникумах. Со временем, однако, появился и второй канал пополнения вьетнамской общины в Советском Союзе — прием вьетнамских граждан одновременно на работу и профессиональное обучение. Это стало возможно после подписания в 1981 г. правительствами СССР и СРВ «Соглашения о направлении и приеме вьетнамских граждан на профессиональное обучение на предприятия и организации СССР» [Волох, 2007, с. 60]. Закрывая его, советская сторона решала две задачи, экономическую

и политическую: частично восполняла нехватку рабочей силы на промышленных предприятиях в некоторых регионах страны и через укрепление экономического сотрудничества и обучение в советских вузах вьетнамских студентов, многие из которых с годами стали частью административно-политической и научно-культурной элиты, еще больше вовлекала в сферу своего политического влияния социалистический Вьетнам. Вьетнамская сторона получала возможность готовить квалифицированные кадры и хотя бы отчасти снизить давление быстро растущего населения на национальную экономику.

Вьетнамцы заключали контракты длительностью в 4–6 лет на работу на определенном предприятии. Численность трудившихся в СССР вьетнамцев в разные годы составляла от 100 до 120 тыс. человек. С 1981 по 1991 г. они работали на 372 промышленных предприятиях в семи советских республиках, но преимущественно в РСФСР (83%), в основном в перерабатывающей, химической, текстильной промышленности и в строительстве. На отдельных предприятиях они составляли в тот период до 10–15% общей численности рабочих. Практически все они закончили во Вьетнаме среднюю школу, многие являлись передовиками производства. Согласно трудовому договору, они получали около 40% их заработка, остальное перечислялось во Вьетнам и шло на погашение государственного долга перед СССР [Шичкин, 2007, с. 227]. Фактически именно эти вьетнамские рабочие стали первыми гастарбайтерами в России.

Последние такие группы вьетнамцев прибыли в СССР в 1989 г., через пять лет их прием был полностью прекращен, а в начале 1996 г. закончился срок контрактов у последней группы вьетнамских рабочих, приехавших по соглашению 1981 г.

Постсоветский этап вьетнамской миграции

После распада СССР в декабре 1991 г. и коллапса российской экономики, в результате которого многие отечественные предприятия обанкротились, вьетнамские рабочие лишились заработной платы, социальных гарантий, жилья и даже возможности вернуться домой — в немалой степени из-за того, что российские предприятия не выполняли взятые на себя обязательства и не приобретали для них авиабилеты. Согласно официальной статистике, на родину вернулось 80,6 тыс. человек, 17,6 тысяч выехали вне рамок соглашения — возможно,

переехали в страны Европы, прежде всего в ГДР, Венгрию, Польшу, Чехословакию [Мазырин, 2004, с. 161], не вернулись на родину предположительно не менее 10 тыс. вьетнамцев.

И бывшие рабочие, и студенты, оставшиеся без стипендий из-за резкого сокращения государственного финансирования вузов, старались закрепиться в России и искали свою нишу в российской экономике. В начале 1990-х гг. они, освоив челночный бизнес, стали поставлять в Россию дефицитные товары широкого потребления из Вьетнама и других стран. Тогда образовывались «торговые дома» и «вьетнамские рынки», торговцами на которых в подавляющем большинстве являлись выходцы из Вьетнама. Именно с этого времени стала преобладать стихийная миграция вьетнамцев, и первое время она протекала без какого-либо контроля со стороны российских властей.

В «торговых домах» вьетнамцы жили и одновременно занимались бизнесом, постепенно создавая свои национальные общины. В те годы только в Москве насчитывалось 20 таких домов, как крупных, так и маленьких [Мазырин, 2004, с. 165]. Постепенно на их основе начали формироваться этнические анклавы по модели «общешитие — рынок» — своеобразной упрощенной аналогии «чайнатаунов». В них вьетнамские мигранты жили достаточно компактно и замкнуто, некоторые годами не покидали их пределы, многие плохо говорили по-русски или не говорили вообще, потому что в этом не было необходимости — в повседневной жизни, замкнутой на «торговом доме», им вполне хватало и родного языка. Здесь рождались их дети, формировалось новое поколение мигрантов. В те же годы началось расслоение диаспоры на своего рода страты или даже касты, прежде всего по признаку практикуемого вида деятельности.

В сентябре 1992 г., в новых геополитических условиях, сложившихся после распада СССР, между правительствами России и Вьетнама было подписано соглашение «О принципах направления и приема на работу на предприятиях, в объединениях и организациях Российской Федерации». В соответствии с ним, прием вьетнамских граждан для работы в России осуществлялся в порядке, предусмотренном российским законодательством для привлечения иностранной рабочей силы на основе контрактов/хозяйственных договоров, заключавшихся между российскими принимающими и направляющими предприятиями, объединениями, организациями и органами по труду провинций и городов Вьетнама. Этими документами

регулирулись численность, профессионально-квалификационный состав вьетнамских граждан и сроки их пребывания в РФ, которые в любом случае не должны были превышать три года. На работу принимались вьетнамские граждане в возрасте от 18 до 40 лет, а специалисты — не свыше 50 лет, имевшие необходимую профессиональную подготовку и годные по состоянию здоровья. Однако по причине частых изменений в структуре и организации соответствующих ведомств, а также нехватки средств российской стороной было принято по этому соглашению незначительное число вьетнамских рабочих, а с 1994 г. их приезд по официальной линии был вообще прекращен [Волох, 2007, с. 62].

В последнее десятилетие прошлого века в России начинают осуществляться экономические реформы, усилившие хозяйственную самостоятельность предприятий, расширившие сферу действия рыночных отношений. В такой ситуации резко возросла необходимость привлечения иностранной рабочей силы. С вьетнамской стороны рост численности мигрантов в Россию был напрямую связан с напряженной демографической ситуацией и довольно высоким уровнем безработицы. Главная мотивация вьетнамских трудовых мигрантов, едущих в Россию, — стремление попасть в более благоприятную, чем во Вьетнаме, социально-экономическую ситуацию: они считают, что здесь легче найти работу, легче заработать на жизнь. Кроме того, для части вьетнамских мигрантов РФ является трамплином для дальнейшей миграции — для незаконного проникновения, главным образом через российско-украинскую границу, в государства Евросоюза. Дополнительный значимый мотив выбора России — знание русского языка и опыт жизни в СССР.

Точной информации о вьетнамских мигрантах в России нет, статистика, предоставляемая ФМС и Росстатом, весьма относительна. Это объясняется многими причинами, в том числе нелегальным пребыванием значительной части мигрантов на территории РФ, их высокой мобильностью и, конечно, закрытостью самой общины.

По результатам всероссийской переписи 2002 г., вьетнамцев в России насчитывалось 26 206 человек (18 297 мужчин и 7909 женщин), они образовали семьдесят вторую по численности этническую группу в составе населения страны [Всероссийская перепись 2002... 2004]. В 2010 г., в ходе следующей Всероссийской переписи было учтено уже 42 тыс. вьетнамцев обоого пола [Всероссийская перепись 2010...

2011–2013]. Согласно информации ФМС, в 2006 г. на законном основании в нашей стране трудились 69,1 тыс. вьетнамцев, в 2010 — примерно столько же: около 70 тыс. [Власова, 2007, с. 58; Посол Вьетнама... 2010]. По данным той же ФМС, общая численность вьетнамцев, находившихся на 4 октября 2015 г. на территории России, составляла 49 267 человек, из них мужчин насчитывалось 31 726 человек и женщин — 17 541 человек⁹. Это трудовые мигранты, служащие государственных и частных фирм, студенты, аспиранты, стажеры гражданских и военных вузов, а также сотрудники дипломатических представительств [Чесноков, 2009, с. 44–45].

В России подавляющее большинство вьетнамцев имеют статус временно проживающих иностранцев, лишь отдельные лица получили российское гражданство или вид на жительство. Оценочно, до 4/5 вьетнамских мигрантов приезжали в Россию на срок более десяти месяцев; напротив, до четырех месяцев и менее находились в России лишь 5% вьетнамцев [Вьетнамцы в России... Вып. 10]. По городам России вьетнамские общины распределялись в 2006 г., в порядке численности, так: крупнейшая была в Москве, вторая по величине — в Екатеринбурге, далее следовали общины в Казани, Волгограде, Краснодаре, Пятигорске, Уфе, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Воронеже, Самаре, Челябинске и в других городах.

С начала нынешнего столетия Вьетнам входит в десятку стран — основных поставщиков рабочей силы в Россию, уступая в этом плане только бывшим советским республикам, Китаю и Турции. Так, в 2007 г. по объемам привлечения иностранных граждан в Россию Вьетнам находился на восьмом месте среди всех государств-доноров, а среди таких государств дальнего зарубежья — на третьем [Власова, 2007, с. 58–59].

Постсоветская миграция: штрихи к портрету

Согласно публикациям вьетнамских СМИ, подавляющее большинство (до 4/5) проживающих в России вьетнамцев — выходцы из Северного и Центрального Вьетнама, оставшаяся часть — из Южного. Также около 80% вьетнамцев-мигрантов занято в торговле на рынках. Остальные трудятся в других сферах, например в швейных

⁹ Подсчитано по: [Иностранные граждане... 2015].

мастерских — как в легально работающих при некоторых торговых центрах, так и в нелегальных. Заняты они и на строительных работах (главным образом как каменщики), в изготовлении мебели (например, в Уфе и Воронеже). Последние годы возрастает доля вьетнамцев, работающих в сфере услуг: это туризм, делопроизводство, переводы с иностранных языков, услуги по оформлению таможенных документов при приеме товара, сделки с недвижимостью, медицинское обслуживание, ресторанная и культурно-развлекательная деятельность [Власова, 2007, с. 59]. Конечно, следует назвать и успешную вьетнамскую компанию «Роллтон», выпускающую продукты питания, в том числе знаменитую одноименную лапшу. Помимо Подмосковья, товары с этой торговой маркой производятся и в Челябинске.

По утверждениям вьетнамских информантов, до 80% вьетнамских мигрантов в России имеют разрешение на работу. Трудоустройством их занимаются вьетнамские же компании, причем не только во Вьетнаме, но и в России, где они работают как по письменному договору, так и по устной договоренности с работодателями [Власова, 2007, с. 59].

Приехавшие ранее вьетнамцы материально и организационно помогают на первых порах вновь прибывшим знакомым, родственникам, землякам. При возникновении различных проблем, прежде всего правового характера, многие граждане Вьетнама обращаются за помощью к землякам — авторитетным вьетнамцам, которые зарекомендовали себя как лидеры общины. Чтобы легально работать на рынке, нужно иметь место на нем, правовой статус, правильно оформленные документы. Этим непосредственно и занимается группа лидеров: у них есть необходимые знания и связи, а также торговые места, которые они могут передать своим будущим «работникам» [Салина, 2007, с. 177].

Стабильную часть вьетнамских мигрантов в России составляют студенты высших учебных заведений. В СССР с 1951 г. и до его распада получили высшее, среднее и специальное, преимущественно техническое, образование около 30 тыс. граждан Вьетнама. За последующие 15 лет российские вузы окончили еще свыше 20 тыс. вьетнамцев. Кроме того, 2 тыс. вьетнамских граждан стали в СССР/России кандидатами, а 200 — докторами наук [Арефьев, 2007, с. 45]. В настоящее время в России обучается более 1200 студентов из Вьетнама по государственной линии и более 4 тыс. — на условиях контракта, из них

наибольшая часть (40 %) — по программам дипломированных специалистов [Арефьев, 2007, с. 45]. Предпочтение они отдают инженерно-техническим специальностям. Количество вьетнамских студентов могло бы быть больше, но их родителей беспокоит ситуация с безопасностью в России [Посол Вьетнама в РФ... 2010].

Вьетнамские общины в России отличаются высокой степенью социально-культурной обособленности, поддерживают устойчивые связи с этнической родиной, обладают четко выстроенной иерархической структурой. Большинство их членов, как и в 1990-х гг., живут изолированно, плохо владеют русским языком, не стремятся получить российское гражданство. Такая ситуация, с одной стороны, — производная от установки на временное пребывание в России, с другой — закрепляет в сознании вьетнамских мигрантов эту самую установку. Соответственно, главная задача в их представлении — выжить в новых условиях, заработать денег и вернуться домой [Петров, Донцова, Нгун Тханх Хоай, 2007, с. 141; Тюрина, 2009, с. 264, 272–273].

Подавляющее большинство вьетнамских мигрантов представлено лицами в наиболее трудоспособном возрасте — от 17 до 40 лет. Основную часть составляют одинокие мужчины, лишь 20–30 % вьетнамцев живут с семьями. До недавнего времени вьетнамская трудовая миграция носила выраженно «мужской» характер, так, в 2002 г. на долю сильного пола приходилось до 70 % мигрантов [Тюрина, 2009, с. 267]. Однако статистика ФМС показывает, что доля женщин среди всех вьетнамцев в России постепенно растет: в 2015 г. она поднялась до 36 %, и среди них преобладают молодые женщины [Сведения в отношении... 2015]. Возможно, это проявление общей тенденции последних лет в трудовой миграции в Россию; так, всё чаще стали приезжать молодые незамужние женщины из бывших советских республик Средней Азии¹⁰.

Основная часть вьетнамских мигрантов имеет образование на уровне средней школы. Раньше немалую часть диаспоры составляли вьетнамцы с высшим образованием, даже кандидаты наук, сейчас доля таковых существенно сократилась [Тюрина, 2009, с. 269; Мазырин, 2004, с. 166].

В России выходят газеты на вьетнамском языке, которые выпускают небольшие частные компании, их тираж — до 700 экземпляров.

¹⁰ См. в этой связи статью Д. Полетаева в настоящем сборнике.

Издаются они в Москве, Уфе и Краснодаре. Имеются также Интернет-журналы как массового, универсального назначения, например преимущественно новостной по содержанию журнал, выпускаемый компанией «Золотой дракон» [Mekong News], так и специализированные, адресованные определенным категориям пользователей, например вьетнамским студентам в России [Diễn đàn Nước Nga trong tôi]. И практически все вьетнамские семьи смотрят вьетнамский телеканал VTV-4, который предназначен для соотечественников, находящихся за рубежом.

Культурная жизнь российских вьетнамцев в основном сводится к концертам музыкальных и художественных коллективов — как профессиональных, обычно приезжающих из Вьетнама, так и самодеятельных — из числа находящихся в России вьетнамцев. В последние годы особую популярность приобретают местные конкурсы красоты, в которых участвуют вьетнамские девушки, проживающие в России [Trường Họ Phương Nga, 2014].

Вьетнамцы любят спорт и с удовольствием участвуют в различных состязаниях по настольному теннису, футболу и баскетболу. В Москве и других городах России открыты секции национальной борьбы *во нят нам* (*võ nhất nam*), в них занимаются и многие российские юноши и девушки.

Вьетнамцы стараются отмечать свои национальные праздники, и самым главным для них является *Тэт* — Новый год по лунному календарю. Накануне его те, кому позволяют материальные возможности, уезжают во Вьетнам, чтобы навестить родных. Остальные встречают этот праздник на чужбине, стараясь по возможности воспроизвести все его атрибуты в российских условиях. Вьетнамцы отмечают и европейский Новый год, но ограниченно.

Заключение

Сегодня определенно можно признать, что в России существует довольно многочисленная вьетнамская диаспора, разбросанная по многим городам и регионам нашей страны. Вьетнамские мигранты сформировали ее из своих разрозненных общин, преодолев немалые трудности и испытания, связанные с климатическими условиями, экономической нестабильностью, чиновничьей волокитой, произволом правоохранительных органов, продемонстрировав тем самым

недюжинную жизнестойкость. По свидетельству специалистов, среди факторов, способствовавших притоку и закреплению вьетнамцев в России, следует в первую очередь назвать их непритязательность, настойчивость, целеустремленность, находчивость и высокую степень адаптации к любой среде [Тюрина, 2009, с. 265].

По своему правовому статусу вьетнамская диаспора является таковой де-факто. В силу действующих в нашей стране законов вьетнамцам чрезвычайно трудно получить российское гражданство, тогда как в Чехии, Германии, Польше им достаточно прожить определенное количество лет, чтобы претендовать на получение гражданства этих стран [Мазырин, 2004, с. 164]. По данным информантов, сегодня лишь несколько более четырехсот вьетнамцев имеют гражданство РФ, в подавляющем большинстве полученное в результате заключения брака с российскими гражданами, в основном женщинами. Как видим, браки эти не носят массового характера, и среди них есть примеры фиктивных браков ради возможности получения регистрации, вида на жительство и гражданства. Вид на жительство имеют тоже немногие вьетнамцы. Как правило, это те, кто имеет свои фирмы и собственное жилье. Как следствие, вьетнамцы не чувствуют стабильности своего пребывания в России, не видят долгосрочных перспектив нахождения здесь. И уехать они могут в любой момент, поскольку сохраняют вьетнамское гражданство или право его восстановить.

Всё же, прожив долгое время в России и оказавшись перед выбором — вернуться во Вьетнам или остаться здесь, немало вьетнамцев выбирают Россию. Более того, сейчас наблюдается возвращение в Россию вьетнамцев, покинувших нашу страну несколько лет назад. Такое решение они, как правило, мотивируют следующими обстоятельствами [Соколов, 2011, с. 238]:

1. Вьетнам — страна по размерам небольшая, людей же в ней, напротив, много. Поэтому работы во Вьетнаме мало, а в России всегда есть шанс трудоустроиться.

2. Многие вьетнамцы живут здесь с советских времен, привыкли и к климату, и к стране, и к людям.

3. За годы жизни в России сложились отношения и связи с гражданами России, в первую очередь семейные: официально зарегистрированные или гражданские браки, в том числе браки родителей, детей, сестер/братьев и других родственников.

4. Часть вьетнамцев владеет в России недвижимостью, как правило, небольшой квартирой, в которой живут с многочисленными родственниками.

5. Пожилые люди не уезжают, чтобы не лишиться медицинского обслуживания и социальных условий, которые во Вьетнаме существенно ниже.

Подытоживая, стоит повторить, что вьетнамская миграция в Российской Федерации носит преимущественно трудовой характер, и большинство вьетнамцев рассматривает свое пребывание здесь как временное, как своего рода рабочую командировку. Очевидно, что Россия в будущем не сможет обойтись без мигрантов. А вот останутся ли в ней вьетнамцы и, если останутся, то в каком количестве и качестве — в первую очередь зависит от того, будут ли миграционные правовые нормы в Российской Федерации приведены в соответствие с реальной миграционной ситуацией.

Список литературы

- Арефьев А.Л.* Обучение вьетнамских граждан в российских вузах // Миграция между Россией и Вьетнамом: история, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 29 ноября 2007 г.) / Под ред. С. В. Рязанцева. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 33–39.
- Власова Н.И.* Трудовая деятельность граждан СРВ в России // Миграция между Россией и Вьетнамом... С. 58–59.
- Волох В.А.* Исторический опыт Российской Федерации в привлечении и использовании вьетнамской рабочей силы // Миграция между Россией и Вьетнамом... С. 60–65.
- Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4. Национальный состав, владение языками, гражданство. [2004] // www.perepis2002.ru. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 18.11.2015).
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав, владение языками, гражданство. [2011] // www.gks.ru. Вьетнамцы в России // АНКО: Журнал. Вып. 10. URL: <http://www.an-tat.ru/ob-assamblee/library-assembly/magazine-anko/2331/2576/> (дата обращения: 19.11.2015).
- Иностранцы в Российской Федерации на 4 октября 2015 года // Добрососедство. URL: http://www.dobro-sosedstvo.ru/dobro/ru/etc/o_51286 (дата обращения: 19.11.2015).
- Мазырин В.М.* Вьетнамцы в России: образ жизни, проблемы, перспективы // Индокитай: тенденции развития / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова,

- В. А. Дольникова / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Гуманитарий, 2004. С. 159–179.
- Петров В. Н., Донцова М. В., Нгуен Тханх Хой.* Особенности социальной адаптации трудовых мигрантов из Вьетнама в принимающем обществе // Миграция между Россией и Вьетнамом... С. 141–150.
- Посол Вьетнама в России Буй Динь Зинь: «Я нигде не сталкивался с такими процедурами, как в России» // Новые известия. 2010. 14.12. URL: <http://www.newizv.ru/politics/2010-12-14/138020-posol-vietnama-v-rf-buj-din-zin.html> (дата обращения: 18.11.2015).
- Салина И. П.* Вьетнамская диаспора на Южном Урале // Миграция между Россией и Вьетнамом... С. 175–178.
- Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 5 ноября 2015 г.) // Федеральная миграционная служба. Статистика. URL: http://www.fms.gov.ru/fms/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazh/item/5850/ (дата обращения: 19.11.2015).
- Соколов А.* Вьетнамцы в России: история, культура, интеграция // Диаспоры. 2011. № 1. С. 219–244.
- Соколов А. А.* Коминтерн и Вьетнам. Подготовка вьетнамских политических кадров в коммунистических вузах СССР. 20–30-е годы. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998.
- Тюршина И. О.* Вьетнамские мигранты на московском рынке: социальные характеристики и проблемы адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 8 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2009.
- Чесноков А. С.* Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского федерального университета. 2009. Сер. 3. Философия политики и политология. С. 40–46.
- Шичкин И. А.* Опыт привлечения трудовых мигрантов из Вьетнама в Россию // Миграция между Россией и Вьетнамом... С. 226–229.
- Экспонаты и документы историко-документальной выставки «Советско-вьетнамское сотрудничество. 1950–1990 гг.» // Архивы России. Летопись событий. URL: <http://rusarchives.ru/events/exhibitions/vietnam1/23.shtml> (дата обращения: 30.11.2007).
- Diễn đàn Nước Nga trong tôi (Форум/Трибуна: Россия во мне/Россия со мной). URL: www.diendan.nuocnga.net (last visited on 12.02.2016).
- Mekong.news. URL: <http://www.mekongnet.ru>, (last visited on 12.02.2016).
- Nghi quyết số / NQ-TW ngày 26/3/2004 của Bộ Chính trị về công tác đối với người Việt Nam ở nước ngoài (Постановление № 36 от 26.03.2004 Политбюро ЦК КПВ о работе среди соотечественников, проживающих в зарубежных странах) // www.mofa.gov.vn. URL: www.quehuongonline.vn/van-kien-nghi-quyet-so-36-cua-bo-chinh-tri-ve-cong-tac-doi-voi-nguoi-Viet-Nam-o-nuoc-ngoai-6493.htm (last visited on 24.08.2010).

- Nguyễn Cảnh Toàn*. Bước đầu nghiên cứu công đồng Việt Năm ở nước ngoài // Tập chí khoa học xã hội. 2013. Số 1. Trang 45–51 (*Нгуен Кань Тоан*. К изучению вьетнамских общин за рубежом // Общественные науки. 2013. № 1. С. 45–51).
- Trần Trọng Đăng Dân*. Người Việt Năm ở nước ngoài. Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị quốc gia, 1997 (*Чан Чонг Данг Дан*. Зарубежные вьетнамцы. Ханой: Тинь чи куок зя, 1997).
- Trường Họ Phương Nga — hoa hậu Việt Năm tại Nga (Чьонг Хо Фьонг Нга — вьетнамская королева красоты в России) // www.vietbao.vn. URL: Nguoi-Viet-bon-phuong/Truong-Ho-Phuong-Nga-hoa-hau-Viet-Nam-tai-Nga/40096794/283 (last visited on 12.09.2014).

И ЗДЕСЬ, И ТАМ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЮ¹

В статье рассматривается возможность использования концепции транснационализма в изучении современной миграции из Центральной Азии в Россию. Автор перенаправляет исследовательский фокус со стратегий интеграции и адаптации в принимающей стране на стратегии поддержания транснациональных связей со странами выезда. В частности, речь идет о периодичности поездок из Центральной Азии в Россию и обратно, о роли семьи-домохозяйства в жизни мигрантов, их представлениях о «родном доме» и о «возвращении», о разнообразных способах коммуникации между мигрантами и оставшимися на родине близкими и о трансфере денег, образов, подарков между ними. Центральноазиатские мигранты сохраняют весьма разнообразные регулярные и интенсивные отношения со странами исхода, риторика «возвращения» остается у них преобладающей.

Ключевые слова: миграция, транснационализм, трансмигранты, денежные переводы, мобильность, Центральная Азия.

Каковы стратегии трансграничных мигрантов? Остаться в стране, в которую они приехали? Вернуться рано или поздно домой — туда, откуда они уехали? Жить между двумя странами, периодически перемещаясь между ними? Путешествовать в поисках «своего» места из одной страны в другую? Очевидно, однозначного ответа нет. Мигранты имеют разные планы и могут не один раз менять их. Ситуации в различных регионах мира и в разные периоды истории тоже

¹ Статья написана по материалам исследования в рамках проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Проект финансируется Российским научным фондом (грант № 14-18-02149). В рамках исследования с 2014 г. проводятся периодические интервью с мигрантами в Москве и Санкт-Петербурге и с их родственниками, живущими в государствах Центральной Азии. Всего в проекте участвует 30 семей, члены которых живут в странах исхода и приема.

различаются, имеется множество факторов, влияющих на миграционные решения. По-видимому, нет одной-единственной концепции, которая могла бы исчерпывающе объяснить причины и последствия массового перемещения большого количества людей между странами и внутри стран. Для каждого случая, каждой ситуации нужно подбирать и строить свою собственную модель, не забывая корректировать ее с учетом меняющихся обстоятельств.

Выбор объяснительной модели зависит также от интересов и задач самого исследователя. Рассуждает ли он, исходя из контекста принимающей страны или из контекста страны исхода? В первом случае акцент будет на том, как приезжие включаются в новую для себя жизнь, во втором — на том, что происходит с обществом, откуда люди уезжают и куда потом возвращаются. Чтобы избежать однобокого взгляда, следует, видимо, совместить эти две точки зрения и посмотреть, что происходит в пространстве по обе стороны границы, каким образом ситуации «здесь» и «там» воздействуют друг на друга.

В начале 1990-х гг. антропологи, изучавшие миграции из Южной Америки и Филиппин в США, предложили для анализа миграций концепцию транснационализма. Одно из определений понятия «транснационализм», принадлежащее Н. Глик Шиллер и ее коллегам, звучало так [Basch, Glick Schiller, Blanc-Szanton, 1994, p. 8]: «Мы определяем “транснационализм” как процесс, с помощью которого иммигрант создает и сохраняет многообразные социальные отношения, связывающие общества происхождения и [нынешнего] поселения. Мы называем этот процесс транснационализмом, чтобы подчеркнуть: многие иммигранты строят сегодня социальное поле, которое пересекает географические, культурные и политические границы. Иммигрантов, развивающих и поддерживающих множественные связи — семейные, экономические, организационные, религиозные и политические, — которые перекрывают границы, мы называем “трансмигрантами”. Основной элемент транснационализма — это множество способов вовлечения, которые трансмигрант сохраняет одновременно дома и в обществах приезда».

У такого подхода есть некоторые аналитические плюсы. Он позволяет более пристально взглянуть на субъектность самого мигранта, на разные жизненные контексты, в которых тот существует и от которых зависит. Это, в частности, дает возможность увидеть противоречивый и изменчивый характер интересов людей, различить

множество факторов, которые на людей влияют, что, в свою очередь, позволяет анализировать миграцию как процесс, более разнообразный и более открытый для разнонаправленных изменений. Благодаря этим плюсам концепция транснационализма быстро завоевала большую популярность в миграционных исследованиях в самых разных регионах мира, предоставив более гибкий словарь и открыв новые темы и вопросы.

В данной статье я хочу привести ряд соображений, почему концепция транснационализма заслуживает внимания в качестве модели изучения трудовой иностранной миграции в Россию². Эта статья не ставит своей целью исследование конкретной группы или конкретных событий. Я лишь намерен, используя пример миграции из Центральной Азии, привлечь внимание к уже известным фактам и указать на некоторые особенности этого явления, остающиеся вне осмысления и дискуссии. Я постараюсь перенаправить исследовательский фокус со стратегий интеграции и адаптации в принимающей стране, о которых много говорится в России³, на стратегии поддержания транснациональных связей. Речь пойдет, в частности, о периодичности поездок из Центральной Азии в Россию, о роли семьи-домохозяйства в мигрантской жизни, представлениях мигрантов о «родном доме» и «возвращении», о разнообразных способах коммуникации между мигрантами и их оставшимися на родине близкими и о трансфере денег, образов, подарков между ними.

Остаться в России или вернуться «домой»?

Летом 2014 г. в России одновременно находились около 4,3 млн граждан Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана⁴. Это были пиковые показатели за всю историю трудовой миграции в Россию из Центральной Азии. Какие планы были у этих людей связаны с Россией?

² В историографии уже есть примеры использования концепции транснационализма применительно к постсоветскому пространству. См., напр.: [Зотова, 2012; Rahmonova-Schwarz, 2012].

³ См., например, из последних работ: [Мукомель, 2013; Варшавер, Рочева, Кочкин, Кулдина, 2014; Выхованец, Прохорова и др., 2014; Малахов. 2015].

⁴ Цифры о числе иностранных граждан, которые находятся на территории России, публикуются на сайте ФМС России: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data>. К сожалению, для постоянного использования сохраняются только текущие данные.

Большинство, как известно, приехали работать. Это краткосрочные планы, а долгосрочные? Можем ли мы сказать однозначно, что значительная часть этих мигрантов собирается остаться в России навсегда? Здесь возникает ряд сложностей с сопоставлением и интерпретацией имеющихся данных.

Приведу два крайних примера. По данным проведенного в 2011 г. в восьми регионах России опроса, охватившего 8,5 тыс. респондентов из разных стран СНГ, остаться в России хотели бы около 27% мигрантов [Мукомель, 2012, с. 254]. Правда, в опубликованном виде это исследование не различает выходцев из Центральной Азии и мигрантов из других стран, хотя, как кажется, важно было бы увидеть региональную и культурную специфику. В опросе же, который провели социологи Е. Варшавер, А. Рочева, Е. Кочкина, Е. Кулдина, изучавшие в 2013 г. кыргызов в Москве (350 респондентов), картина иная: доля тех, кто «собирается остаться в России», на порядок меньше, чем в предыдущем примере, — до 3% [Варшавер, Рочева, Кочкин, Кулдина, 2014, с. 32]. В данном случае мы имеем специфическую группу этнических кыргызов, живущих в Москве, и результаты говорят об ее особой миграционной стратегии; но я не стал бы объяснять такое радикальное различие в ответах годом, местом или целевой группой опроса. На мой взгляд, это расхождение говорит не только об отличиях в каких-то «объективных» обстоятельствах, которые следовало бы выявить, но и указывает на «субъективную» пластичность сознания мигрантов, которые не имеют однозначных и раз и навсегда сформированных планов и представлений о своем будущем.

Прежде всего, возникает сомнение, является ли ответ на прямой вопрос опросной анкеты готовым решением, которое будет обязательно реализовано? Очевидно, что в зависимости от множества факторов конкретный человек может, во-первых, иметь несколько сценариев своего поведения, актуализируя в определенной ситуации и в обусловленном этой ситуацией нарративе лишь один из них. Во-вторых, он может вносить коррективы и менять сами эти сценарии, исходя из множества привходящих обстоятельств. Это относится и к тем, кто собирается, согласно анкетным опросам, «остаться в России», и к тем, кто вроде бы не собирается. Подробные интервью показывают, что часто мигрант скорее находится в нескончаемых поисках оптимального выбора, постоянно корректируя свои планы, чем последовательно придерживается однажды сделанного выбора.

Когда он говорит, например, о желании «остаться в России», то нередко имеет в виду не полный разрыв со страной исхода, а какой-то новый способ отношений с ней. И напротив, не артикулируя стремление жить в России постоянно, мигранты могут быстро сменить свою стратегию.

Кроме того, опрос фиксирует единоличные ответы людей, тогда как решение остаться или вернуться вырабатывается чаще всего в диалоге мигранта со своими близкими. Зависит оно и от нормативных требований, определяющих, как должно себя вести с точки зрения сообществ, к которым мигранты принадлежат. Хочу, в частности, обратить внимание на половозрастную структуру миграции. По данным ФМС, почти 50% всех находившихся в 2014 г. в России иностранных граждан из Центральной Азии были молодыми людьми в возрасте от 18 до 29 лет. Причем, судя по статистике, в подавляющем большинстве своем это были мужчины: на девять мужчин-мигрантов из Таджикистана и Узбекистана приходилась всего одна женщина-мигрант, и одна на двух — среди мигрантов из Кыргызстана. Еще примерно 20% мигрантов были в возрасте от 30 до 39 лет, но в этой группе соотношение женщин и мужчин поднимается до одной к шести у мигрантов из Узбекистана и Таджикистана и до двух к трем — у мигрантов из Кыргызстана. Иными словами, подавляющее число приезжих из этих стран — молодые мужчины, чьи родители, молодые жены и маленькие дети остались «дома». Этот факт говорит о том, что выбор миграционной стратегии находится в сильной зависимости от семейных обстоятельств, складывающихся «дома», и от тех продолжающих жить в Центральной Азии родственников и знакомых, которых проводимые в России опросы не захватывают.

Циркулярная миграция

Массовая миграция из Центральной Азии в Россию вписана в самые разнообразные планы, которые в полном виде реализуются именно «дома», а не в стране приезда. Для молодежи из Узбекистана, со слов 21-летнего Ш., осенью 2014 г. работавшего поваром в Москве, эти планы выглядели примерно так:

Ш.: Одна мысль — заработать, свадьба, машину купить. И всё — там остаться... Я знаю уже многих, которые заработали, провели свадьбу и там остались.

Интервьюер (далее И.): *И не возвращаются?*

Ш.: *Да.*

И.: *Много таких?*

Ш.: *Много. У нас в городе почти все пацаны так и делают.*

И.: *Ну и после того, как машину купили, дом построили, уже не вернутся?*

Ш.: *Да, не вернутся.*

И.: *А там можно работать?*

Ш.: *Да, конечно. Если у человека есть дом, машина — зарплаты хватит.*

И.: *Но если сын родился — нужно обрезание сделать? Потом, если дочь подросла — нужно приданое собирать?*

Ш.: *Может, через год или некоторое время можно и вернуться. Но ближайшее время они там находятся.*

Эта повторяющаяся почти во всех рассказах модель миграции предполагает периодические поездки между принимающей страной и страной отъезда. Что по этому поводу говорят социологи, занимающиеся массовыми опросами?

Тот же Мукомель различает мигрантов трех «схваченных» одномоментным исследованием категорий: а) постоянных — тех, кто «практически не покидает территорию России, за исключением редких выездов на родину», б) циркулярных — «периодически въезжающих и покидающих территорию России» (сюда входят и сезонные мигранты), в) впервые приехавших в Россию. К первой группе были отнесены 40,8% опрошенных, ко второй — 38%, к третьей — 21,2%. Кроме того, ученый допускает, что 8–9% циркулярных мигрантов были недоучтены как раз из-за отъезда в момент опроса [Мукомель, 2012, с. 239–240, 241, прим. 8]. Если считать, что вновь приехавшие со временем тоже разделятся между первыми двумя группами, то выходит, что минимум половина мигрантов раз в год совершает переезд из России «домой» и обратно.

Учитывая же, что к постоянным мигрантам отнесены лишь те, кто не выезжал из России в течение года, к группе циркулярных мигрантов надо добавить и тех, кто ездит домой реже — раз в полтора-два и даже в три года. Длительные наблюдения и детальные интервью показывают большое разнообразие в продолжительности пребывания в России и в периодичности выездов-приездов, но при этом практически все мигранты время от времени выезжают туда, где у них остаются

дома и близкие родственники. Это правило касается, пусть с некоторыми вариациями, и семейных мигрантов, и мигрантов с постоянной работой, и даже тех выходцев из Центральной Азии, которые сумели получить российское гражданство⁵. Причем перерывы между поездками тоже могут быть очень разными — от нескольких месяцев до нескольких лет.

Чтобы определить, идет ли речь в каждом конкретном случае о циркулярной миграции, надо, видимо, основываться не только на данных о продолжительности пребывания по ту или иную сторону государственной границы (хотя это важный показатель), но и на представлениях мигранта о «доме» и готовности к «возвращению». Центральная Азия в мигрантских нарративах по-прежнему занимает ключевое место «родины» и «дома», с которым приезжие связаны не только своим происхождением, но и всеми своими повседневными заботами и отношениями, планами и мечтами. Идея возвращения, пусть «потом» и «когда-нибудь», центрирует весь смысл мигрантского нарратива, объясняет, почему мигрант готов испытывать трудности и унижения и какие бонусы и цели ждут его в результате. К «возвращению» привязаны все практики и стратегии. Так, жилище мигранта в России, где он какую-то часть своей жизни находится чаще и дольше, как правило, остается не приватным — открытым для публичного просмотра и контроля, минимально обжитым постоянными вещами и привязанностями. Тогда как оставленный в стране исхода дом или дом, который там планируется построить или купить, обладает большой эмоциональной ценностью, в него вкладываются средства, полученные в миграции, вокруг него выстраиваются социальные обязательства и ожидания [Бредникова, Ткач, 2010]. «Дом», который строит или перестраивает мигрант на «родине», притягивает обратно как конечная, пусть воображаемая, точка путешествия⁶.

Замечу, что сама идея окончательного возвращения не оторвана от действительности [Абашин, 2015]. Мы можем наблюдать достаточно существенную возвратную миграцию: при достижении поставленных целей или, наоборот, из-за преследующих неудач, болезни,

⁵ Своеобразным видом циркулярных поездок являются приезды родственников мигрантов в Россию «погостить».

⁶ Своеобразной практикой возвращения является обязательное перемещение на «родину» тела умершего мигранта, во что вкладываются серьезные средства и усилия членов тех сетей, к которым он принадлежал.

возраста, разного рода семейных обстоятельств (например, смерти одного из родителей и необходимости ухаживать за вторым), из-за депортации и последующего запрета на въезд. В одних случаях такой возврат — окончательный, в других — существует вероятность, что при определенных условиях человек вернется к миграционным поездкам. Особенность транснационализма заключается как раз в том, что идея «возвращения домой» уживается с идеей «возвращения» в миграцию. Вот пример этого двойного «возвращения» в рассказе 38-летнего строителя Б. из Таджикистана:

И.: Вы говорите, что чаще всего уезжаете домой на три-четыре месяца, на пять. Было такое, что Вы на дольше домой уезжали? На год, на два, на три?

Б.: Да.

И.: Когда это было?

Б.: Два года дома был. Четыре года назад был. Вот так.

И.: То есть вы уехали в 2010 году? И вернулись в Москву в 2012?

Б.: Нет.

И.: А как?

Б.: Раньше был. В 2008... и 2010-й.

И.: Вернулись?

Б.: Да.

И.: Почему так получилось, что на два года уехали?

Б.: У нас тоже есть работа, кто хочешь работать, у нас всё есть. Сейчас, если по-честному, когда ребята были здесь, как это объяснить, — тянет сюда что-то: поезжай опять в Москву. Вот так у нас сейчас.

Выражения «если по-честному» и «тянет что-то», когда речь идет о возвращении в Россию уже после «возвращения домой», показывают, что в транснациональной миграции движение «туда» и «обратно» обретает некоторое равновесие. Возвращение в Россию может также принять вид периодической ротации мигрантов, когда одни из них, съездившие первыми, остаются дома, а их заменяют дети или младшие родственники⁷.

⁷ Особый тип нарратива мигрантов — планы не столько «вернуться домой», сколько уехать в третьи страны в поисках то ли новых благ и нового опыта, то ли новой «родины». Причем мигранты могут менять страны пребывания, уезжая, например, из России в Казахстан, Южную Корею, Турцию и страны Персидского залива, и число таких людей, как и выбираемых ими мест постепенно увеличивается.

Денежные переводы

Транснациональные связи не сводятся к движению «туда и обратно» самих мигрантов. Эти связи поддерживаются также денежными трансферами.

В переводе трудовыми мигрантами части заработанных в России денег «домой» заключается главный смысл, как они его формулируют сами, их пребывания в состоянии миграции. Именно возможность получать более высокие заработки и максимальную их часть отсылать домой является для мигрантов той привлекательной целью, которая их манит в путь и заставляет менять привычный образ жизни. На максимизацию этих доходов направлены основные миграционные стратегии в стране приема — от поиска самой работы до съема жилья, питания, затрат на досуг и транспорт.

Официальная статистика ЦБ переводов физических лиц показывает быстрый рост (с 2011 по 2013 г. — почти на 1/3) трансферов из России в Центральную Азию, что связано с увеличением и числа самих мигрантов, и их заработков. В Кыргызстан в 2013 г. было переведено 2,1 млрд долларов США, в Таджикистан — 4,2 млрд, в Узбекистан — 6,7 млрд⁸. Быстрый рост мигрантских доходов был прямым стимулом для многих других жителей этих стран решиться искать работу в России и оставаться в ней как можно дольше. Однако этот фактор — флуктуационный и обратимый. В случае уменьшения заработков, как это произошло в 2008–2009 гг. и на рубеже 2014–2015 гг. вследствие девальвации рубля, немалое количество мигрантов предпочитают вернуться на родину, а многие потенциальные мигранты отказываются от поездки за рубеж. Данные ФМС за 2015 г. показывают уменьшение по сравнению с 2014 г. живущих в России граждан Таджикистана и Узбекистана соответственно на 16 и 23%. Число граждан Кыргызстана в России в начале 2015 г. уменьшилось почти на 7%, но во второй половине года, после вступления Кыргызстана в Евразийский экономический союз, восстановилось до прежнего уровня и превзошло его.

Интересно, что вместе с ростом перечислений из России в страны Центральной Азии происходил рост и обратных переводов. По их

⁸ См.: [Трансграничные операции... 2013]. В 2014 г. сумма переводов уменьшилась из-за кризиса.

суммарной величине такие переводы были равны в 2013 г. шестой части переводов в Кыргызстан, седьмой — в Таджикистан и одиннадцатой — в Узбекистан [Трансграничные операции... 2013]. В значительной мере это, видимо, неформальные торговые контракты. Но отчасти это и средства, направлявшиеся с целью помочь мигрантам открыть бизнес, купить жилье, получить образование или медицинские услуги, покрыть официальные и неофициальные расходы на получение разного рода разрешений, начальную оплату связи и транспорта, первые взносы на жилье и т. д. В любом случае мы можем говорить, что часть заработанного мигранты тратят непосредственно в самой России, и возникает даже своя особая инфраструктура и культура мигрантского потребления, которая учитывает вкусы и привычки приезжих, а также их стремление к экономии. Особенно бросается в глаза, например, как в последние годы широко распространяется центральноазиатский общепит с этническими, региональными или мусульманскими (халяль) брендами. Кроме мигрантских кафе возникают мигрантские поликлиники, клубы, магазинчики, транспортные услуги, концертная деятельность, ориентированная исключительно на мигрантов и т. д. [Варшавер, Рочева, Кочкин, Кулдина, 2014, с. 40–69; Деминцева, Пешкова, 2014]. При этом российские жители также охотно осваивают элементы этой культуры и даже перенимают ее [Абашин, 2013].

Тем не менее в восприятии самих мигрантов перевод денег «домой» остается приоритетной задачей. Заработанные в России средства накапливаются, иногда в течение многих лет, на специальные расходы, которые рассматриваются не столько как повседневные, сколько как стратегические инвестиции в будущее. Это может быть начало какого-то бизнеса в стране исхода или между странами, плата за образование родственников, покупка машины, земельного участка, дома или квартиры, ремонт или строительство, т. е. увеличение капитализации недвижимости [Зотова, 2012; Reeves, 2012]. Причем эти траты считаются социально важными, нормативными, обязательными для того, чтобы подтвердить и укрепить личный и семейный статус. И когда престиж ценится больше функциональности, расходование накопленных осуществляется нередко демонстративным образом, с нарочитой избыточностью. Находясь годами в России в крайне стесненных жилищных условиях, с ограниченной приватностью, мигранты мечтают потратить сэкономленные средства там, где социальный и материальный эффект будет максимальным. То есть в стране исхода.

Коммуникации и статус

Денежные переводы — только один элемент более широкой коммуникации и обменов между мигрантом и оставшимися «дома» близкими, экономическая выгода — не единственная мотивация, ради которой отправляются в миграцию. Мигранты всегда держат в уме многие другие желания и обстоятельства: получение удовольствия в новом месте, освоение нового жизненного опыта, разрешение каких-то семейных коллизий, освобождение от домашнего контроля и т. д. Это означает, что кроме денежных трансферов в обе стороны активно практикуются трансферы вещей, информации, символов, образов и опыта; с их помощью решаются самые разные задачи, помимо экономической.

В число способов коммуникации, посредством которой осуществляются такие трансферы, входит регулярное — раз в день или раз в несколько дней — общение по телефону и всё более активное использование Интернета, включая активную переписку в социальных сетях. Эти контакты создают также иллюзию присутствия рядом людей, отделенных расстоянием. Можно здесь добавить и рассказы о жизни мигрантов, постоянно курсирующих между двумя странами. Благодаря циркулирующим в обе стороны новостям, фотографиям, воспоминаниям поддерживаются все социальные статусы и обязательства, происходит наполнение их эмоциями и ощущением близости. Коммуникации позволяют достаточно плотно контролировать то, что происходит «дома».

47-летний строитель З. из Узбекистана рассказывает, например, о своем опыте:

И.: Мне кажется, это очень сложно — регулировать финансовые вопросы?

З.: Сложно, но понимаете... Вот, например, жена говорит: «Нам надо вот это построить». Я говорю: «Хорошо, вызови мастера. Когда он придет, дай мне трубку, я с ним поговорю, с этим мастером». Говорю: «Надо вот это, вот это, вот так». Он говорит: «Хорошо». Я говорю: «Примерно сколько?» Допустим, триста долларов, двести долларов. Если он скажет, что двести долларов, я жене отправлю триста, если скажет триста, я отправлю четыреста. И вот так и решаем вопросы. Жене говорю: «Вот так, вот так». А она всё до мелочи пишет. У нас блокнотик. Всё пишет, пишет. И она всё время говорит: «Я вот это написала». А я говорю: «Пиши всё, пиши, я приеду, всё проверю».

И.: Правда, что ли?

З.: Да, я всегда так. Я приезжаю, так, открываю, так: «Всё написала?...» «Конкретная сумма — сколько?» — «Вот столько-то». «Бог с ним, ради Бога. Но как время будет, я у тебя проверю...» Я даже не смотрю на это. Я просто как бы ее пугаю тем, что проверю. А на самом деле вообще не буду проверять. Просто, чтобы она как бы не затратилась много, чтобы экономно всё было. А так я вообще не проверяю.

И.: ?

З.: А у меня там сестра, брат, если у меня что-то будет, они никогда в стороне не стоят. А вот Вы говорите насчет воспитания. Вот, Вы знаете, у меня сестра постоянно моих детей как бы контролирует. И брат постоянно контролирует. Вот, мой брат живет в городе. Вот, он постоянно смотрит за моим старшим сыном, постоянно созванивается. Он специально говорит: «Сегодня приезжаю». Или же говорит: «Ты сейчас где? Я сейчас приеду». И он [сын] конкретно говорит: «Я вот там, вот там». Как бы, контроль за ними всегда есть. А вот второму сыну... Он всегда под колпаком. Потому что в школе все мои друзья и родственники. В городе тоже у меня друзья, в органах работают. Я им всё время, когда созваниваемся, говорю: «Как там наш сын?» Он говорит: «Нормально». Говорю: «Может, посмотришь за ним или присмотришь, чё он там?» «Да не беспокойся», говорит.

И.: То есть, вы звоните домой не только семье? Но и друзьям?

З.: Конечно. Что Вы думаете, даже мой старший сын знает, кто его будет приходить и контролировать. Он уже это заранее знает. Потому что это не просто так. Я там... там моя тетя есть, много там, не только жена контролирует. Потом я жене звоню, говорю: «А ты знаешь, что старший сын поехал туда-сюда?» Она говорит: «Нет. А Вы откуда знаете?» «У нас в Москве», — говорю, — «всё видно».

Даже если информатор в этом своем рассказе преувеличивает степень контроля с его стороны, само стремление держать в поле зрения всё, что происходит «дома», показывает глубокую вовлеченность мигрантов в жизнь «там».

Тема коммуникаций подводит к вопросу о том, как миграция вписана в социальный порядок сообщества, с которым мигранты старательно сохраняют связи. Россицентричный взгляд в первую очередь интересуется, каким образом мигрант входит в местные сообщества в России, как с ними взаимодействует и какими новыми отношениями

обзаводится. С этой точки зрения значение имеют степени включенности/исключенности мигранта, а спор ведется о том, каковы индикаторы этих степеней. Проблематика же транснационализма добавляет вопрос о том, какую позицию и какие сети мигрант сохраняет в стране отъезда, как меняется его роль «там». Это позволяет увидеть поведение и идентичности мигранта более объемно, с разных сторон и в разной перспективе.

Мигрант не просто поддерживает связи с «домом», пересылает деньги, время от времени приезжает и планирует вернуться насовсем — он остается действующим членом того сообщества (или сообществ), к которому принадлежал до миграции, занимает в нем / в них определенную позицию, иногда весьма важную, даже физически не находясь постоянно на месте. Это членство можно описать, пусть не исчерпывающе, через понятия *долга*, *конкуренции* и *сети*.

Поездка в другую страну самим мигрантом соотносится со сложным комплексом обязательств перед близкими ему людьми. Это долг перед семьей, перед родителями или детьми, долг обеспечить их всем необходимым. Для молодых людей это еще и обязанность следовать нормативным образцам, которые позволяют предьявить «своему» сообществу доказательство мужественности — того, что пройдена своеобразная инициация трудностями, доказательство способности быть добытчиком, готовность стать главой семьи [Massot, 2013]. Одним из важных социальных обязательств в центральноазиатских сообществах являются траты на массовые коллективные пиршества. Они устраиваются регулярно только «дома» по случаю тех или иных знаковых событий жизненного цикла — рождения детей, обрезания мальчиков, свадьбы, похорон и поминок [Ikhamov, 2013; Rubinov, 2014]. Важное социальное и эмоциональное значение этих мероприятий только оттеняется их кажущейся «иррациональностью», отсутствием очевидных прямых выгод⁹. Проведение подобного коллективного пиршества, требующего значительных расходов, является публичным подтверждением социальной полноценности и исполнения «обычаев», т. е. религиозного долга. Представления об обязательствах такого рода вплетены в процесс социализации всех членов сообщества, их выполнение социально поощряется, невыполнение — осуждается. И поскольку миграция помогает найти средства для ритуальных

⁹ Подробнее о социальном значении таких мероприятий см.: [Абашин, 2003].

пиршеств и доказать мужественность, участие в ней теперь точно так же чуть ли не с детства воспринимается как культурная норма.

Участие в миграции можно интерпретировать и как способ социальной конкуренции в сообществе, с которым мигрант продолжает себя ассоциировать. Стремление больше заработать, позволить себе более престижные (и модные) траты и покупки превращается в своего рода азартную игру. В ней непременно хочет поучаствовать каждый член сообщества, чтобы проверить свои возможности и добиться лучших, чем у других, результатов (или хотя бы таких же)¹⁰. Удачливый в миграции сосед или родственник становится примером для подражания, неудачливый — демонстрирует несостоятельность и низкий статус. Через конкуренцию всё сообщество принимает мигрантскую модель поведения, втягивается в трансграничные перемещения, оставаясь при этом сообществом, в котором все наблюдают, даже на расстоянии, друг за другом, оценивают друг друга и стараются превзойти.

Наконец, инвестиции мигранта в социальный статус «дома» необходимы не только для «поддержания имени», но и для укрепления/расширения тех социальных сетей (родственных, соседских, дружеских и др.), в которых он состоит. Сети предполагают отношения взаимной привязанности, доверия и помощи, дают гарантии поддержки оставшейся на «родине» семье мигранта и/или в случае возвращения ему самому. И они же, «мигрируя» вместе с мигрантом, подстраховывают его в другой стране¹¹. Причем мы видим здесь интересные зависимости: например, чем больше проблем с легализацией трудовой деятельности и пребывания возникает у иностранцев в России, тем сильнее они нуждаются в «своих» сетях, в тех, кто будет им помогать. И тем больше должен мигрант вкладывать средств и усилий в то, чтобы сохранять свое членство в этих сетях в самой Центральной Азии.

Транснациональная перспектива позволяет увидеть и прочные отношения мигранта с сообществом, откуда он происходит, и связь оставшихся «дома» родственников и друзей с миграцией. Те, кто не участвует в миграции/перестал в ней участвовать, всё равно в каком-то смысле живут мигрантской жизнью [Maier, 2014]. Ведь они зависят от денежных переводов и даже вступают в конкуренцию за право получать их и распоряжаться ими; они активно потребляют и/или

¹⁰ См. на примере кавказской миграции: [Капустина, 2010, с. 30–31].

¹¹ О сетях см.: [Фофанова, Борисов, 2013].

вспоминают образы и вещи, которые поступают «оттуда», приобретенны «там»: образы других стран, прежде всего России, сопровождают их, манят или тревожат; они пристально следят за тем, что происходит «там», где находится кто-то из близких и куда сами они могут отправиться.

Остающиеся дома члены семьи мигранта приспособливают всю свою повседневную жизнь, ее ритмы к циклам отъезда и возвращения [Reeves, 2011; Rahmonova-Schwarz, 2012]. В отсутствие мигрантов они имитируют и даже консервируют места в социальной иерархии и социальные роли, которые уехавшей/уехавшему полагалось занимать и исполнять в данном локальном сообществе. Создается, таким образом, иллюзия присутствия мигранта, его постоянного участия во всех делах семьи и сообщества. Всё это, вопреки распространенной точке зрения, будто миграция только дестабилизирует семейный порядок, наоборот, указывает на более сложный процесс — на осознание и обсуждение появившихся рисков, на новые усилия по укреплению семейных и общинных иерархий [Ривс, 2012; Ismailbekova, 2014]. Весь этот комплекс стратегий и практик не-мигрантов — тоже часть транснационального существования.

Выводы

Можно ли считать концепцию транснационализма достаточной для объяснения миграционных стратегий конкретных людей? Разумеется, нет. Кто-то не просто мечтает об окончательном переезде в другую страну, но и действительно переезжает и не возвращается назад, разрывая почти все связи. Кто-то, напротив, предприняв миграционный выезд, осознаёт, что это не для него, и прекращает новые попытки либо жизненные обстоятельства складываются так, что участие в миграции становится в принципе невозможным. Модель транснационализма на эти ситуации (и другие) не распространяется и их не описывает; но она и не противоречит им, а скорее дополняет их понимание и показывает, что существуют и другие стратегии, связанные с длительной жизнью мигрантов «здесь и там». Возможно даже, что эта модель действительно описывает тип миграции, складывающийся при очень определенных, «переходных» обстоятельствах, например в случае первого поколения мигрантов, которое *en masse* решило покинуть свой «дом» в поисках новых благ и впечатлений, но пока

не готово бесповоротно порвать с «родиной». Вопрос о точном определении рамок этой модели является предметом специальных исследований и дискуссий.

Тем не менее, если говорить не о миграции вообще, а о сегодняшней миграции из стран Центральной Азии в Россию, то для ее описания наиболее подходящей представляется именно модель транснационализма. Налицо все основные ее признаки: центральноазиатские мигранты более-менее постоянно живут и работают в России на протяжении уже продолжительного времени — иногда до 15 лет; но при этом они сохраняют весьма разнообразные, регулярные и интенсивные отношения со странами исхода, и у подавляющего числа выходцев из Центральной Азии риторика «возвращения» остается преобладающей. Основной мигрантской стратегией является поддержание, даже интенсификация этих связей, во что они вкладывают значительные материальные, социальные и эмоциональные ресурсы¹².

Признание транснационального характера миграции не означает, что саму миграцию из Центральной Азии в Россию надо рассматривать как временное, неустоявшееся явление. Напротив, иные модели предлагают в неопределенном будущем законченный, «неподвижный» результат в рамках дихотомии «остаться или вернуться», тогда как в модели транснационализма самовоспроизводящийся и постоянный характер обретает как раз мобильность. Отдельные участники транснациональной миграции могут со временем навсегда остаться в стране приезда, другие — навсегда вернуться, но сама эта миграция, обязательно предполагающая регулярные поездки и жизнь «здесь и там», продолжается, захватывая всё новых и новых людей.

Список литературы

- Абашии С. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/ иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Евразия. Люди и мифы / Сост., отв. ред. С. Панарин. М.: Наталис, 2003. С. 217–238.
- Абашии С. Узбекская кухня в России: трансфер культурного «чужого» // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время

¹² Есть некоторая разница между Узбекистаном, Таджикистаном и особенно Кыргызстаном, а также между отдельными регионами и группами внутри этих стран, но этот сюжет требует отдельной статьи.

- и после Шелкового пути / Ш. Мустафаев, М. Эспань, С. Горшенина и др. (отв. ред.). Париж–Самарканд: Межд. ин-т центральноазиатских исслед., 2013. С. 298–304.
- Абашин С.* Возвращение домой: семейные и миграционные стратегии в Узбекистане // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 125–165.
- Бредникова О., Ткач О.* Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.
- Варшавер Е., Рочева А., Кочкин Е., Кулдина Е.* Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий. М.: РАНХиГС, Центр исследований миграции и этничности, 2014.
- Выхованец О.Д., Прохорова А.В. и др.* Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2014.
- Зотова Н.* Кишлак у реки. Опыт исследования миграционных процессов на примере одного селения // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 51–66.
- Капустина Е.* Трудовая миграция: экономическая стратегия и элемент социальной жизни (опыт современного горного Дагестана) // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 1. С. 24–32.
- Малахов В.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015.
- Мукомель В.И.* Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски / Рабочие тетради Российского совета по международным делам. № IV. М.: РСМД, 2013.
- Мукомель В.И.* Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11 / М.К. Горшков (ред.). М.: Новый хронограф, 2012.
- Ривс М.* Миграция, маскулинность и трансформации социального пространства в долине Сох, Узбекистан // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 32–50.
- Трансграничные операции физических лиц по основным странам-контрагентам за 2013 год // Банк России. Статистика. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=Par_17101#CheckedItem (дата обращения: 07.01.2016).
- Фофанова К., Борисов Д.* Сетевой ресурс как фактор интеграции иностранных трудовых мигрантов в региональный социум // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11, № 2. С. 189–206.
- Basch L., Glick Schiller N., Blanc-Szanton C.* Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. London; New York: Routledge, 1994.
- Ilkhamov A.* Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2013. No 138. P. 259–284.
- Ismailbekova A.* Migration and patrilineal descent: the role of women in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No 3. P. 375–389.

- Maier A.* Tajik Migrants with Re-Entry Bans to the Russian Federation. Dushanbe: International Organization for Migration, 2014.
- Massot S.* Economic Migrations from Uzbekistan to Moscow, Seoul, and New York: Sacrifice or Rite of Passage? // M. Laruelle (ed.). Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 283–299.
- Rahmonova-Schwarz D.* Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia: Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. Baden-Baden: Nomos, 2012.
- Reeves M.* Black Work, Green Money: Remittances, Ritual, and Domestic Economies in Southern Kyrgyzstan // *Slavic Review*. 2012. Vol. 71, No. 1. P. 108–134.
- Reeves M.* Staying put? Towards a relational politics of mobility at a time of migration // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. No. 3–4. P. 555–576.
- Rubinov I.* Migrant Assemblages: Building Postsocialist Households with Kyrgyz Remittances // *Anthropological Quarterly*. 2014. Vol. 87. No. 1. P. 183–215.

Дмитрий Полетаев

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАКТИК ПОВЕДЕНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ¹

Новые условия жизни в России подталкивают мигрантов из Средней Азии к довольно болезненным процессам изменения поведения, делая трудным и зачастую нерациональным воспроизведение его привычных норм. Однако эти изменения осложняются и замедляются мигрантофобией, распространенной в принимающем обществе, неразвитостью российских общественных сервисов (в особенности слабостью судебной системы и коррупцией в органах, отвечающих за правоприменительную практику) и жестким контролем со стороны диаспор и локальных сообществ соотечественников. Тем не менее, поведение мигрантов из Средней Азии в России становится ближе к практикам поведения россиян, и это в силу больших масштабов миграции в Россию способствует постепенной трансформации социальных отношений на базовом личностно-групповом уровне внутри стран Средней Азии.

Ключевые слова: *адаптация, идентичность, интеграция, миграция, Средняя Азия, социологические исследования, трудовая миграция.*

Миллионные потоки трансграничных трудовых мигрантов в Россию пока лишь ограниченно включены в российское общество, что является причиной значительного беспокойства местного населения, способствует усилению взаимного недоверия между ними

¹ Исследование осуществлено в 2015 г. в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Также использованы результаты исследования «Стратегическое партнерство по продвижению прав и повышению возможностей женщин — трудящихся мигрантов из стран СНГ в России», осуществленного в 2010–2011 гг. региональной общественной организацией «Центр миграционных исследований» при поддержке Фонда в поддержку гендерного равенства «ООН-Женщины», аналогичного проекта 2013 г., выполненного при поддержке Уполномоченного по правам человека города Москвы и его аппарата и проекта 2015 г. «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России», реализованного при поддержке Министерства международного развития Великобритании (Department for International Development).

и местными жителями. В связи с чем особую актуальность обретает исследование форм и степени этого недоверия, с одной стороны, темпов и содержания изменений в поведенческих практиках трудовых мигрантов из Средней Азии в России — с другой.

Аналізу этих изменений и посвящена данная статья. В ней используются результаты социологических исследований 2010–2011, 2013 и 2015 гг. В 2010–2011 гг. в Москве и Московской области, в Самарской области, Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Краснодарском крае анкетным опросом было охвачено 1169 женщин — трудовых мигрантов из Средней Азии; также с ними проведены были две фокус-группы и глубинные интервью. В 2013 г. в анкетном опросе участвовали 600 москвичей и 200 трудовых мигрантов, также были проведены две фокус-группы (с московскими работодателями, использующими труд мигрантов, и с учителями, в чьих классах учатся дети-мигранты) и 20 экспертных интервью. В 2015 г. масштаб исследования был расширен: 1239 анкет, заполненных в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани и Екатеринбурге женщинами — трудовыми мигрантами из Киргизии и Таджикистана, три фокус-группы с той же категорией опрошиваемых и с учителями, в чьих классах учатся дети-мигранты, плюс 83 глубинных и 30 экспертных интервью.

Накопленный материал настолько интересен и показателен, что буквально требуется публикация основных полученных результатов, что и является целью данной статьи. В дальнейшем он, конечно, подвергнется более глубокому осмыслению в одном ряду с другими исследованиями на сходные темы и в контексте концепции транснациональной миграции, разрабатываемой Томасом Файстом [Faist, 2006], Алехандро Портесом [Портес, 1995; Портес, DeWind, 2008], Линдой Баш, Ниной Глик Шиллер, Кристиной Шантон Бланк [Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc, 1994], Стефеном Кастрлзом и Аластером Давидсоном [Castles, Davidson, 2000] и др.

Отношение к трудовым мигрантам из Средней Азии в России

Считается, что мигрантофобия — один из главных факторов взаимоотношений между принимающим населением и трудовыми мигрантами. Когда ее уровень в обществе высок, она подталкивает

мигрантов к изоляции от принимающего общества, к замыканию их на членах своего сообщества, замедляет темпы их интеграции (при желании осесть) и адаптации (при выезде на заработки без стремления осесть) [Женщины... 2011]. Сказанное выше применимо и к России [Зайончковская и др., 2014б]. Но поскольку фобии по своей природе изменчивы, могут то усиливаться, то ослабевать, желателен их постоянный мониторинг, и это стало одной из задач нашего исследования 2015 г.

Отношение к ним россияне женщины-мигранты из Средней Азии сочли нейтральным (38%) или хорошим (43%), только в 7% случаев они говорили о враждебном отношении (рис. 1).

Правда, в интервью выясняются оттенки такого восприятия, побуждающие относиться к оптимистичной картине, возникающей из ответов мигрантов, с сомнением. Вот выдержка из глубинного интервью

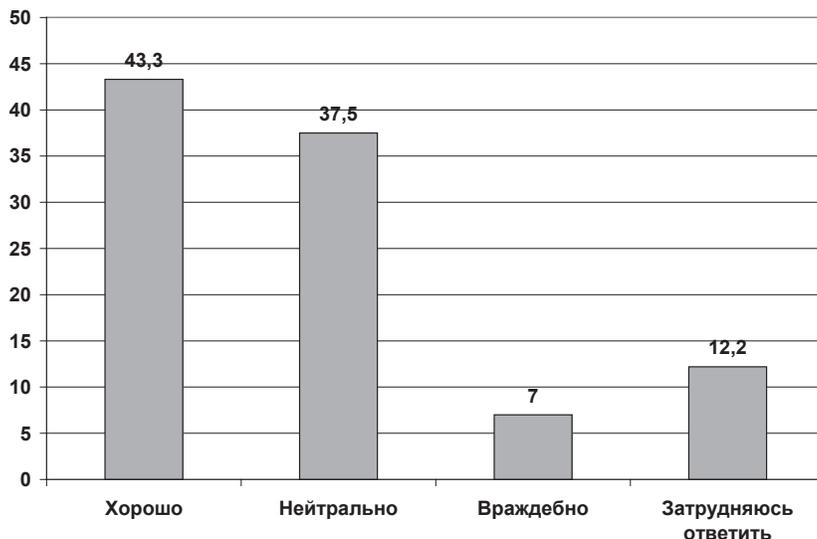

Рис. 1. Распределение ответов женщин-мигрантов из Таджикистана и Киргизии на вопрос об отношении к ним местных жителей, % (n = 1239, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург, 2015 г.).

Источник: [Поletaев, 2015]

с женщиной — трудовым мигрантом 47 лет из Таджикистана², взятого в Санкт-Петербурге:

Сейчас я как бы... себя чужой не считаю. Ну, всё равно косо смотрят местные <...> Всё равно есть кое-какие нюансы... И вообще я внимания не обращаю уже.

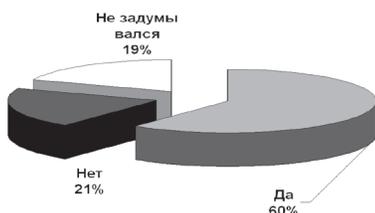

Рис. 2. Распределение ответов москвичей ($n = 600$) на вопрос «Вызывают ли у Вас мигранты раздражение?», %. Источник: [Зайончковская и др., 2014б]

Отношение россиян к мигрантам — настороженное, вплоть до открытых проявлений мигрантофобии. Особенно это заметно в Москве — самом притягательном для мигрантов городе России (рис. 2).

Как видим, на прямой вопрос «Вызывают ли у Вас мигранты раздражение?» ровно 3/5 опрошенных москвичей ответили утвердительно.

Таблица 1

Распределение москвичей по их личному отношению к группам мигрантов (%)

Относятся:	Таджикистан, Узбекистан, Киргизия	Азербайджан, Армения, Грузия	Украина, Молдавия, Белоруссия	Республики Северного Кавказа	Другие регионы РФ
нормально	21,6	23,9	65,3	16,3	86,9
не очень хорошо	37,4	37,7	27,6	26,7	10,6
плохо	40,2	37,9	6,1	56,6	2,0
нет ответа	0,8	0,5	1,0	0,3	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Зайончковская и др., 2014а, с. 6]

Более развернутый вопрос «Как лично Вы относитесь к мигрантам из...?» был направлен на выявление отношения к группам мигрантов из разных регионов: из Средней Азии (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан), Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия),

² Здесь и далее приводятся цитаты из глубинных интервью проекта 2015 г. «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России».

европейских постсоветских стран (Украина, Молдавия, Белоруссия), из республик Северного Кавказа (Чечня и Дагестан) и из прочих регионов России. Выяснилось, что хуже всего москвичи относятся к выходцам с Северного Кавказа (плохо – 57%), хотя с юридической точки зрения эти мигранты – граждане РФ. На втором месте по неприятию у москвичей стоят мигранты из Средней Азии, потом, почти вплотную, – из республик Южного Кавказа (Азербайджан, Армения, Грузия). Намного более лояльно москвичи относятся к мигрантам с Украины, из Молдавии и Белоруссии, а наименьший уровень неприятия у москвичей – к мигрантам из любых, кроме Северного Кавказа, регионов России.

Едва ли не самым показательным при анализе отношения принимающего населения к мигрантам является распределение ответов на вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что Ваш сын или дочь вступят в брак с мигрантом?» (рис. 3). Если судить по нему, хуже всего москвичи относятся к идее такого брака с теми, кто приехал из стран,

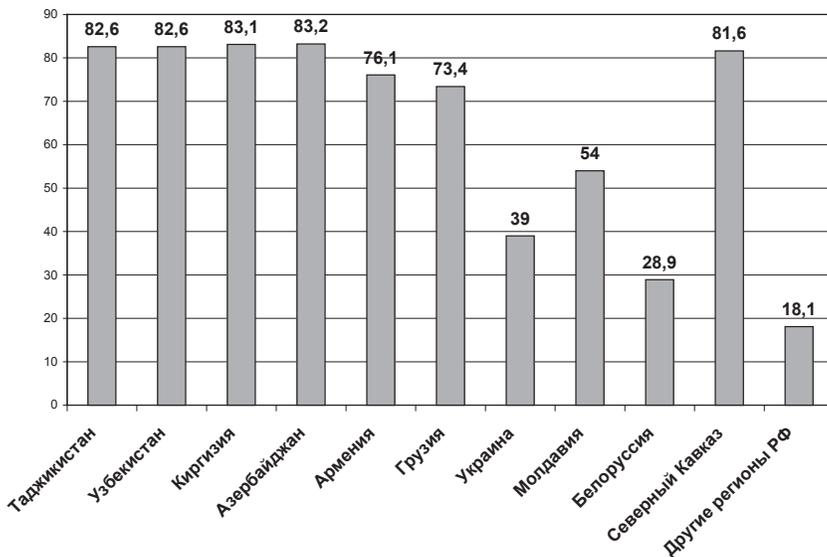

Рис. 3. Доля выбравших позицию «Никогда не поддерживаю такой выбор» в ответ на вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что Ваш сын/дочь захотят вступить в брак с мигрантом из...?» ($n = 600$). Источник: [Зайончковская и др., 2014б]

ассоциируемых с ареалом ислама: из Азербайджана (ответили, что никогда не поддержат такой выбор, 83,2% от общего числа респондентов), Узбекистана (82,6%), Таджикистана (82,6%) и Киргизии (83,1%). Выходцы с российского Северного Кавказа вызывают практически такой же уровень неприятия: 81,6% респондентов не хотели бы видеть их в качестве супругов своих детей. Несколько более лояльным было отношение к мигрантам из «христианской» части Кавказа — из Армении и Грузии, еще более мягким — по отношению к потенциальным мужьям/женам с Украины, из Молдавии и Белоруссии. На общем фоне мигрантофобии, москвичи в 20% случаев не одобряли выбор супругов для своих детей даже из других, кроме Северного Кавказа, регионов РФ. Этот опрос проводился в 2013 г. По более поздним опросам Левада-Центра, в последующие два года, когда общественное внимание переключилось на события на Украине, уровень мигрантофобии немного снизился [Ксенофобия... 2015], но полностью картины это не изменило.

Исследование 2015 г. подтвердило распространенную оценку эффектов мигрантофобии. Она уменьшает возможности для взаимодействия и общения трудовых мигрантов с местными жителями, снижает скорость их адаптации в российском обществе. Нежелательное, а то и враждебное отношение этого общества к мигрантам не только заставляет их искать помощи у своих бывших соотечественников. Оно еще снижает их доверие к государственным сервисам, персонал которых также заражен мигрантофобией и в лучшем случае не отличается дружественным настроем по отношению к мигрантам.

Роль соотечественников в изменении практик поведения трудовых мигрантов из Средней Азии

Настороженное, отстраненное отношение россиян к мигрантам из Средней Азии заставляет тех искать поддержку у «своей» диаспоры — среди бывших соотечественников, уже укрепившихся и адаптировавшихся в России, а то и имеющих российское гражданство, которыми задача адаптации и интеграции в российское общество в целом решена. Но остается другая задача, ради решения которой и происходит их объединение в диаспоральные организации: сохранять «корни», поддерживать национальные традиции стран исхода.

И в обмен на свою помощь сообщества бывших соотечественников стараются вовлечь в решение этой актуальной для них задачи трудовых мигрантов.

Стремление укорененной диаспоры к сохранению идентичности нередко входит в противоречие с логикой приспособления трудовых мигрантов к новым условиям жизни в России, способствует формированию замкнутых сообществ, имеющих альтернативные официальным сервисы и каналы для решения проблем трудовых мигрантов. В таких сообществах «старые» члены диаспоры не только фактически контролируют все необходимые трудовым мигрантам процедуры по легализации, трудоустройству, обеспечению жильем и прочие жизненно важные связи. Они еще устанавливают или пытаются установить контроль над поведением трудовых мигрантов, особенно молодых женщин, и с этой целью образуют «надзирательный симбиоз» с родственниками мигрантов в странах исхода, что дополнительно замедляет адаптацию трудовых мигрантов в России и усиливает их репутационные издержки по возвращении на родину. Об этом свидетельствуют нижеследующие выдержки из глубинных интервью 2015 г. с женщинами — трудовыми мигрантами из Киргизии (Екатеринбург) и Таджикистана (Казань).

Если здесь что-то произойдет, то там это узнают первыми; чем я узнаю, быстрее там узнают. Там же сарафанное радио — пошло-поехало, даже вещи, которые не были [разносит]. Они там столько всего приумножат, расскажут! Мы, допустим, с мужем, когда встречались, сняли квартиру, два-три месяца пожили, поехали туда. Когда приехали, родственники наши — они мои сверстники — они сказали: «Ты там жила со своим парнем в одной квартире». Они думали, что я уже с ним переспала, а на самом деле такого не было.

...Девушки уезжают в Россию — многие сейчас, за последние два года, без разрешения, [или даже] с разрешением родителей, но не с таким удовольствием они их отпускают... Если бы у меня такая ситуация была бы, я бы никогда своего ребенка не отпустила бы, но сейчас они уезжают в Россию. Тут свобода, родителей нет, которые бы им сказали: «Вот, сиди дома, не ходи туда!» Зарабатывают деньги, начинаются знакомства через те же самые социальные сети. Многие девчонки после этого теряют свою невинность, иногда беременеют, делают аборт, оставляют детей. Сейчас там [на родине] очень

много парней думают, что те девушки, кто уехал в Россию, они такие! Поэтому они не хотят жениться на тех девушках, которые приехали из России. Они там думают, что уже девушка испорченная, много чего видала, всё такое.

...Как здесь относятся нормально к друзьям, это всё для нас неприемлемо. Я понимаю: не то что это плохо, но этим самым ты отдаляешься от своего. Если мою страничку посмотреть «В контакте», если ее посмотрят, скажут: «Как я [неправильно] одеваюсь! Как я хожу! Что я слушаю!»

Это, в свою очередь, приводит мигрантов к вынужденному следованию ритуалам поведения, внутренне ими отторгаемым: *В Киргизии все женщины в платках ходят. Я вообще не хожу с платком. А в Киргизии уже, ну, когда свекровь, тогда надеваю платок. Ну, это за уважение... Когда у нас все родственники мужа собираются там, тогда нам стыдно будет распустить волосы и так ходить. Как-то мы должны уважать старших мужа, в основном, поэтому я платье одеваю длинное*

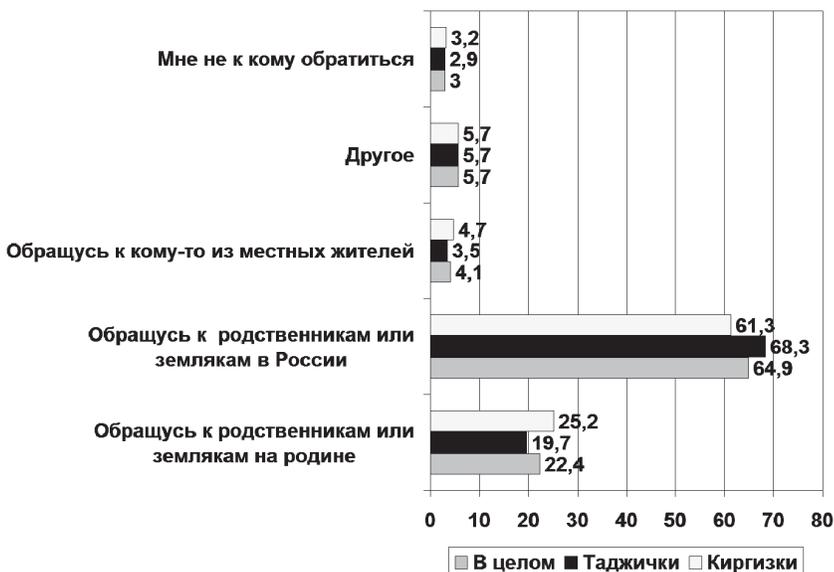

Рис. 4. Распределение ответов об источнике потенциальной помощи (n = 1239). Источник: [Поletaев, 2015]

и в платке. Ну, как к себе домой приехала — всё, в штанах, в шортах, как хочешь (из взятого в Екатеринбурге глубинного интервью 2015 г. с женщиной — трудовым мигрантом 47 лет из Киргизии).

И всё же, какое бы внутреннее неудовольствие ни вызывали нормы поведения, фактически навязываемые сообществом и по месту выхода, и по месту прихода, тенденция к замыканию социальных связей на «своих» выражена очень сильно. По данным исследования 2015 г., в сложной жизненной ситуации были готовы обратиться за помощью к россиянам — местным жителям только 4% опрошенных женщин-мигрантов, тогда как к землякам или родственникам в России — 65%, а к землякам/родственникам на родине — 22 (рис. 4).

Общение в России тоже в основном сводится к общению с земляками (65%), родственниками (62%) или мигрантами — коллегами по работе (рис. 5). С местными жителями общаются около 18% мигрантов, а с соседями — 28%.

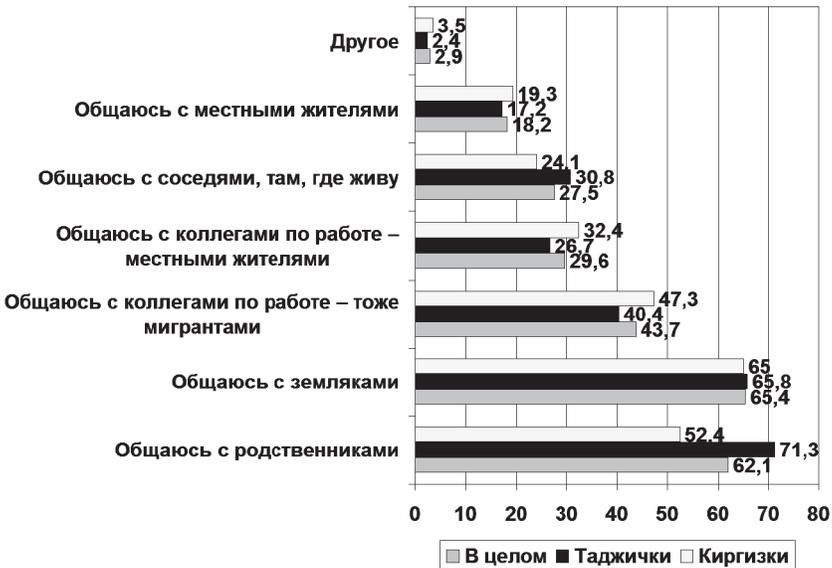

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос, с кем мигранты общаются в России (возможны были несколько ответов), % (n = 1239).

Источник [Поletaев, 2015]

Готовность трудовых мигрантов из Средней Азии к изменению моделей поведения в России

Несмотря на устойчиво настороженное, даже мигрантофобское отношение россиян к трудовым мигрантам из Средней Азии, стремление этих мигрантов к освоению новых для них моделей поведения, присущих россиянам, гораздо сильнее, чем можно было бы ожидать. Общее историческое прошлое в рамках СССР, остаточное влияние долгосрочной советской политики «дружбы народов», новые условия жизни в трудовой миграции (в том числе появление времени для досуга), все-таки большая, чем дома, доступность общественных сервисов различного рода, иные стандарты потребления и культуры отношений в российском обществе, наконец, стремление подражать более свободным, независимым образцам поведения россиян — всё это оказывает значительное влияние на образ жизни трудовых мигрантов из Средней Азии в России, способствует его изменению. Другое дело, что подвижки в образцах поведения мигрантов, как правило, не столь заметны для россиян, мало знающих о жизни в родных странах мигрантов. Напротив, соблюдение мигрантами привычных им традиций и правил бросается в глаза и многими воспринимается как нежелание «чужаков» приспособливаться к российским стандартам, к практикам поведения и нормам жизни.

Как видим (рис. 6), считают, что мигранты стараются соблюсти свои традиции и обычаи, 42% москвичей. О том же говорят и 70% мигрантов. Вместе с тем 29% из них утверждают, что стараются соблюдать российские традиции и правила, и ни один мигрант не позволил себе открыто заявить, что он категорически не хочет этого делать. Между тем свыше половины (54%) москвичей убеждены, что мигранты именно **не хотят** соблюдать местные традиции и правила, и только 3,2% полагают, что мигранты стараются им следовать.

Из глубинного интервью 2015 г. с женщиной — трудовым мигрантом из Киргизии (Екатеринбург): *Мы часто в автобусах, по общественным [местам] на русском разговариваем, с мужем и с дочками. А когда мы приедем в Киргизию, мне нравится там на киргизском. Потому что наша страна — киргизская страна, мы должны там на киргизском говорить, это правильно. Ну, как в своей стране, есть свои законы, всё равно надо это соблюдать. Я здесь точно на русском всегда. У нас*

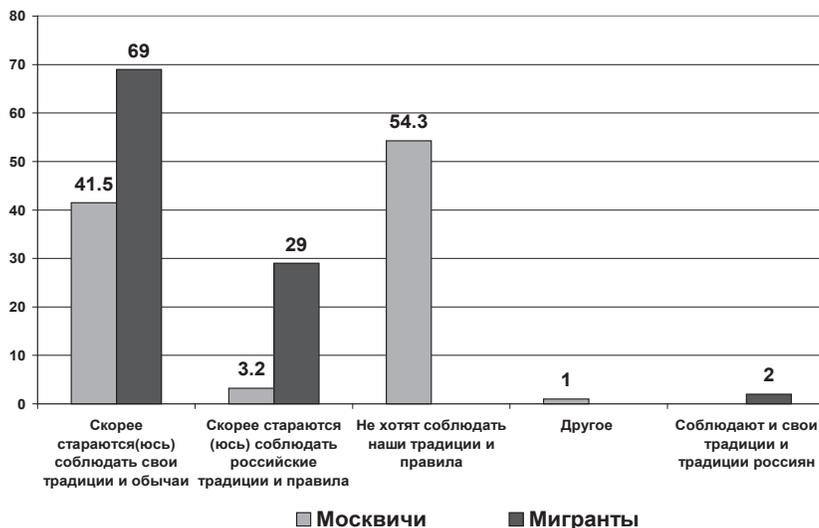

Рис. 6. Мнение москвичей о мигрантах и самих мигрантов о том, как мигранты ведут себя в России. Источник: [Зайончковская и др., 2014б]

в семье — все на русском разговариваем, уважаем русский народ. Если мы здесь, мы должны уважать русский народ, русские традиции, как-то так вот. А если в Киргизии, мы должны уважать Киргизию, я так думаю, да?

Женщины как группа трудовых мигрантов испытывают специфическую трансформацию своего статуса. В России их гендерные роли разительно меняются. Так, роль кормильца семьи, ранее им несвойственная, решительно отличается от привычных на родине «вторых ролей» на фоне «первых ролей» мужчин. Однако сами женщины — трудовые мигранты, особенно среднего возраста, не совсем осознают и не всегда приветствуют изменение своего статуса.

Из глубинного интервью 2015 г. с женщиной — трудовым мигрантом 47 лет из Киргизии (Екатеринбург): *Если я бы сюда не приехала, я бы по-плохому думала. А я здесь нахожусь, работаю, сама знаю, как я работаю. А там они не знают. Есть люди разные... кто хорошее думает, но все люди разные. А я ничего не могу сказать. Просто я сама думаю, как зарабатывать... Здесь цивилизация, как-то у меня взгляд изменился. Я раньше, когда там жили, я там думала, когда замуж выйду,*

сами там — у мужа будет квартира, мы там будем жить. Я никогда не думала, что [буду] машину водить, тогда, когда там была. А сейчас муж предложил права получить, я хочу на следующий год и права получить. Но и, в общем, я хочу здесь квартиру на ипотеку хотя бы взять, остаться здесь, детей растить, на работу нормально устроиться. Тут по социальным сторонам лучше намного.

Из глубинного интервью 2015 г. с женщиной — трудовым мигрантом 29 лет из Киргизии (Санкт-Петербург): *Современной стала, если честно. Всё, вокруг всё современно, все модно здесь одеваются. <...> Я рада, что русские девушки очень за собой ухаживают и что у вас этот менталитет сильный. Я изменилась. Раньше мы в Киргизии с мужем как-то всегда друг другу запрещали что-то. А мы здесь как-то вот современно стали жить — за собой ухаживать, времени на себя много [тратить]. На работе проработаешь — и домой, за собой ухаживаешь. Здесь [я] изменилась... Я люблю современность. Еще мы молодые. Люблю за собой ухаживать.*

И вот этот характер во мне не нравится. Я как бы очень такая стала к деньгам: вот деньги, деньги, деньги... Вот такая я уже. У меня муж ругается: «Ты чё вообще уже, ты уже с ума сходишь от денег!» Вот действительно, я вот там жила, насчет денег я даже не думала, хватает денег, не хватает. Тут, блин, деньги, деньги, деньги. Болею — даже не замечаю: деньги, деньги!

Изменение образа жизни в России не соответствует практикам поведения трудовых мигрантов на родине. Возвращаясь или приезжая в отпуск, они стремятся реконструировать прежние формы поведения, принятые ими до миграции, но не используемые в России. Особенно это характерно для незамужних молодых женщин.

Из глубинного интервью 2015 г. с женщиной — трудовым мигрантом 25 лет из Таджикистана (Казань): *...Многие так и делают — то, что скрывают: здесь много чего делают, потом там скрывают, уезжают и выходят замуж. Они сами обманывают себя, они в первую очередь обманывают себя.*

Существует миграция «за мужем», когда женщина отправляется в Россию с супругом или вслед за ним, но примерно половина мигрирующих женщин едет уже самостоятельно. Несмотря на то что 80% женщин, опрошенных Центром миграционных исследований в 2015 г. [Полетаев, 2015], имея собственный доход, участвовали в обеспечении своей семьи, а более трети были единственным кормильцем

в семье, около 60% женщин-мигрантов придерживались традиционной установки «Зарабатывать деньги должен мужчина». И это при том, что у женщин изменилось отношение к миграции, они выезжают самостоятельно. Такой парадокс — важный фактор, влияющий на формирование стратегий поведения у мигрирующих женщин, особенно у женщин зрелого возраста.

Трансформация идентичности как фактор безвозвратной миграции в Россию

Для среднеазиатской молодежи экономическая ситуация — определяющий фактор и одна из важнейших причин принятия решения о трудовой миграции. Но иные, чем в Средней Азии, стандарты отношений в России между полами, возможность свободного и самостоятельного выбора спутника жизни, самостоятельного выстраивания своего будущего, более свободного и разностороннего общения уже стали для молодых отдельным и сильным стимулом для выезда. И у детей старших возрастов, еще остающихся дома, и у молодых людей, которые выезжают на заработки, оправдание выезда перед обществом помощью семье нередко маскирует стремление сделаться «на выезде» другим человеком. Уезжая в Россию, молодежь из Средней Азии стремится выйти из-под контроля традиционного общества. Со временем это может стать причиной переезда в Россию на постоянное место жительства.

В особенности сильно более свободные, менее регламентированные межличностные отношения в российском обществе, в том числе между полами, финансовая независимость, иной даже в быту образ жизни меняют женщин — трудовых мигрантов, и они не видят возможностей для возвращения на родину.

Вот что говорят на эту тему сами молодые женщины-мигранты.

Девушка из Киргизии, 17 лет (Екатеринбург): *Мне лучше здесь... свобода.*

Молодая женщина из Таджикистана, 25 лет (Казань): *Они где-то смотрят на меня с восхищением, потому что я закончила [университет], и что я такая умная... Это и восхищение, и: «Да ну, она же девушка, неизвестно, что она там делает». С этой стороны я уже плохая, «испорченная». Это двухстороннее... Я вообще крутая, потому что я закончила российский вуз, я чего-то добилась, чем-то занимаюсь.*

И [с другой стороны] для таджиков я старая дева, которая неизвестно чем в России занимается, у которой всё закончено, бесполезная...

Она же: Я отдалилась, я очень отдалилась. Я изменилась в характере. Мне говорили, что я изменилась, потом я стала замечать это. У меня запросы реально выросли, я не могу находиться там. Это плохо, возможно. Если бы я училась там, я бы вышла замуж, была бы другой, но тут — нет. Поэтому, чем меньше [обо мне] знают, тем лучше... Они ничего практически не знают. <...> Я здесь готова с кем угодно общаться, только не со своими, я не знаю, почему это так происходит, может быть, я отдалилась. Но даже когда я была там, я уже не могла общаться, и меня не воспринимают как свою. Я настолько чужая, что я ни туда, ни сюда.

Я встречалась с парнем, я жила с ним, спала... Это просто катастрофа [будет], если кому-нибудь это скажешь в Таджикистане. Я просто не хочу, когда понимаю, что здесь это всё нормально, здесь настолько ты привыкаешь к этому, что ты в норму входишь. Я недавно поехала в деревню к подружке, она курит, она так там шифровалась — лук [ела], в поле надо ухаживать... Я понимаю, у меня насколько это заложилось, что для меня это будет нормально, если кто-то сядет, покурит... Нет, меняются понятия твои, и это очень плохо.

Для таджиков я уже старая дева, а если честно, я сама не хочу [замуж], потому что я считаю, что мне еще надо много вот так же пожить; но я уже понимаю: чем раньше человек рождает, [тем лучше]. Есть в жизни какие-то правила, а я с ними не согласна. Нужно выйти замуж, родить детей. Я так не хочу жить, но таковы правила. Но я бы так не хотела. Да, надо ребенка родить, но если бы я была бы одна и у меня не было такой родни... Если я не выйду замуж сейчас, в течение трех лет, мне станут задавать вопросы: вот, не вышла замуж. Это будут проблемы. Если бы я лично была бы одна, сама по себе, я бы не вышла. А вышла бы в 30, для меня это нормально... Но так надо, так как это ненормально, если девушка не выходит замуж, и так как надо родить ребенка, то придется...

А вот что говорит о молодых мигрантах более зрелая женщина-мигрант из Киргизии (Екатеринбург): Очень много приезжает девчонок, они меняются как-то. Они туда [домой] приезжают, они там больше двух месяцев жить не могут. В основном, приезжают обратно [в Россию].

Уже достаточно давно делящаяся массовая трудовая миграция в Россию привела к тому, что и в самих высылающих странах уклад жизни меняется, как минимум, его архаизация, произошедшая в Средней Азии после распада СССР, хотя бы отчасти замедляется. Сильнее всего это заметно в столицах.

Из глубинного интервью 2015 г. в Екатеринбурге с женщиной — трудовым мигрантом 47 лет из Киргизии: *В самом Бишкеке образ жизни, мне кажется, не очень отличается, потому что они тоже там больше свободы чувствуют. Не раз слышала, что там живут гражданским браком. Были даже знакомые, узнавали, что есть такие. Сейчас в основном, там тоже так же стало, не очень большая разница.*

* * *

Размывание одних, сформировавшихся дома, граней идентичности и обретение новых происходит у трудовых мигрантов из Средней Азии в России под воздействием нескольких разнонаправленных факторов.

1. Восприятие трудовыми мигрантами из Средней Азии практик поведения, распространенных в принимающем обществе, осложняется и замедляется весьма ощутимой в России мигрантофобией, ограничивающей масштабы и обедняющей способы взаимодействия россиян с мигрантами.

2. Тем не менее, новые условия жизни в России подталкивают мигрантов, пусть не всегда заметно, но всегда настойчиво, к изменению поведения, делая трудным и зачастую нерациональным воспроизведение его привычных норм.

3. Диаспоры выходцев из стран Средней Азии в России, выступающие в роли посредников во взаимоотношениях с российским обществом, ставят трудовых мигрантов, особенно женщин, в ситуацию жесткого контроля над соблюдением теми практик поведения, принятых в странах исхода, чем затрудняют и замедляют процессы интеграции и адаптации.

4. Локальные сообщества в конкретных местах выхода трудовых мигрантов из стран Средней Азии и общества этих стран в целом также стараются контролировать практики поведения трудовых мигрантов в России и их отношения с принимающим российским обществом. Следовательно, они действуют как дополнительный осложняющий фактор интеграции и адаптации.

5. Незрелость российских общественных сервисов, такие их неискоренимые свойства, осложняющие жизнь самим россиянам, как слабость судебной системы и коррупция в органах, отвечающих за правоприменительную практику, не просто оборачиваются слабым доступом к ним трудовых мигрантов. Это приводит и к нежелательным трансформациям поведенческих практик мигрантов, в частности вынуждает их обращаться к «теневым» посредникам, искажает процесс их адаптации и интеграции в российское общество.

6. Для выходцев из сельских районов Средней Азии, особенно для женщин и мигрантов в зрелом возрасте, размывание определенных граней идентичности становится зачастую болезненным процессом. Из-за боязни «потери лица» перед родными и знакомыми, оставшимися в месте выезда, такие мигранты нередко прибегают к «видимостям» — маскируют происходящие с ними изменения знаками и символами верности традиции.

7. Всё же, несмотря на серьезное влияние консервативных сообществ выходцев из Средней Азии в России и соотечественников в странах, откуда трудовые мигранты приехали, практики их поведения меняются, становятся ближе к практикам поведения россиян. И в силу больших масштабов трудовой миграции в Россию это, в свою очередь, может способствовать постепенной частичной трансформации уже внутри стран Средней Азии социальных отношений на базовом личностно-групповом уровне.

Список литературы

- Зайончковская Ж., Полетаев Д., Флоринская Ю., Доронина К. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014, 1–24 августа. № 605–606.
- Зайончковская Ж. А., Полетаев Д. В., Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Доронина К. А. Защита прав москвичей в условиях массовой миграции / Науч. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Уполномоченный по правам человека в городе Москве, РОО «Центр миграционных исследований», 2014.
- Женщины — мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Ксенофобия в России снизилась // Левада-Центр. Публикации в прессе. 2015. 23.10. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/23/ksenofobiya-v-rossii-snizilas/> (дата обращения: 18.11.2015).
- Полетаев Д. В. Доклад «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России» на конференции «Транснациональные миграции

и современные государства в условиях экономического кризиса», Москва, 24–25 сентября 2015 г. (рукопись).

Basch L., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. Nations Unbound: Transnational Project, Postcolonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States. Langhorne, PA: Gordon and Breach, 1994.

Castles S., Davidson A. Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2000.

Faist Th. The Transnational Social Spaces of Migration / Center of Migration, Citizenship and Development, Working Paper 10. Bielefeld: COMCAD, 2006.

Portes A. (ed.). The Economic Sociology of Immigration. Essays on Networks, Ethnicity, and Entrepreneurship. New York: Russell Sage Foundation, 1995.

Portes A., DeWind J. (eds.). Rethinking Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives. New York: Berghahn Books, 2008.

Евгений Варшавер, Анна Рочева

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ЗАПАДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ¹

От редактора. С согласия авторов нижеследующего текста он был намеренно оставлен почти в том же виде, в каком прозвучал на семинаре в Суздале, т. е. в виде доклада, записанного на диктофон и затем самими авторами переведенного в печатную форму. Сделано это было потому, что доклад Евгения Варшавера и Анны Рочевой вызвал наиболее оживленную реакцию остальных участников семинара. Доклад спровоцировал не только интересные вопросы, на которые последовали содержательные ответы, но и несколько не менее интересных и содержательных реплик и комментариев, заслуживавших более широкой аудитории, чем та, что услышала их в Суздале. Но если бы авторы переделали свой доклад в классическую статью, это естественно возникшее дополнение к их выступлению просто выпало бы.

Теперь — по поводу слова «почти», написанного в начале этого предуведомления. Оно употреблено потому, что при подготовке к публикации доклада и завязавшейся вокруг него дискуссии авторы не удержались от того, чтобы вставить ссылки на работы с описанием упоминаемых в докладе примеров западного опыта в области интеграции мигрантов. А также потому, что редактор, постаравшись сохранить свободную речевую форму доклада, вопросов и выступлений, всё же очистил и то, и другое, и третье от явных просторечий и повторов и в некоторых местах внес правку, прояснявшую смысл сказанного.

Сергей Панарин

В предлагаемом тексте представлены результаты исследования, в ходе которого был изучен зарубежный опыт интеграции мигрантов на локальном уровне, а также разработаны и реализованы

¹ Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Пути повышения эффективности существующих моделей и практик интеграции мигрантов», выполненной в рамках государственного задания РАНХиГС на 2015 г.

интеграционные практики в одном из московских районов. Опыт зарубежных, прежде всего европейских, стран позволил авторам вывести ряд «уроков», проиллюстрированных конкретными примерами и послуживших в качестве ориентиров при реализации московской части проекта, площадкой для которой стала Капотня — московский район с репутацией неблагополучного. В этом районе было проведено социологическое исследование, по его результатам создана интеграционная концепция территории, разработаны и реализованы интеграционные практики. Описан опыт апробации этих интеграционных практик, представлена рефлексия по результатам этой работы авторов и участников обсуждения авторского текста, приведены рекомендации для последующих проектов интеграции на локальном уровне.

Ключевые слова: интеграция мигрантов, интеграционные практики, локальный уровень, местное сообщество, Европа, Россия.

Евгений Варшавер. Западный опыт интеграции

Мы с Анной Рочевой представляем здесь Центр исследований миграции и этничности Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Центр занимается прежде всего полевыми исследованиями, преимущественно в Москве, хотя мы намереваемся совершить исследовательскую экспансию и в другие регионы,

То, о чем нас сейчас попросили рассказать и что находится в рамках нашего научного интереса, это то, как осуществляется интеграция мигрантов на Западе и как этот опыт применяется в России. Тут надо сказать, что ключевое слово для нашего центра — именно слово «интеграция». Наряду с другими проектами мы осуществляем научно-практический проект, в рамках которого пытаемся, во-первых, изучать западный опыт интеграции, а во-вторых, применять его в России. Важно понимать, работает этот опыт или нет, и как сделать так, чтобы происходила интеграция мигрантов на локальном уровне. Почему на локальном? Потому что интеграция происходит не абы где, не висит в воздухе; интеграция осуществляется в том или ином конкретном месте.

В рамках этого доклада мы сделаем три вещи. Мы немного поговорим про западный опыт — расскажем о конкретных случаях — и попытаемся его обобщить в виде некоторой рецептуры, которая поможет

нам дальше работать на стезе интеграции иноэтничных мигрантов на локальном уровне. А после этого мы расскажем, что было сделано за последний год нашей исследовательско-практической группой. В каком-то смысле мы идем схожими маршрутами с присутствующим здесь Игорем Савиным, который делает подобные интеграционные проекты на локальном уровне в других районах Москвы.

Ну, от вводных слов — к делу!

На основании чего я буду говорить? В какой-то момент Департамент культуры города Москвы заказал мне брошюру, я ее написал. Брошюра называлась «Двадцать успешных практик интеграции мигрантов» [Варшавер, 2014]. Слово «успешных» там вставлено помимо моей воли. Ведь, строго говоря, про эти практики, про их успех или неуспех — в силу того, что такого рода практики с трудом поддаются количественной оценке, — говорить об их стопроцентной успешности нельзя. Но, так или иначе, речь шла об имеющемся опыте интеграции мигрантов на локальном уровне.

Итак, первое основание — брошюра, о которой я упомянул. Второе основание: начиная с июня 2014 г. мы работаем в одном районе Москвы, который называется Капотня. Выбрали мы этот район потому, что он считается одним из худших: депрессивным, с неблагоприятной экологической ситуацией и «социальной атмосферой». Он регулярно фигурирует в антирейтингах московских районов². Наша задача заключалась, во-первых, в том, чтобы посмотреть, как здесь происходит интеграция иноэтничных мигрантов на локальном уровне, а во-вторых, внедрить некоторые интеграционные практики, которые должны были быть изучены, так сказать, в деле, и замерить эффект этих практик. В принципе, это та деятельность, которую мы собираемся продолжать и в следующем году.

Перед тем, как перейти к описанию конкретных интеграционных практик, буквально два слова еще про интеграцию. Ориентируясь на работы немецких ученых Хартмута Эссера и Фридриха Хекманна [Esser, 2000; Heckmann, 2005], мы определяем интеграцию как процесс, в ходе которого мигранты устанавливают отношения, осуществляют совместную деятельность с представителями принимающего общества, обмениваются с ними символами и смыслами, а также занимают стабильные позиции в разных сферах жизни принимающего общества. То

² См., напр.: [Бирюлево, Капотня... 2013; Полная Капотня... 2011].

есть мы выделяем три измерения интеграции, показывающих, в рамках каких, если угодно, пластов социальности интеграция происходит. Первое измерение: *интеграция взаимодействия*, когда люди разного бэкграунда, разного происхождения, начинают — или не начинают — тесно взаимодействовать между собой: жениться, выходить замуж и т.д. Второе — это *символическая интеграция*; в ее рамках люди изначально разных культур, разных ценностей постепенно начинают разделять одни и те же символы, ценности, нормы и другие подобные вещи. И третье измерение — *позиционная интеграция*, когда человек встраивается в конкретные позиции на рынке труда, на рынке недвижимости, и эти позиции более-менее защищены. Как ее можно выявить, оценить? В тот момент, когда человек, работая, начинает получать белую зарплату и понимает, что его с этой работы так просто не выгонят, — в этот момент можно говорить, что он интегрирован *позиционно*.

Это был маленький кусочек теории, а теперь — несколько примеров из зарубежного опыта, которые сразу же будут оценены и описаны с точки зрения той теоретической рамки, которую я представил. В брошюре их, наверное, слишком много, чтобы говорить о каждом, поэтому я выберу только несколько.

Вот интересная практика в Германии³. Там есть кварталы, в которых живут в основном мусульмане. Женщины в этих кварталах могут носить хиджабы. Вообще обитатели этих кварталов живут согласно нормам той культуры, которая есть в странах их происхождения, они находятся в этих кварталах и не взаимодействуют с другими людьми, с представителями принимающего общества. Практика, о которой хотелось сказать, выглядела следующим образом. Женщины-полицейские устраивали экскурсию по Берлину для женщин-мигрантов: встречались с ними в их районах, после на общественном транспорте доезжали с ними до центральных площадей Берлина, там рассказывали, что это за площади и как устроен Берлин и т.д. Это занимало примерно день, и после этого они возвращались в район проживания. А заканчивалась экскурсия в отделении полиции, где женщинам читали лекцию про то, что домашнее насилие — это плохо, и рассказывали, что нужно делать в том случае, когда домашнее насилие происходит. И дальше — уже со всем этим новым знанием, что они получили за день, — они возвращались домой и жили с ним.

³ Изложено по: [Das TiK-Projekt... 2010].

Другая интересная практика — из Венгрии⁴. В Венгрии была разработана компьютерная игра по мотивам миграционных траекторий. Когда человек играет в эту игру, он буквально проходит вместе с мигрантом его миграционный путь из страны происхождения в принимающее общество. Такие игры распространялись в школах. Идея состояла в том, чтобы увидеть в мигранте человека и осознать, что его траектория очень жизненна, очень понятна и полна проблем.

Следующая довольно необычная практика, которая позволяет несколько расширить понимание интеграции, — из США⁵. Здесь губернатор штата Иллинойс обнаружил, что в Чикаго сложилась такая ситуация, что чайнатаун оказался одновременно в трех разных избирательных округах и в результате может получиться так, что китайцы не будут представлены в законодательном собрании штата ни одним депутатом. И округа были перекроены — таким образом, чтобы весь чайнатаун вошел в один избирательный округ и китайцы всегда были репрезентированы в собрании штата. Хорошо это или плохо — это отдельный вопрос, но в любом случае было обеспечено то, что можно обозначить как *этническая репрезентация*.

Дальше — Финляндия⁶. Здесь запустили специальную программу, в рамках которой мигранты могли писать статьи в местные СМИ. При этом, понятно, уровень текстов был не очень высоким, поэтому специальные усилия и специальные деньги уходили на то, чтобы довести эти тексты до ума и сделать из некоторых мигрантов, скажем так, журналистов. И дальше их тексты регулярно появлялись в локальных СМИ, в результате чего взгляд мигранта, в том числе и его жизненная траектория, могли стать известны местным жителям.

И последний проект, о котором я расскажу, это проект в Дании⁷. Точнее, в Дании просто он был впервые запущен, а так это проект довольно известный, он есть и в России, называется «Живая библиотека». Живая библиотека — конечно, метафора. В рамках этого проекта одни люди — это «книжки», другие — «читатели», а «библиотекари» — те, кто устраивают такую практику. Это практика, направленная на работу со стереотипами. Книжки — это люди, по поводу которых есть стереотипы у общества. Вот если посмотреть на список «живых

⁴ Изложено по: [Black and White... 2012]. См. также: [Immigropoly, 2012]

⁵ Изложено по: [Chicago... 2011].

⁶ Изложено по: [The Newspaper Project... 2011].

⁷ Изложено по: [Little N. et al., 2011].

книг» в рамках московских «библиотек», такими «книгами» могут стать и дагестанец, и мусульманка в хиджабе, и прочие люди, к которым есть недоверие. И дальше в рамках этой практики люди приходят и начинают взаимодействовать, задавать вопросы, в том числе и неудобные, и таким образом снижается уровень негативной стереотипизации по отношению к «чужим» людям и, соответственно, к «чужим» группам и повышается уровень взаимопонимания.

На основании всего изученного опыта можно было сделать несколько выводов, которые мы используем в нашей дальнейшей работе. Прежде всего, когда говорят об интеграции, любят говорить «в общем». А интеграция, как я уже отмечал, не висит в воздухе, интеграция происходит в конкретных местах, в конкретных районах, на конкретных рабочих местах, и та деятельность, которая должна быть направлена на облегчение интеграции, — это деятельность, которая происходит в рамках этих конкретных локаций. Это очень важно.

Второе: когда не существует местного сообщества, какой-то относительно сплоченной группы, интеграция не представляется возможной. То есть когда говорят об интеграции мигрантов на локальном уровне, забывают, что на этом самом локальном уровне чаще всего ничего еще не сложилось, вообще никакой интеграции не произошло. И в тот момент, когда мы начинаем там работать (об этом Анна расскажет — про наш опыт), мы сталкиваемся с тем, что одновременно с интеграцией мигрантов мы вынуждены заниматься интеграцией местного сообщества.

Третье. На опыте таких городов, как, например, Генуя или Брюссель — их опыт мы тоже изучили — стало очень четко видно, что интеграционные усилия невозможны в рамках одной организации. Всякие эффективные интеграционные усилия — это всегда коалиция разных организаций, которые будут заниматься разными вещами в рамках общей интеграционной повестки дня. Это люди, которые занимаются искусством, это люди, которые занимаются социальной инженерией, и только координация усилий может помочь сделать интеграционную повестку дня эффективной.

Последнее. Есть такой старый добрый советский «мультикультурализм» и есть интеграционные практики в его рамках: выходят на сцену мальчики и девочки в национальных костюмах, танцуют — и это считается интеграционной практикой. Зарубежный опыт говорит о том, что это неэффективно. А эффективно установление отношений и создание ситуаций, в рамках которых люди разного миграционного

и этнического бэкграунда, разного происхождения могли бы взаимодействовать, ломать стереотипы друг о друге. Это и есть путь к интеграции на локальном уровне.

А теперь я передаю слово Анне Рочевой, которая расскажет про то, как мы работали в Капотне, как мы исследовали Капотню, как мы занимались интеграцией на локальном уровне в этом замечательном районе Москвы.

Анна Рочева. Российский опыт, или Лето в Капотне

В Капотню мы приехали летом, это был июнь, мы туда поселились и некоторое время там жили, проводили включенное наблюдение в течение многих и многих часов, проводили интервью с местными жителями, с мигрантами, с немигрантами. На основании этого исследования мы составили некоторый профиль района. Как мы потом с удивлением узнали, в принципе, то, что мы сделали, называется концепцией интеграции, и такие концепции интеграции создаются для европейских городов. В рамках этих концепций определяются основные целевые группы, определяются цели, задачи, программы, определяются мероприятия, которые нацелены на то, чтобы эти уязвимые группы каким-то образом интегрировать в жизнь города. Так вот, для Капотни мы, получается, сделали очень похожую вещь. На основании исследования мы поняли, что, например, дети мигрантов не являются такой уж проблемной группой в плане интеграции. Они довольно успешно интегрируются через школы, через внешкольную деятельность: ходят в кружки в Дом культуры и другие организации в районе. Интегрируются и через стадион: например, те мальчики, которые играют в футбол, летом создают дворовые команды, и там уже никаких этнических границ не остается. (Евгений Варшавер: *В ходе этого исследования я много играл в футбол.*) А вот проблемной группой оказались женщины-мигранты, которые занимаются домашним хозяйством, не работают, занимаются детьми. Многие из них плохо говорят по-русски, часть из них исповедует ислам, они носят хиджаб, и это очень сильно затрудняет взаимодействие на детских площадках. А интервью с местными жителями нам показали: взаимодействие на детских площадках — один из самых простых способов сформировать какие-то дружеские отношения среди родителей, потому что само пребывание на детской площадке с ребенком предполагает наличие

некоторых общих интересов, обсуждение каких-то общих проблем и т. д. А женщин-мигрантов, которые плохо говорят по-русски и тем более носят хиджаб, местные воспринимают как очень агрессивных мамаш — как тех, кто настраивает своих детей на агрессию против русских детей, и на детских площадках многие детские конфликты, которые довольно часто происходят и так, рассматриваются через призму этнических конфликтов — как агрессия со стороны мигрантов. Одна из наших разработанных и придуманных для Капотни интеграционных практик как раз нацелена на интеграцию этой группы, группы женщин-мигрантов, которые занимаются домашним хозяйством и плохо говорят по-русски. Это кулинарные мастер-классы. Идея возникла из одного интервью: узбечка из южной Киргизии рассказала, что единственный раз, когда она хоть как-то подружилась с местной жительницей — мамой, которая тоже гуляла на детской площадке, это когда возник интерес этой местной жительницы к ней в связи с приготовлением плова. То есть рецепт плова был неким капиталом женщины-мигранта, который был интересен местной жительнице.

Кулинарный мастер-класс мы сейчас готовим, а вторая практика, которую мы уже сделали, это конкурс видеороликов. В рамках этого конкурса школьники микрорайона, разделившись на команды, снимали видеостории о жителях Капотни: про мигрантов и про немигрантов, про жителей современной Капотни, потому что в Капотне очень сильное старое ядро местного сообщества. Это старожилы, которые издавна работали на нефтеперерабатывающем заводе, и у них эта идентификация очень сильная. И мы хотели создать некоторую площадку, галерею лиц современных жителей Капотни, чтобы капотненцы, которых мы позвали, например, на награждение победителей, на демонстрацию всех этих роликов, чтобы они увидели, что такое сегодняшняя Капотня. Каждая команда сняла по четыре ролика, в том числе и про старожилы, и про недавних мигрантов, для кого русский язык является неродным.

На показ мы специально звали жителей района, в том числе тех, у кого мы брали интервью, чьи телефоны у нас остались, а также мы дали объявление по всей Капотне с помощью ДЭЗов и ГУ ИСов, люди от которых ходили и расклеивали объявления. После демонстрации роликов зрители выбрали победителей и приняли участие в специально модерлируемом обсуждении увиденного в свете советской «дружбы народов» и современной ситуации с мигрантами и местным сообществом. Приз зрительских симпатий получил ролик, герой

которого — мужчина из Армении, работающий в Капотне мастером по ремонту обуви. Очень примечательно, что после демонстрации роликов одна из зрительниц пожилого возраста пошла специально к этому мастеру по ремонту обуви поблагодарить его за те правильные слова, которые он говорил в видеоролике про необходимость солидарности, дружбы и любви. Он говорил: «Нам нужна любовь, но любовь — это не когда мальчик и девочка, любовь — это уважение».

Какие уроки мы вынесли, что мы можем выделить сейчас из российского опыта, из нашего опыта, из опыта, который мы обсуждали с Игорем Савиным?

Во-первых, исследование должно предшествовать практике. Невозможно прийти в район и сразу, начитавшись историй про западный опыт, попытаться что-то применить. Обязательно нужно понять, что вообще происходит в этом районе, какие люди там живут, что им может быть интересно, в чем они могут принимать участие, а что им будет совершенно неинтересно. Для того чтобы все эти практики можно было реализовать, нужно, чтобы на местном уровне был хотя бы один какой-то заинтересованный агент. Это может быть управа района, и нам повезло с районной управой — они оказались заинтересованными в том, что мы делаем, в нашей работе. Это может быть Дом культуры, могут быть активные жители района, без которых вообще ни одна практика не может быть реализована.

Что мы хотим дальше? Мы хотим, чтобы мероприятия, которые мы будем делать дальше, тот же кулинарный мастер-класс, — а мы проведем их серию — помогли нам подобрать «героев» из числа участников, как женщин, так и мужчин, которые хотят чему-то научиться, чтобы дальше всё осуществлялось силами активистов из местных жителей, которым это будет интересно, с помощью тех людей, которых можно назвать комьюнити-органайзерами. Это люди, которые создают местное сообщество, поддерживают его, знают весь район, знакомы с жителями и понимают местное сообщество изнутри.

Что говорилось после доклада

Вопрос Павла Варнавского (ИМБиТ СО РАН): Откуда шло финансирование, что это за сила, готовая вкладываться в такие вещи? И комьюнити-органайзер — ведь тоже должна быть какая-то мотивация у этого человека?

Ответ Евгения Варшавера: По поводу финансирования: поскольку мы работаем в Академии народного хозяйства, у нас есть какие-то деньги на исследования. Это всё происходит в штатном режиме, мы просто говорим, что мы хотим — в данном случае хотим исследовать интеграцию на практическом уровне, — согласовываем и дальше осуществляем эти мероприятия, в общем-то, по собственной инициативе в рамках того финансирования, которое есть на наше подразделение. Это наша плановая работа. Но дальше мы рассказываем об этом в разных кругах, в том числе и в кругах, связанных с правительством Москвы. Мы хотим в ближайшее время, в коалиции с Игорем Савиным договориться о том, чтобы эти мероприятия финансировались и на правительственном уровне, потому что мы предполагаем, что это ровно то, что нужно делать в рамках той повестки дня, где говорится о модернизации межэтнических отношений. И вроде бы у нас получается донести это до них.

Вопрос Павла Варнавского. То есть это алгоритм для решения тех проблем, которые поставлены в федеральном законе № 51, где каким-то образом должны быть задействованы муниципалитеты?

Ответ Евгения Варшавера: Да. Проблема только в том, что муниципалитеты не знают, как это делать. Наша идея или несколько идей — и это как раз ответ на второй ваш вопрос по поводу комьюнити-органайзера — в следующем. Нельзя в рамках управ или администраций сельских поселений просто взять и внедрить то, что мы сделали и хотим сделать в Капотне. Это будет довольно неэффективное мероприятие — просто потому, что потом это будет «укатано» в бюрократические процедуры. И потому, что довольно сложно для таких вот бюрократических систем оценить, живое там сообщество, или неживое. И поэтому как минимум на московском уровне мы, с одной стороны, хотим взаимодействовать с властью и управами. А с другой стороны, хотим организовывать движение, в рамках которого такого рода «движняком» — простите за молодежный сленг — должны заниматься частью активисты, частью — власть, а частью — представители разных организаций в рамках московского гражданского общества. Как именно — это уже следующий шаг. Но явно нельзя замыкаться в рамках такой вот властной логики, и наша задача, в том числе следующий шаг, состоит в том, чтобы понять, что работает, что не работает, а дальше — учить. Но учить не только власть, учить также и активистов, и представителей гражданского общества.

Вопрос Сергея Панарина (ИБ РАН): Что касается зарубежного опыта. Вы его очень хорошо обобщили, представили, осталась вещь, которая не прозвучала: такого рода практики имеют кратковременное или долговременное действие? Насколько успешность приведенных вами примеров может быть измерена во временных категориях? Это был успех, который прозвучал, вызвал некоторый резонанс, а потом всё это тихо замерло, или это осталось поддерживающейся вещью, которая продолжает функционировать? Или что-то среднее?

Ответ Евгения Варшавера: Вы сказали очень важную вещь, связанную с самовоспроизводством этих практик. Собственно, я думаю, что единственный критерий успеха это как раз — воспроизводятся или не воспроизводятся практики и происходит или не происходит изменение. Мне сложно говорить о тех конкретных практиках, о которых я говорил в начале. Но дальше я упомянул опыт Генуи и опыт Брюсселя — вот про эти города и про те плохие районы, по отношению к которым была организована серия интеграционных мероприятий, я могу сказать. Этот опыт хорошо изучен, и там показано, что вся эта совокупность мероприятий привела к позитивному эффекту, когда в районе — и это такой диагностированный научный факт, когда было проведено соответствующее исследование, — стало, по ощущению жителей, безопаснее находиться. Хотя вначале, до этих интеграционных практик этот район был страшен, и по нему было страшно перемещаться, был отток населения — в общем, все такие обычные штуки. А теперь отток населения прекратился, практики воспроизводятся, перемещаться не так страшно.

Дополнение Анны Рочевой: Недавно на конференции в Москве мы познакомились с профессором Фридрихом Хекманном⁸. Мы с ним обсуждали как раз практики интеграции, он рассказал о немецком опыте, и мы спрашивали: «Сколько лет примерно Вы этим занимаетесь?» Он ответил: «Ну, лет тридцать». То есть у них опыт уже, конечно, очень большой, и эффекты там, я думаю, долгосрочные. Но у них постепенно происходит переход — отдельные интеграционные практики постепенно перерастают в концепцию интеграции, в концепцию *интеркультурного* города, когда занимаются не просто какими-то мероприятиями, а занимаются обеспечением доступа мигрантов к основным институтам принимающего общества. То есть они не меряют

⁸ О нем см.: [Prof. Dr. Friedrich Heckmann, 2012].

эффект этих практик за тридцать лет, потому что переходят дальше к чему-то следующему.

Выступление Игоря Савина (ИБ РАН): Я бы хотел добавить: точно такой же опыт был у нас как раз на основе уже федеральных денег, через неправительственные организации мы подали заявку на социально значимый проект. Сейчас чиновники не знают, куда деть деньги, выделяемые под грифом межнациональных отношений. Нам сразу дали. Деньги, правда, маленькие, их сразу урезали, но вот эти календарики (*показывает*) оттуда же — грантовый конкурс. Я не буду отвлекать внимание на свой проект, скажу только, что мы нашли такое этническое кафе, вокруг которого стали строить центр интеграции местных жителей, дружить их там между собой. А по поводу комьюнити-органайзеров — ведь зачатки этого нужны не только мигрантам, они нужны самим сообществам. И они есть, т.е. есть те, кто об этом думает. Это кто? — спросите вы. А это старший по подъезду, совет собственников, ТСЖ, они есть в каждой управе Москвы, не знаю, правда, как с ними в Иркутске, или где еще. Есть такая институция со странным названием «Совет старших по подъездам». Это не эвфемизм и не моя интерпретация, это официальное название, написанное на любом сайте управы. То есть уже есть какие-то локальные люди, которые что-то такое готовы делать, причем готовы и в нашем проекте, мы уже и не знали, куда от них деться. Тот же Совет ветеранов — знаете, какое огромное там количество людей, у которых есть энергия, которые хотят что-то делать? Они понимают, что это им нужно для их собственного двора. Когда мы делали свои совместные обеды с мигрантами, люди приходили со словами: «Мы так не собирались тридцать, сорок лет». То есть независимо от мигрантов в обществе есть потребность преодолеть атомизацию, какие-то подвижки уже есть. Нельзя думать, что такое поле возникает вдруг, однако прямо сейчас реализуются десятки проектов разной степени эффективности — в основном, конечно, не на то деньги тратят, в основном они уходят на всякие этнокультурные фестивали. Вот у нас календарик — это восемнадцатый пункт в этом деле, а у некоторых всё в такой пункт и уходит. Но инфраструктура создается, повторяю, хотя пока не на локальном уровне, а вообще. Как есть агенты, заинтересованные преувеличивать угрозы мигрантов, так есть агенты с разной степенью заинтересованности создавать инфраструктуру доверия — они тоже есть в принимающем обществе. В первую очередь это те люди, которые связаны

с мигрантскими организациями, это ответственные администраторы на местах — вот мы с Женей видели недавно депутатов муниципалитета, которые вполне здравые вещи говорили. Понятно, что не все члены того муниципалитета так думают, но они об этом думают. Раньше я себе такого не мог представить, чтобы человек разбирался, как контролировать миграцию, критиковал эту систему ФМС — кому она нужна, если ни у кого нет к ней доступа, а он хотел бы знать, потому что его спрашивают про ситуацию в его районе и он хочет знать, кто у него где зарегистрирован, чтобы, с одной стороны, отметить страхи, а с другой стороны, контролировать, если есть конкретные заявления. Так что где-то есть силы, где-то — средства, они хотят встретиться и наше дело — приближать встречу.

Комментарии Раисы Акифьевой (НИУ ВШЭ СПб): У меня два комментария, может быть, получится сформулировать из них вопрос. Они касаются двух частей вашей презентации. Первая часть посвящена европейским практикам интеграции, вторая — вашему опыту, и мне кажется, что эти две части — немножко о разном. Мне кажется, что вы делаете во второй части, — это то, что точно попадает под теоретическую оптику разных социально-психологических работ, в основу которой легла олпортовская гипотеза контакта⁹. Там очень много всего: мозаичные классы, исследования в летних детских лагерях и т.п., короче, там, где дети должны смешиваться и достижение общей цели снижает предрассудки. Я бы это назвала практиками не интеграции, а снижения предрассудков, как, собственно, Олпорт и предлагал называть: практики снижений предрассудков у малых групп. В малых группах это работает очень хорошо, у участников взаимодействия снижаются предрассудки и уровень внутригрупповой сегрегации. На уровне города — уже сложнее, непонятно, как здесь реально эти практики могут распространиться. Что касается Хекманна и теории интеграции, то у меня вот какие комментарии: мне Хекманн всегда казался таким ассимилиционистом, его определения казались мне очень в этом русле, он даже сам этого не скрывает, в одной работе так и пишет, что использует термин «интеграция», потому что «ассимиляция» слишком нагружена, ангажирована политически¹⁰.

⁹ Имеется в виду гипотеза контакта Гордона Олпорта. В соответствии с ней позитивный межгрупповой контакт ослабляет негативные стереотипы [Allport, 1954].

¹⁰ Вероятно, имеется в виду: [Heckmann, 2005, p. 13].

То есть он не скрывает, что интеграция для него — в первую очередь ассимиляционная идея. Может быть, мне не близко такое определение из-за знакомства с американской традицией определения интеграции, представленной, например, в работе Портеса и Чжоу¹¹ [Portes and Zhou, 1993]. Они исследовали геттоизированные районы, где мигранты, как, например, мои любимые вьетнамцы, оказываются в неблагополучных кварталах — назову их, пусть это и покажется кому-то неполиткорректным, «негритянским гетто». Там торгуют наркотиками, там высокий уровень антишкольной культуры — дети прогуливают школы и т.д. А вьетнамцы, с помощью своей изоляции — как раз того, что Мин Чжоу называет социальным капиталом, — не взаимодействуют с этими школьниками, в вашем понимании не интегрируются, и это и позволяет им — вспомним, что вы выделяете три типа интеграции и третий тип — это занятие определенной позиции — это как раз и позволяет им интегрироваться по третьему типу — поступать в колледжи и уезжать в благополучные районы.

В завершение я попробую сформулировать сказанное в виде вопроса: гипотеза контакта прекрасна, но разве мы не должны учитывать, помимо прочего, специфику этих соседств? Потому что ну кто эти жители? Потому что городские исследования, хотя я с ними меньше знакома, они показывают, что ощущение беспокойства вызвано не тем, что не-мигранты не общаются с мигрантами, а тем, что там, может быть, реально высокий уровень преступности среди местного населения. Капотня, как я поняла, оказалась в этом смысле благополучным районом. Да и вообще нас трудно сравнивать в этом смысле с Америкой, у нас нет таких геттоизированных районов, с такой выраженной классовой сегрегацией. В то же время у нас есть неблагополучные расселенные дома с мигрантами и неблагополучное соседство — мне кажется, что нужно обязательно учитывать, какой район и жители.

Может быть, это и не противоречит тому, что вы сказали.

Реплика Игоря Савина: Скажу банально: думай глобально, действуй — локально!

¹¹ Прим. редактора. В современной российской социологической литературе имя соавтора Портеса, передаваемое на английском как Zhou, часто транскрибируется как Жу, что противоречит не только отечественной, но и западной китаеведческой традиции. Должно быть именно Чжоу. Отрадное исключение в этом смысле — статья Вероники Костенко [Костенко, 2014, с. 65, 67].

Комментарий Дмитрия Полетаева (НИУ ВШЭ Москва): Я старший по подъезду. Но, возвращаясь к тому, о чем вы говорили, — у меня никакой мотивации участвовать в этом не возникает. И это при том, что я делал много общественных вещей бесплатно, потому что мне это кажется важным. Но почему я стал старшим по подъезду? Потому что я живу на девятом этаже, у меня часто течет крыша и когда течет у нас, то по стояку всё стекает вниз и заливает всех. И я ходил по квартирам, собирал подписи и т. д., и когда стали избирать нового старшего по подъезду, мне сказали: «Ты всё равно ходишь, везде пробиваешься, давай ты и будешь». Моя должность не предполагает никакой оплаты, она предполагает решение моих личных интересов, которые в данном случае координировались с общественными. Скажем, ко мне приходят, если внизу у двери оторвали ручку: я старший по подъезду, я должен звонить в ДЭЗ, потому что меня слушают, а их не слушают. Но насчет того, чтобы включаться в какие-то интеграционные проекты, такие, как вы представили... Тут правильно сказал коллега: «В чем будет мотивация?». Дело даже не в деньгах. Просто мне кажется, что такие вещи могут играть в Германии. Я жил в Германии несколько месяцев. И случилось так, что я жил в таком вот сообществе, где жители друг друга знают, у них какие-то проекты, они даже что-то вместе празднуют. Но и для них мотивация работы с мигрантами должна быть очень высока, они должны не просто рядом жить — потому что там были те, кто просто исключены из этого комьюнити. И там эта традиция, когда взаимодействуют между собой жители, намного серьезнее, чем у нас. Или вот в Италии я ее наблюдал... Но у нас в городах — советская перемешанность. Почему у нас гетто-то нет? Потому что жили рядом домами циковские и тут же — рабочие, и мне кажется, что эти вещи до сих пор играют. То, что Раиса сказала, мне абсолютно импонирует: практики интеграции — для небольших групп. Но если их переносить на большое сообщество, то играть они, я убежден, не будут. Работать тут нужно, например, со школьными учителями, которые демотивированы к работе с мигрантами в своем классе, потому что для учителей всё зависит от успеваемости: чем больше мигрантов в классе, тем ниже успеваемость, они премии не получают. Дайте им премии за то, что они с ними больше работают, и это будет. Или задействуйте библиотеки. Вот какой, например, у московского правительства есть сейчас проект: привести в библиотеки мигрантов, потому что это публичное пространство, которое не задействовано, и мой им

совет на совещании был: «Действуйте через детей», потому что дети приходят в библиотеки — все дети, в том числе дети мигрантов, и так можно мигрантов, их родителей, хотя бы отчасти туда привлечь. То есть имеются уже какие-то ресурсы, которые можно развивать. А делать что-то заново... Мне кажется, что это очень важно: неправильно считать, что всё плохо, всё это не подействует, что вот вы работаете, а другие не делают. Любая работа позитивна, но эффекты от нее разные. Если применять ваши практики на малых группах, то, как сказала Раиса, это будут ощутимые эффекты, а если пытаться внедрять это, скажем, на уровне города, то эффективность будет не очень высокая.

Реплика Игоря Савина: А зачем это внедрять на уровне города? В каждом дворе — я подчеркиваю — в каждом дворе — должна быть своя стратегия.

Комментарий Сергея Панарина: Я хотел немного добавить к тому, что сказала Раиса. Сказать в довершение того, что уже говорилось, что у нас такое специфическое советское наследие, оно двойное: с одной стороны, у нас практически нет города как института жизни, как это можно наблюдать в Германии или Италии — я поражаюсь, насколько развита там городская жизнь! У нас в России изначально был другой город, и в советское время он окончательно утратил индивидуальность. Но, с другой стороны, плюсом этой нашей специфической истории было фактическое отсутствие сегрегации. Сегрегация если и существовала, то в виде конкурирующих поселков, слившихся в один город, — все эти драки, побоища между разными районами, — однако это было всё более-менее на одном социальном уровне. Но я должен сказать, что сейчас, не знаю, как в Питере, а в Москве пространственная сегрегация имеет место быть, прямо на глазах распространяется. И высокие заборы, и охранники, и изолированные кварталы, дворы — это всё я вижу вокруг себя в Измайлово, которое не является таким уж престижным районом. Сейчас это очень сильно пошло, и я думаю, что это будет одна из проблем. С этой стороны Капотня — хороший район. Точнее, это такой поганый район с точки зрения обеспеченных москвичей, что никто туда не едет, вот потому этого расслоения по вертикали там, видимо, и нет. А когда его нет, тогда и в смысле интеграции работать легче. А когда получается, как в Измайлово, когда рядом, с одной стороны, — сплошные киргизы и уже есть места, где русский язык вообще почти не звучит (например в районе торгового центра «Щелковский»), и тут же рядом стоят

колоссальные новые дома точечной застройки, куда войти, минуя охранника, невозможно, — когда всё это находится территориально рядом — как здесь работать? Вот с этими людьми, которые сидят в этих домах? Может быть, вы там найдете кучу образованных людей, которые откликнутся; но, скорее всего, вас туда просто не пустят.

Вопрос Виктора Дятлова (ИГУ): Когда вы всё это делаете, кем вы себя ощущаете: исследователями или общественными работниками?

Ответ Анны Рочевой: По-моему, когда работаешь с мигрантами, ты всё время себя ощущаешь на грани. Потому что очень часто, когда я беру интервью, они задают вопросы о юридических каких-то вещах, т. е. мне нужно давать номер телефона бесплатного юриста, или самой что-то объяснять. В этом смысле эта работа не сильно отличается от моей обычной.

Дополнение Евгения Варшавера: Мне очень радостно, что мы наконец-то пришли к такому состоянию дел, когда та наука, которую мы делаем, и те тексты, которые мы читаем, та методология, которую мы выгрызаем буквально у реальности, чтобы ее как-то применять, — всё это может приносить конкретные плоды не в будущем, не в ходе абы какого консультирования властей предрержащих, которые могут очень по-разному отнестись к этому консультированию, а в рамках такого вот общественного проекта. И, отвечая на Ваш вопрос: мне кажется, что мы, конечно, на грани. И наука не такая...

Вопрос Виктора Дятлова: Производительная сила?

Ответ Евгения Варшавера: Нет! Мы как раз отходим от этого. Это и в любом случае производство знания, и это какой-то активизм. Где-то мы и правда на границе... Хороший вопрос, интересный. К сожалению, мы слишком быстро меняем свою деятельность — один проект, другой, третий — чтобы вот так вот отследить свою идентичность.

Комментарий Виктора Дятлова: Мне кажется, что это хотя бы для себя в голове стоит отрефлексировать, потому что целеполагание очень разное. Понятно, что все мы люди, и что, изучая общество, мы его меняем всё равно в процессе изучения. Весь вопрос в целеполагании: одно дело проводить эксперимент и наблюдать, отслеживать его результат, со всеми вытекающими отсюда последствиями, и тогда это местное сообщество не так важно само по себе, сколько ваша рефлексия по поводу успешности, не успешности и т. д. И другое дело пытаться преобразовать мир вот с какой-то его ячейки. Тогда другие вещи, просто другие цели могут получиться.

Выступление и вопрос Сергея Филатова (ИБ РАН): Здесь были упомянуты две скандинавские страны, и я хочу обратиться к тому, что я услышал на конференции в Институте Европы, на которой был весной, посвященной социальной роли церкви в современной Европе. Там был один финн, и одна русская — ведущий специалист по шведской церкви. И когда речь шла о социальных функциях церкви в скандинавских странах, то одна из главных функций прозвучала — я уж не помню точно — как интеграция, или помощь, или солидарность с мигрантами. Оказывается, в скандинавских странах действительно громадна роль церкви, где мигрантов не только учат языку, но и привлекают к каким-то общественным инициативам, посредством которых они легко «вклиниваются» в общество пенсионеров или кого-то еще. Потому что у них часто много свободного времени, и они начинают участвовать в вязании и т. д. Причем изначально поставлена цель: никакой миссионерской работы, никакой цели втянуть этих мусульман в лютеранство. Просто потому что это будет бессмысленно; а так, познакомившись, они сами станут лютеранами, если у них есть какая-то в этом подвижка. Про другие страны я уже так подробно не слышал, это были большие доклады, но как я потом узнавал, англиканская церковь в Англии и католическая — в Италии тоже играют, в общем, очень значительную роль. Евгений и Анна говорили, что нужно объединение разных институтов, но церковь как раз настолько интегрированный институт, что во многих странах она во многом и принимает на себя эту роль. И она самодостаточна в этом отношении.

Послезавтра, в своем докладе про РПЦ я должен буду сказать, что два года назад патриархия тоже объявила своей целью работу с мигрантами. И мои интервью за последние два года показали, что, хотя и немного их, но есть примеры действительно успешной работы церкви — буквально то, чего еще три года назад совсем не было. Сейчас это еще исключение, но это, может быть, первая ласточка. А может быть, так и останется исключением. Церковь может помочь и в Капотне, кстати, — смотря какой там священник.

Ответ Евгения Варшавера: Там нам не очень сработалось с церковью.

Реплика Игоря Савина: Я должен еще сказать вот что. Мы так говорили с этими сообществами, чтобы каждый в них чувствовал свою выгоду. В моем случае среди собственников нужно было проводить это,

чтобы доказать, что они главные — там был конкурирующий совет собственников, — что они лучше умеют это делать. Кафе этническому нужна была лояльность клиентов, чтобы те не жаловались. В общем, везде нужно искать, чтобы это была взаимовыгодная повседневность. Евгений и Анна почему-то не сказали главное: это должны быть рутинные практики, нужные людям, осознанные как для себя нужные, а не как дружба народов, или что-то там для толерантности или интеграции.

P. S. В 2015 г. Центр исследований миграции и этничности осуществил еще несколько интеграционных практик в районах Москвы: кулинарные мастер-классы для женщин, «Живую библиотеку» для школьников, интеркультурный футбол для молодых мужчин. Эффективность практик была замерена, они были признаны успешными и пригодными к более широкому внедрению.

Список литературы

- Бирюлево, Капотня и другие: топ-5 депрессивных районов Москвы // РИА-Новости. 2013. 05.11. URL: <http://ria.ru/moscow/20131105/974770708.html> (дата обращения: 24.05.2014).
- Варшавер Е.* Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. [М.:] МИСКП, 2014. Доступно на: Московский институт социальных программ. URL: <http://miscp.ru/assets/docs/immigrants-integration.pdf> (дата обращения: 20.11.2015).
- Костенко В.В.* Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3 (74). С. 62–76.
- Полная Капотня — репортаж из района Москвы, который считается самым зловещим // Российская газета. 2011. 16.12. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/kapotnya.html> (дата обращения: 24.05.2014).
- Allport G. W.* The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley, 1954.
- Black and White — Here we are! Available at: European Web Site on Integration. 2012. 27.01. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/black-and-white---here-we-are-and-immigropoly> (last visited on 08.12.2015).
- Chicago: Redrawing voting districts to favour minorities // Cities of Migration. 2011. 09.03. URL: http://citiesofmigration.ca/good_idea/chicago-redrawing-voting-districts-to-favour-minorities-2/ (last visited on 20.11.2015).
- Das TiK-Projekt der Berliner Polizei // Friedrich-Ebert-Stiftung. 2010. 08.10. URL: http://www.fes.de/integration/pdf_2010/101202_weiss.pdf (last visited on 08.12.2015).

- Esser H.* Ethnic stratification and integration // T. Jurado et al. (eds.). Towards Emerging Ethnic Classes in Europe. Vol. 1. Weinheim: Freudenberg Stiftung, 2000. P. 49–84.
- Heckmann F.* Integration and integration policies. Bamberg: IMISCOE Network Feasibility Study, 2005.
- Immigropoly. 2012. 21.07. URL: <http://en.immigropoly2.ittvagyunk.eu/auth> (last visited on 08.12.2015).
- Little N. et al.* Don't judge a book by its cover! The Living Library Organiser's Guide 2011 / Youth Department of the Council of Europe, European Youth Centre, Budapest. URL: <https://www.coe.int/t/dg4/eycb/Source/EYCB%20Living%20Library.pdf> (last visited on 08.12.2015).
- Portes A., Zhou M.* The new second generation: Segmented assimilation and its variants // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1993. Vol. 530. No. 1. P. 74–96.
- Prof. Dr. Friedrich Heckmann. Available at: Universität Bamberg. 2012. 22.11. URL: http://www.efms.uni-bamberg.de/mithec_d.htm (last visited on 04.12.2015).
- The Newspaper Project // European Web Site on Integration. 2011. 20.10. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/the-newspaper-project> (last visited on 08.12.2015).

Сергей Филатов

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ АРЕАЛА ИСЛАМА

Последние два десятилетия Русская православная церковь выступает защитником одновременно и национальных интересов русского народа, и имперских интересов многонационального российского государства («русской цивилизации»). Эти две ценностные ориентации присутствуют и в сознании православных верующих. На таком фоне массовый наплыв гастарбайтеров из ареала ислама вызывает противоречивые реакции, которые нелегко согласовать. В целом средний православный верующий более враждебно настроен по отношению к мусульманам, чем средний гражданин России. В то же время «имперское» направление ставит своей целью включить гастарбайтеров в российскую жизнь. Это направление может выражаться в двух сильно рознящихся вариантах отношения к мигрантам. Один вариант, откровенно либеральный, заключается в чисто гуманитарной поддержке мигрантов безотносительно их веры. Вторым вариантом, ярким представителем которого был протоиерей Даниил Сысоев, убитый исламским террористом, нацелен в перспективе на обращение мигрантов в православие.

Ключевые слова: миграция, РПЦ, патриарх Кирилл, ислам, татары, узбеки, русские, таджики, миссионеры, гастарбайтеры, Александр Егорцев, Даниил Сысоев, протоиерей Всеволод Чаплин, митрополит Иларион (Алфеев), иеромонах Дмитрий (Першин).

Отношение православных верующих и Русской православной церкви (далее РПЦ) к прибывающим в Россию трансграничным трудовым мигрантам представляет собой проблему только тогда, когда оно обращено на представителей народов, традиционно исповедующих ислам или традиционно ассоциируемых с мусульманским вероисповеданием. Дело не столько в том, что «мусульман» среди мигрантов больше, чем немусульман. Хотя по данным ФМС России за 2010 г. 3/5 трудовых мигрантов в России были выходцами

из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Азербайджана, их действительный удельный вес был, скорее всего, меньше половины от общего числа гастарбайтеров из-за сильного недоучета мигрантов с Украины, из Беларуси и Молдовы, которым благодаря их внешнему сходству с русскими было легче найти работу без регистрации [Флоринская, 2013]. Более важно другое: немусульмане — не только украинцы и белорусы, но и молдаване, армяне, грузины — в целом легко адаптируются в русской православной среде и не создают особых проблем ни церкви, ни верующим. Подчас эта адаптация может, помимо прочего, выражаться даже в смене конфессиональной принадлежности. Так, согласно свидетельству архиепископа Тирана, возглавлявшего Армянскую апостольскую церковь (ААЦ) на территории России в 1980–1990-х гг., 70 % проживающих в России армян являются прихожанами РПЦ¹, примерно 10 % — протестанты и католики и лишь 20 % сохраняют верность ААЦ [Архиепископ Тиран... 2005]. При такой глубине адаптации и интеграции какие-то локальные конфликты нечасты, не слишком серьезны, не вызывают громкого общественно-политического резонанса и в любом случае не носят религиозного характера — религия скорее является смягчающим конфликт фактором, а не обостряющим его. Поэтому-то и целесообразно, говоря об отношении РПЦ и православных верующих к мигрантам, сосредоточиться, как это сделано в настоящей статье, на их отношении к мигрантам, маркируемым общественным сознанием как мусульмане, — независимо от того, насколько последние равнодушны или неравнодушны к исламу.

Православный народ перед исламским вызовом

В отношении к мигрантам РПЦ и широких масс православных верующих много противоречивого. РПЦ последние два десятилетия выступает защитником одновременно и национальных

¹ «Некоторые из них (затрудняюсь сказать, сколько именно) считают себя православными и никогда в ААЦ не вернутся. Я знаю о семи священниках РПЦ армянах и одном епископе — Серафиме (Мелконяне). Другие же армяне стали прихожанами РПЦ в силу обстоятельств: из-за отсутствия поблизости наших церквей, из-за недовольства местным священником ААЦ и др. Они продолжают считать себя чадами ААЦ и при благоприятных обстоятельствах к нам вернуться» [Архиепископ Тиран... 2005].

интересов русского народа и, условно говоря, «имперских» интересов многонационального российского государства или «российской цивилизации»². И это позиция не только церковного руководства. Обе ценностные ориентации присутствуют в сознании православных верующих, да и широких кругов общественности. Наплыв гастарбайтеров нередко вызывает не менее противоречивые реакции, которые не так-то легко согласовать, хотя руководство РПЦ умеет сглаживать противоречия, возникающие при следовании двум не всегда сочетаемым идейным ориентирам.

Высшее церковное руководство публично утверждало и утверждает, что РПЦ — защитница русского православного народа, а православие — основа и символ национальной идентичности. Но в его устах это утверждение практически никогда — по крайней мере в публичной сфере (чего, однако, нельзя сказать обо всех епархиальных архиереях) — не сочетается с выражением негативных оценок мусульман или с призывами к каким-либо дискриминационным действиям и ограничениям в отношении мигрантов-мусульман. Однако православный народ приезжих мусульман не любит и без всяких указаний свыше. Данные многолетних опросов показывают, что средний православный верующий более недоверчиво и негативно настроен по отношению к мусульманам, чем средний гражданин России [Фурман, Каариайнен, Карпов, 2007, с. 27–30]. Для верующих русских православных людей в большей степени, чем для неверующих, важна именно религиозная принадлежность гастарбайтеров. В православной среде сильнее распространены страхи перед агрессивным поведением мусульман-гастарбайтеров по отношению к христианам, перед будто бы грядущим «мусульманским засильем», «принуждением» к потере национальной идентичности. И конфликты местных русских жителей с трансграничными трудовыми мигрантами-мусульманами, а также с выходцами с Северного Кавказа верующие православные в большей степени склонны рассматривать как столкновения именно на религиозной почве.

Чаще всего подобные алармистские взгляды находят свое выражение в православных СМИ, не имеющих статуса официальных органов РПЦ. Можно даже сказать, что негативное отношение к мигрантам проявляется тем откровеннее и резче, чем меньше прямых,

² Подробнее см.: [Филатов, 2012].

формальных связей с церковными структурами имеют лидеры некоторых организаций, считающих себя православными, а внутри этих структур — чем дальше противники мигрантов отстоят от руководящих органов патриархии.

Типичным примером подобной алармистской позиции может служить статья известного православного журналиста Александра Егорцева в студенческой православной газете «Татьянин день» [Егорцев, 2011]:

«Коренное население центральной России реально уже задыхается от миграционного наводнения. Перекаत्याющиеся по областям волны приехавших “на заработки” провоцируют новые межнациональные столкновения. Неконтролируемую кавказско-азиатскую миграцию большинство населения начинает ассоциировать с “окупадией”. <...>

Может быть, основные противоречия вызваны, в первую очередь, специфическим поведением самих мигрантов? Среди которых от силы лишь 50% можно назвать “трудовыми”, а остальные 50% — обычная шпана, преимущественно с Кавказа, гошники и закоренелые преступники. И поведение этой шпаны слишком заметно, слишком бросается в глаза коренному населению. Поправки на особенности менталитета горячих горцев — оправдание хилое. Поведение кавказской шпаны вызывает у нормальных людей, законопослушных граждан РФ, уже не раздражение, а лютую ненависть. И, к огромному сожалению, эта ненависть к этнической преступности всё чаще трансформируется в стойкую обиду на “власти”, которые в глазах электората “крышуют” Кавказ. <...>.

Исконно русские земли, без боя и объявления войны, с молчаливого согласия государственных чиновников передаются иным, неславянским народам, отличающимся жестоким менталитетом и враждебностью по отношению к коренному населению. Это не только преступление перед историей. Мина замедленного действия, подложенная в виде современной миграции, уже скоро может рвануть и сотрясти всё государство».

От влиятельных и популярных священнослужителей подобные речи услышишь редко. Но при желании можно найти яркие исключения из этого правила. Дьякон Андрей Кураев и протоиерей Дмитрий Смирнов, например, не боятся сгущать краски. Так, Смирнов в интервью на радио «Радонеж» от 27 мая 2011 г. утверждал, что идет

«процесс вытеснения коренного населения выходцами с юга» и в перспективе у этого населения — утрата языка и культуры, забвение созданного предками. Исправить что-то можно будет лишь в том случае, если «народ наш», осознав, что «его удел — чистить сапоги тем, которые придут после нас и потом переходить на язык тех, кто будет здесь жить», воспротивится такому будущему.

Эта враждебная реакция выражается не только в требованиях прекращения миграции и изгнания иммигрантов-мусульман на родину. В идеологии многочисленных православных военно-спортивных и патриотических клубов и движений заметное место занимает идея сплочения на основе православной веры против иноверческой мусульманской экспансии. Правда, пока собственно православные военно-спортивные и патриотические организации ни разу не были пойманы на участии в каких-либо противоправных действиях по отношению к мусульманам-гастарбайтерам. Их противостояние «оккупантам» — сугубо идейное, они лишь подготавливаются к ответу на исламскую угрозу. Существует, насколько мне известно, только один пример, про который с некоторой натяжкой можно сказать, что православные организованно занялись практическим противодействием агрессивному поведению мусульман-мигрантов. В 2012 г. в Краснодарском крае по воле губернатора Александра Ткачева были созданы казачьи дружины охраны правопорядка³. Назвать православными организациями казачьи дружины в полной мере нельзя, но в идеологии кубанского казачества православный компонент силен. Оценки деятельности этих дружин — противоречивые: согласно одним мнениям, они вполне эффективные защитники правопорядка, согласно другим, — сами нарушают правопорядок⁴. Тем не менее, в связи с усилением террористической угрозы со стороны исламских экстремистов губернатор Кондратьев призвал к созданию еще и казачьих отрядов самообороны [Кондратьев... 2015].

Надо сказать, что постоянно возраставшие среди православных проявления недовольства мигрантами резко пошли на убыль с осени 2011 г., после появления «белоленточного» движения. Осуждение церковным начальством движения за честные выборы и реакция

³ Об их полномочиях см.: [Спектор... 2012].

⁴ Ср., например: [Алексеева, 2013; Казачьи патрули... 2015].

на него «белоленточников», выразившаяся в критике патриарха и духовенства РПЦ, привели к всплеску негативного отношения к «либералам». Наиболее отчетливо своеобразие современного религиозного сознания проявилось в реакции на панк-молебен группы «Pussy Riot» в пустом храме Христа Спасителя 21 февраля 2012 г. Как показали многочисленные опросы, среди православных верующих поднялась широкая волна возмущения «кошунницами». Эта реакция, крайне болезненная и эмоциональная, стала пиком неприязни к либералам с их антиклерикализмом, «оскорблениями религиозных чувств», ювенальной юстицией, терпимостью к гомосексуалистам и порнографии. Ненависть распространилась на всех их без разбора, противодействие им со стороны православных активистов, за которыми порой стояли православные священнослужители, принимало иногда откровенно противоправные формы вплоть до избиений и погромов «кошунственных» художественных выставок и спектаклей [Филатов, 2015, с. 17–22]. Ничего подобного никогда не было по отношению к мигрантам-мусульманам.

Всплеск антилиберальных настроений отодвинул на задний план неприязнь к мигрантам-мусульманам, «болотное движение», а затем кризис на Украине приковали внимание православных, и кампания против мигрантов-мусульман затухла. Это, однако, временное явление — причины антимусульманских настроений никуда не исчезли, опросы показывают, что неприязнь к мусульманам остается на прежнем уровне и никто из тех, кто выступал против наплыва гастарбайтеров, своих взглядов не поменял.

Руководство РПЦ стало не только в России, но и на международной арене одним из ведущих защитников преследуемых христианских меньшинств в странах Ближнего Востока. Если в ходе украинского конфликта Патриарх Кирилл и его ближайшее окружение постоянно стремились удержаться на позициях официального нейтралитета, то в ситуации с сирийским конфликтом РПЦ поддержала военную операцию вооруженных сил РФ полностью и очень эмоционально. С другой стороны, антитеррористическая операция России в Сирии, равно как и наплыв мигрантов в Европу и бесчинства хулиганов из числа беженцев вызывают, как это ни удивительно, очень слабую реакцию в православной среде. Правда, они практически никак не отражаются и на отношении православных к мусульманам-гастарбайтерам.

Православное начальство перед исламским вызовом

В противовес преобладающим среди православного народа враждебным по отношению к мусульманам настроениям, высшее руководство РПЦ к присутствию мусульман в стране относится терпимо. Оно неоднократно выступало с публичными нападками на различные религиозные меньшинства, но никогда — с нападками на ислам. В преамбуле Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» [Федеральный закон... 1997], принятом в результате сильного лоббирования РПЦ, ислам назван одной из традиционных религий России — при том, что РПЦ добилась исключения из списка других христианских конфессий, кроме православия. Это дало мусульманским организациям ряд существенных преимуществ. Исламские лидеры практически во всех регионах вовлечены в различные формы консультирования и сотрудничества с местными властями, представлены на официальном уровне, и духовенство РПЦ успешно сотрудничает с ними.

Терпимость церковного официоза к мусульманам объясняется целым комплексом причин. Церковное начальство учитывает, что положение РПЦ как в республиках Российской Федерации с преобладающим или значительным по удельному весу мусульманским населением, так и в Азербайджане, Казахстане, Средней Азии зависит от политики РПЦ в отношении ислама на территории собственно русских регионов. Но дело не только в этом соображении, а еще и в том, что исламские духовные лидеры придерживается взглядов, во многом идеологически близких взглядам руководства РПЦ. Отношение к Западу, либерализму, государственно-политическому устройству страны если и не во всем идентично, то уж точно не антагонистично. Утверждаемая РПЦ политическая доктрина «русской цивилизации», предполагающая сосуществование многих культур, легко увязывается с присутствием в стране мусульманского меньшинства. Следует к тому же отметить, что обращение православных в ислам — пока явление более редкое, чем переходы в протестантизм и католичество, поэтому ислам не расценивается руководством РПЦ в качестве опасной своей привлекательностью альтернативы православию. Соответственно, с вершин церковного руководства наплыв мигрантов-мусульман воспринимается иначе, чем большинством православного народа и приходского духовенства.

Проблемой собственно трудовой миграции патриархия озаботилась в начале 2010-х гг. Патриарх Кирилл, выступая 20 декабря 2013 г. на Епархиальном собрании Москвы, следующим образом проанализировал конфликтную ситуацию между мигрантами-мусульманами и русским православным населением⁵:

«В связи с увеличением в Москве числа мигрантов и внутренних переселенцев — преимущественно уроженцев Средней Азии и Кавказа — возросла опасность возникновения конфликтов на межнациональной почве. Среди мигрантов немало носителей радикальных взглядов, причем вербовка их в экстремистские и террористические организации подчас происходит непосредственно в столице». Патриарх также указал на активизацию экстремистской пропаганды в среде славянской молодежи, в том числе в средних и высших образовательных учреждениях, местах заключения, спортивных кружках, социальных сетях. В то же время он обвинил «околоисламских радикалов», число которых в столице составляет «десятки тысяч», в том, что они «провоцируют конфликты на национальной и религиозной почве с целью повышения градуса исламофобии, следствием чего является приток новых членов в их организации». Он добавил, что «известны случаи, когда в мечетях или рядом с ними проводится вербовка людей в экстремистские организации». По мнению Его Святейшества, «именно такого рода деятельность создает у местных жителей протестное отношение к строительству мечетей. <...> Мы склоняем головы перед подвигом тех мусульманских религиозных деятелей, которые погибли, оберегая своих верующих от влияния экстремистов, но знаем, что есть и другие, которые не видят или не хотят видеть смертельной опасности в навязывании российским мусульманам, и не только мусульманам, идей “джихада с неверными”, понимая под “неверными” в том числе и православных, то есть большинство коренных жителей». Патриарх напомнил о межнациональных конфликтах, в том числе закончившихся трагически, отметив, что «внутри этих конфликтов бушуют страсти, контролировать которые непросто». В заключение он призвал православных как людей, имеющих «духовный опыт борьбы со страстями, не поддаваться негативным эмоциям, особенно когда конфликты искусственно спровоцированы, а по возможности хранить мирный дух».

⁵ Здесь и далее по: [Святейший Патриарх... 2013].

Очевидно стремление патриарха к взвешенным оценкам: он обвиняет не всех мигрантов, всех мусульман, а лишь экстремистов, он осуждает не только приезжих, но и православных, не сохранивших «мирный дух». От руководителей РПЦ можно услышать и еще более либеральные по духу высказывания по поводу мусульман-мигрантов. Так, второй человек в иерархии РПЦ, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, выступая на телеканале «Вести-24» 5 июля 2014 г. в передаче «Церковь и мир» [Митрополит Волоколамский... 2014], сказал следующее:

«Россия создавалась на протяжении веков именно как многонациональное государство. Это очень опасная тенденция, когда начинают говорить: “Давайте оставим Москву для москвичей — здесь слишком много приезжих, давайте выгоним так называемых гастарбайтеров”. В этом кроется большая опасность, потому что представители русского народа как бы теряют способность принимать других людей. Они начинают чувствовать себя уязвимыми. Они чувствуют угрозу в том, что кто-то может прийти и посягнуть на их Отечество. Это уже не истинный, а ложный патриотизм. Это, по сути дела, эгоистическое стремление оставить свое Отечество только для себя, закрыв его для тех, кто пожелает считать его и своим домом».

РПЦ в служении гастарбайтерам

В 2012 г. РПЦ начала систематическую работу среди гастарбайтеров. Координация этой работы возложена на Миссионерскую комиссию при Епархиальном совете города Москвы. Глава Комиссии иеромонах Дмитрий (Першин) даже объявил работу с трудовыми мигрантами приоритетом 2013 г. Цель комиссии — способствовать интеграции мигрантов в русскую культурную среду. Комиссия сотрудничает с Федеральной миграционной службой, разработала ряд программ, апробированных и действующих в настоящее время. В частности, это языковые курсы, обучение основам культуры и законодательства Российской Федерации, экскурсии и беседы с мигрантами, выпуск различной просветительской литературы на русском языке с параллельным переводом текстов на языки народов Средней Азии. Ибо, по мнению отца Дмитрия [Научно-практический... 2014],

начинать интеграцию человека, приехавшего в Россию на заработки, нужно посредством его знакомства с духовным и культурным наследием России, через русский язык, литературу, изобразительное искусство и киноискусство. Первоочередная задача тех, кто занимается адаптацией трудовых мигрантов, — показать богатейшую культуру России и тем самым вызвать уважение к традициям, вере и культуре русского народа.

В сотрудничестве с ФМС осуществляется церковно-общественный проект «Просвещение: языковая и культурная адаптация мигрантов». В июле 2014 г. руководитель Службы региональных связей Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества М. В. Паршин сообщил, что за время осуществления проекта в шести пилотных регионах при поддержке епархий РПЦ русскому языку, основам законодательства и истории России было обучено 724 трудовых мигранта. Кроме того, в тех же 2012–2014 гг. в некоторых провинциальных приходах имели место различные, как правило скромные, инициативы, направленные на поддержку мигрантов. Так, в Тамбовской и Оренбургской митрополиях местное духовенство проводило беседы с мигрантами, проживающими в адаптационных центрах, и организовало для них несколько культурных мероприятий [Состоялось пятое... 2014].

Резкий поворот руководства РПЦ к поддержке гастарбайтеров выглядел неожиданно и не очень вязался с ее сложившимся образом. Видимо, поэтому протоиерей Всеволод Чаплин, бывший до недавнего времени председателем Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, представил помощь трудовым мигрантам-иноверцам обычным для РПЦ делом [«Комментарий недели»... 2014].

Взявшись за социальное служение мигрантам, РПЦ совершила дальновидный шаг. Эта работа подрывает критику в адрес РПЦ в распространении ксенофобии, вызывает лояльное отношение к ней гастарбайтеров и одобрение властей. Чаплин очень четко обозначил стоящую перед РПЦ гуманитарную и социально-политическую цель [«Комментарий недели»... 2014]:

«Наша работа с мигрантами — это забота о том, чтобы в нашем обществе не возникало дополнительных очагов напряженности, в том числе по признаку национальности или религии. Наша работа с мигрантами — это забота о людях, которые приехали сюда, по крайней мере, в значительной своей части, для того, чтобы здесь жить

и работать. И обеспечить мирное вхождение их в наше культурное и социальное поле — это забота в том числе и о самих себе. О том, чтобы наше общество при всех новых для него факторах, в том числе при значительном количестве людей, которые приезжают извне, всегда оставалось мирным и гармоничным».

Хотя руководство церкви не предпринимало каких-либо существенных действий против православных активистов, выступающих против наплыва мигрантов, декларация терпимости и лояльности к мигрантам сама по себе послужила одним из факторов, ослабивших до некоторой степени антимусульманские настроения среди православной общественности. В то же время представители церковного официоза, несмотря на новый курс по отношению к мигрантам, не отрекаются от тех, кто пытался их остановить. В отличие от идейных конструктивистов, нередко сбивающихся на сугубо промигрантскую позицию, руководство РПЦ полагает, что ответственность за исход взаимодействия между мигрантами и принимающим населением лежит на обеих сторонах. В том же выступлении Чаплин заявил:

«Мы можем и должны сказать людям, приезжающим сюда, о том, как устроена православная семья, почему для нее важны те или иные нравственные принципы, как устроена трудовая этика в русском народе, что из себя представляют правила поведения в публичных местах, как относиться к женщине, как относиться к животным. Всё это должны знать люди, которые приезжают сюда, для того чтобы понимать душу нашего народа. Для того чтобы, помимо прочего, знать: вежливость и мягкость в отношениях с разными людьми, в том числе с приезжими, не означают слабости или беспринципности. Эти вежливость и мягкость означают прежде всего, что люди воспитаны в духе доброго и предупредительного отношения к другим и от других того же самого ожидают. И, конечно, не стоит удивляться, если те, кто пренебрегают или злоупотребляют определенными свойствами характера нашего народа, вдруг сталкиваются с жестким сопротивлением».

Полюса интеграционной политики РПЦ

Условно названная мной «имперской», интеграционная политика может принимать две крайние формы.

Во-первых, откровенно либеральную форму, заключающуюся в чисто гуманитарной поддержке мигрантов безотносительно их

веры. Многие либералы, в том числе правозащитники и общественные деятели, считают себя православными, хотя и не связывают себя лояльностью церковному официозу. Для самосознания людей этой ориентации православие — это гуманистическое мировоззрение, противостоящее и исламскому, и христианскому фундаментализму. Несмотря на свою малочисленность, они заметны в СМИ и политической жизни. Во-вторых, принципиально миссионерскую форму, предполагающую использование социальной работы с мигрантами-мусульманами в качестве средства обращения мусульман в православие. Официальная позиция РПЦ заключается в ненавязчивом, необязательном миссионерстве. Вот как это было сформулировано Чаплиным в уже цитировавшемся телевыступлении:

«Конечно, в Россию и в другие страны православной культуры приезжают сегодня самые разные люди, и нельзя вовсе исключить, что многие из них примут Святое Православие. Не нужно отторгать их от возможности принять нашу веру. Не нужно разворачивать только такие инициативы, в которых сознательно было бы опущено любое упоминание о том, почему в центре московского Кремля стоят соборы, почему в наших храмах есть иконы, почему мы празднуем Пасху или Рождество. Более того, есть значительное количество людей, которые на самом деле находятся в религиозном поиске и, возможно, ждут того, что им будет сказано что-то очень важное, что-то, что могло бы изменить их жизнь» [«Комментарий недели»... 2014].

Предпринимаются и не очень агрессивные миссионерские действия — например, распространяются Евангелия на родных языках гастарбайтеров. В частности, в 2014 г. при участии Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г. Москвы была подготовлена к изданию Библия на узбекском языке [В Русской церкви... 2014].

Возможно, однако, и активное миссионерское направление, ставящее своей целью обратить мигрантов в православие. Наиболее ярким его представителем был протоирей Даниил Сысоев, убитый исламским террористом в 2009 г. Формы миссионерства у священника Даниила Сысоева были весьма многообразными. Периодически им проводились религиозные диспуты между православными и мусульманами, на которых отец Даниил выступал главным апологетом православия. В деревянном храме св. апостола Фомы, построенном у станции метро «Кантемировская», и в домовом храме Православной

гимназии «Ясенево», настоятелем которого является отец Даниила — священник Алексей Сысоев, стали служиться специальные молебны об обращении «заблудших мусульман и иных еретиков». При храме апостола Фомы был организован православный миссионерский центр по работе с мусульманами, проводятся огласительные миссионерские беседы об основах Православия, дискуссии на тему «Как привести мусульманина ко Христу» [Священник... 2007]. Там же, рядом со станцией метро «Кантемировская», было начато строительство каменного храма пророка Даниила на две тысячи прихожан и комплекса зданий миссионерского центра. Храм, строительство которого после гибели о. Даниила превратилось в нескончаемый долгострой, задуман как культурно-миссионерский центр для обращения не только татар, но и мусульман вообще. При нем планировалось организовать азербайджанскую, узбекскую, таджикскую и другие национальные общины мусульманских народов, значительное количество представителей которых проживает в Москве [Емельянов, 2006].

По мере распространения Интернет-технологий о. Даниил Сысоев и его последователи брали на вооружение новые виды проповеди, организовывали новые формы миссии. В частности, было создано виртуальное миссионерское братство св. Амира Иерусалимского, под идеологическим кураторством о. Даниила заработала православная информационная служба св. Ахмеда Калфы⁶, ориентированная на освещение православно-исламских отношений. В ответ на появление исламских так называемых компьютерных обращалок — специальных опций на исламских сайтах, предлагающих принять ислам по Интернету, осенью 2006 г. на сайте информационной службы св. Ахмеда Калфы был введен виртуальный чин отречения от ислама. Пользователю предлагалось, назвав свое имя, ответить на вопрос, отрекается ли он от «веры магометан и ее лжемудрствований» и «оставляет ли ее всесовершенно». В следующих диалоговых окнах предлагалось отречься от Мохаммада как лжепророка, от веры в Коран и Сунну и от других «заблуждений магометанства». Затем отрешаему предлагалось ознакомиться, также на сайте, с основами новообретенной религии. Данный линк получил широкое распро-

⁶ Св. Амир (Омир) Иерусалимский и св. Ахмед Калфа (Писец) — мусульмане, принявшие христианство и публично о том возвестившие, за что были казнены бывшими единоверцами [Священник... 2016].

странение через сообщество блогеров «Живого журнала» — среди русских мусульман и интересующихся исламом [Интернет-сайт... 2006]. Позже формулировки отречения были смягчены, а еще позже Интернет-опция вообще перестала действовать⁷. Некоторое время на сайте была размещена информация о том, что благодаря этой странице от ислама отреклись 1479 человек. Достоверно известно примерно о ста мусульманах, обратившихся в результате миссионерской практики о. Даниила в православие. В основном это этнические татары, но есть среди них и таджики, и узбеки, и даже пакистанец из числа бывших ваххабитов [Кнорре, 2012].

Заключение

Как можно суммировать разнообразные тенденции, прослеживаемые в отношении православных к мусульманам-мигрантам? Большинство православных относятся к ним с большей неприязнью, чем остальное население страны. Руководство РПЦ предпринимает заметные меры по смягчению напряженности и интеграции мигрантов в российское общество. Также в РПЦ заметны настроения в пользу активной православной миссии среди мусульман.

Основная масса мигрантов-мусульман в Россию до сих пор находится в сложном бытовом и экономическом положении, из-за чего не проявляет заметной религиозной активности. Зримое подтверждение этому — присутствие в Москве больших масс мигрантов на богослужении в мечетях только на двух основных праздниках: Ураза-Байрам и Курбан-Байрам. В 2012 г. социологическим центром «Среда» были опрошены 400 мигрантов из Средней Азии, стоявших в очередях в отделения ФМС. Помимо прочего, они отвечали и на вопрос, как часто посещают мечеть, и выяснилось, что регулярно это делают 8% мигрантов из Узбекистана, 9% мигрантов из Кыргызстана и 21% мигрантов из Таджикистана. В то же время подавляющее большинство мигрантов считают себя мусульманами и резко негативно относятся к тому, что их дети «будут как русские» или примут православие [Презентация по итогам... 2013].

По всей видимости, новую мусульманскую диаспору в России ждет та же эволюция, что мусульманские диаспоры Запада. Вслед

⁷ В настоящее время сайт недоступен.

за латентными мусульманами следующие поколения (в основном даже не дети, а внуки и правнуки нынешних переселенцев) составят основу сплоченных и активных джааматов, в которых будут присутствовать не только умеренные «традиционные» мусульмане, но и заметное число экстремистов.

Список литературы

- Алексеева А.* Офонаревший патруль. Краснодарские казаки в ходе рейда избил человека светильником // Новые известия. 2013. 08.03.
- Архиепископ Тиран (Кюрегян).* Наши священнослужители должны так воспитывать паству, чтобы ни одному русскому даже в голову не могло прийти сказать: «армяне — жулики, армяне — воры, армяне — бандиты». Интервью архиепископа Тирана Сергею Филатову // Keston Institute. Russian Review. 2005. Edition 6: Ноябрь. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition06/02Tiran.html (last visited on 08.01.2016).
- В Русской церкви готовят издание Библии на узбекском языке // Интерфакс-Религия. 2014. 05.06. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=55529> (дата обращения: 10.01.2016).
- Егорцев А.* Призрак ксенофобии, или Шизофрения толерантности // Татьянин день. 2011. 18.08. URL: <http://www.pravoslavie.ru/48152.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- Емельянов В.* Направленность православной миссии — ислам. В московском подворье Оптиной пустыни прошла конференция православных татар Москвы // Credo.Ru. 2006. 05.01. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=39419&type=view>. (дата обращения: 08.01.2016).
- Интернет-сайт братства св. Амира Иерусалимского предлагает пользователям-мусульманам отречься от своей религии и только потом познакомиться с православием // Credo.ru. 2006. 27.11. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=49530> (дата обращения: 08.01.2016).
- Казачьи патрули помогли раскрыть и предотвратить 380 преступлений // Портал исполнительных органов государственной власти Краснодарского края. 2015. 20.01. URL: www.krasnodar.ru/content/2/show/232726/ (дата обращения: 16.01.2016).
- Кнорре Б. К.* Трагедия одного миссионера, нон-конформиста и гуманиста как индикатор расстановки радикалистских сил в России // Религия и российское многообразие. М.—СПб.: Летний сад, 2011. С. 424–442.
- «Комментарий недели» прот. Всеволода Чаплина. Участие церкви в обучении и интеграции эмигрантов // ТВ-Союз. 2014. 31.05. URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/kommentariy-nedeli-prot-vsevoloda-chaplina5> (дата обращения: 10.01.2016).

- Кондратьев: В ответ на беспредел в Европе на Кубани появятся отряды самообороны // Форум Кубани.ру. 2015. 21.11. URL: http://forums.kuban.ru/f1476/kondratev_v_otvet_na_bespreedel_v_evrope_na_kubani_poyavyatsya_otryady_samooborony-7334118-2.html (дата обращения: 15.01.2016).
- Максимов Георгий (Юрий), священник. Религия креста и религия полумесяца // Православная библиотека. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Maksimov/religija-kresta-i-religija-polumesjatsa/ (дата обращения: 08.01.2016).
- Максимов Георгий (Юрий), священник. Добрые вести православия: итоги 2006 года // Православие.ру. URL: <http://www.pravoslavie.ru/700.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- Митрополит Волоколамский Илларион (Алфеев): «Для человека естественно любить свое Отечество» // Православие.ру. 2014. 09.07. URL: <http://www.pravoslavie.ru/72104.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- Научно-практический семинар по вопросам адаптации трудовых мигрантов прошел в Москве // Летопись епархиальной жизни. Официальный сайт Московского Патриархата. 2014. 04.06. URL: <http://eparchia.patriarchia.ru/db/text/3667712.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- Презентация по итогам опроса трудовых мигрантов // Среда. Исследовательская служба. 2013. 19.07. URL: <http://sreda.org/2013/prezentatsiya-ro-itogam-oprosa-trudovyih-migrantov-ppt/26224> (дата обращения: 08.01.2016).
- Святейший Патриарх Кирилл призвал православных христиан хранить мирный дух в условиях межнациональных конфликтов // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 2013. 23.12. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3453287.html> (дата обращения: 09.01.2016).
- Состоялось пятое заседание Совместной комиссии Русской Православной Церкви и Федеральной миграционной службы Российской Федерации // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 2014. 04.07. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3682420.html> (дата обращения: 09.01.2016).
- Спектор С. Казаки — разбойники или право имеют? // Интернет-газета «Бумага». 2012. 29.11. URL: paperpaper.ru/paperlaw4-kazaki/ (дата обращения: 15.01.2016).
- Федеральный закон от 26.09.97 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» // Российская газета. 1997. 01.10.
- Филатов С. Безопасность в социальной доктрине и практической политике Русской православной церкви // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур. Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г. / Отв. ред. С. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 107–127.

- Филатов С.* Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // Монтаж и демонтаж секулярного мира / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2014. С. 9–41.
- Флоринская Ю.* Масштабы трудовой миграции в Россию // Российский совет по международным делам. 2013. 13.09. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top-content (дата обращения: 08.01.2015).
- Фурман Д., Каарийнен К., Карпов В.* Религиозность в России в 90-е гг. XX — начале XXI века // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарийнена и Дм. Фурмана. М.—СПб.: Летний сад, 2007. С. 6–87.

РАЗДЕЛ III
**ВОСТОК НА ЗАПАДЕ:
С РАЗНЫХ «ВОСТОКОВ»
С РАЗНЫМИ ЦЕЛЯМИ**

Екатерина Деминцева

УЧИТЬСЯ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ: АФРИКАНСКАЯ ЭЛИТА ВО ФРАНЦИИ¹

Сегодня можно встретить немало африканцев, закончивших европейские вузы и стоящих перед выбором: вернуться на родину или остаться в Европе? Для многих выбор очевиден: остаться. Прожив в европейской стране несколько лет, они больше не приемлют отношения, существующие у них на континенте, касается ли это политики, экономики или же повседневной жизни. Почему их родители, которые тоже были студентами европейских вузов в середине прошлого века, стремились вернуться в Африку, тогда как нынешнее поколение утверждает, что для них самих и их детей возможна жизнь лишь в европейском обществе? Что заставляет молодых людей из стран Африки отказываться идти по стопам родителей и быть готовыми начинать всё с нуля ради того, чтобы остаться в Европе? И что является определяющим в этом выборе — годы обучения в другой стране, позволившие им увидеть другой мир, непохожий на тот, в котором они родились, или же то политическое и экономическое состояние африканских государств, возвращаться в которые у молодых образованных людей нет желания?

Ключевые слова: миграция, Европа, Франция, Африка, элита, образование, «утечка мозгов», обучение студентов за рубежом.

Воспитание «в европейских традициях»

Франция не одно десятилетие является местом учебы африканцев, в основном выходцев из ее бывших колоний. Впервые африканские студенты появились в стране после Первой мировой войны, и тогда же Альбер Сарро в книге «Придать значимость французским колониям» [Sarraut, 1923] заговорил о необходимости формирования

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г. Публикацию на французском языке см.: [Demintseva, 2014].

образованных африканских элит и об их возможном участии в административной системе во французских колониях в Африке.

Первых африканцев, учившихся во Франции, можно буквально пересчитать по пальцам, но именно эта группа студентов положила начало движениям, определившим впоследствии судьбу Черной Африки. «Мы видим в Париже пионеров первой африканской интеллигенции в изгнании: 63 студента в 1926 г. — это мало, но этот костяк молодых людей заложил в Париже в период между двумя войнами основу политических и культурных организаций» [Dewitte, 1989, p. 160]. Франция стала для молодых африканцев отправной точной в их будущей политической карьере, которую они так или иначе связывали со своими странами. «В Париже между двух войн были рождены первые негритянские интеллектуальные и политические движения, разделявшие противоположные подходы: революционные, близкие движению коммунистов, и ассимиляционистские, сторонники которых настаивали на равенстве между колонизатором и колонизируемым, не ставя под сомнение саму колонизаторскую модель» [Dewitte, 1994, p. 320].

После Второй мировой войны во Франции учреждают стипендии для студентов из французских колоний в Африке, и количество африканцев, приезжающих для учебы в университетах метрополии, растет с каждым годом. В 1945–1960 гг. практически все студенты после получения диплома возвращались в свои страны. «Еще не ставился вопрос о том, чтобы заменить ими французских чиновников: для этого нужно было иметь французское гражданство или быть гражданином ассимилированного департамента Франции, такого как Сенегал...» [Soquery-Vidrovitch, 2002, p. 32]. Тем не менее, поскольку молодых африканцев, получивших образование, было мало, они получали должности в административно-политических структурах своих стран. «Африканские студенты, количество которых резко увеличилось — с 2942 в 1950 году до 7499 в 1955, сыграли важную роль в отделении колоний от метрополии. Объединившись в Федерацию африканских студентов во Франции (FEANF — Fédération des étudiants africains en France) они иногда противостояли своему старшему поколению, которое осуждали <...> Большинство лидеров этого движения покинуло Францию в 1960-е гг., чтобы занять руководящие посты в своих странах или же создать оппозиционное движение» [De l'Afrique... 2011, p. 24–25].

После обретения африканскими странами независимости перед новыми государствами встал вопрос нехватки профессиональных кадров, способных работать в органах власти, занимать все те посты, что ранее предназначались для европейцев. Поэтому одним из первых решений независимых государств стало создание программы по подготовке кадров и выдача стипендий для обучения местной молодежи за границей. Со своей стороны, Франция взяла на себя ответственность за судьбу своих бывших колоний: было увеличено количество стипендий для обучения в университетах страны выходцев из Африки, и с 1960-х гг. численность африканских студентов стала быстро расти.

В 1960–2000 гг. появились работы о мигрантах, в первую очередь о мигрантах из Мали, которые и сегодня являются «лицом» африканской иммиграции из стран Тропической Африки во Франции. В них поднимались две основные темы: повседневная жизнь рабочих-африканцев — с акцентом на изучение так называемых «малийских обществ» [Barou, 1978; Daum, 1998; Manchuelle, 2004; Timera 1996]; и жизнь африканских семей, из которых вышли мигранты, а также влияние миграции на традиции африканского общества [Boudimbou, 1991; Poirer, 1996; Quiminal, 1991]. При этом вплоть до 2000-х гг. в работах об иммигрантах из Черной Африки во Франции объектом исследования были представители бедных слоев африканского общества, преимущественно выходцы из деревень, приезжавшие в надежде найти работу и обеспечить семью, оставшуюся на родине.

Тема присутствия во Франции африканских интеллектуалов звучит в работах Филиппа де Витта, посвященных так называемой *vague nègre* (негритянской волне), нахлынувшей после 1918 г. [Dewitte, 1989; 1994]: первым африканским и антильским студентам, негритюду, а также чернокожим артистам и музыкантам из США, имевшим большой успех в Париже перед Второй мировой войной. К пятидесятилетию создания в Университетском городке Парижа Дома заморских территорий Мишель Сот выпускает сборник статей «Африканские студенты во Франции 1951–2001» [Sot, 2003]; сборник включает материалы нескольких круглых столов, посвященных юбилею, а также воспоминания африканистов о первых постколониальных годах. Также в начале 2000-х гг. Абдулае Гэе публикует книгу [Gueye, 2002] и серию статей, рассказывающих об истории появления во Франции африканских интеллектуалов и их влиянии на культуру Франции в XX в.

Тем не менее, миграции из Черной Африки французскими учеными до сих пор уделяется заметно меньше внимания, чем миграции из Магриба. Как отмечают Лилиан Кучински и Элоди Рази, само понятие «миграция во Францию» как в научной, так и в общественной среде ассоциировалось скорее с магрибинцами. Массовый миграционный поток из Северной Африки и сопутствующие этому явлению проблемы, вставшие перед французским обществом, — вопросы интеграции, влияние ислама — отодвинули на второй план темы, связанные с пребыванием в стране африканцев из стран южнее Сахары [Kuczynski, Razy, 2009]. Что же касается темы присутствия детей африканской элиты и среднего класса, изначально приехавших во Францию для получения образования и оставшихся в ней жить, то она исследована просто недостаточно, хотя именно эти молодые люди являются сегодня одними из наиболее активных представителей африканской миграции.

Исследование «невозвращенцев»

В 2010–2012 гг. я проводила исследование в Париже и его пригородах, целью которого было понять, кто такие мигранты из Черной Африки. Их можно увидеть работающими на стройках, охранниками в магазинах, нянями — но также преуспевающими менеджерами и банкирами. В последние годы французские социологи говорят об изменении профиля африканской иммиграции: если в середине 1960–1980-х гг. в страну приезжали в основном неграмотные крестьяне, нанимавшиеся на работу на большие предприятия и стройки, то сегодня можно говорить о появлении нового типа иммигранта. Как отмечает социолог Жак Бару, «среди выходцев из субсахарской Африки в возрасте от 30 до 49 лет большой процент людей, не имеющих дипломов (34%), и самый высокий среди мигрантов процент тех, кто имеет дипломы о высшем образовании (27%)» [De l'Afrique... 2011, p. 36].

Исходя из материала, собранного на стадии разработки темы, и из бесед с коллегами и друзьями, я решила развивать исследование по двум направлениям. С одной стороны, провести несколько интервью и фокус-групп в «малийских общежитиях» — местах обитания африканцев, приехавших на заработки и несколько лет живущих во Франции; с другой — взять полужурналистские интервью у тех, кто приехал учиться и затем остался. С результатами исследования в рамках первого направления можно ознакомиться в статье,

опубликованной в 2012 г. [Demintseva, 2012]. Здесь же я расскажу о результатах исследования по второму направлению. Я рассматриваю именно «невозвращенцев», их образовательные и карьерные стратегии и пытаюсь понять, почему многие из них остаются во Франции.

Проведенные в 2011 г. интервью позволили мне проследить истории жизни мигрантов вплоть до сегодняшнего дня, а также узнать об их взаимоотношениях с родителями, оставшимися на родине, и с принимающим обществом. Выбор респондентов был случайным — многих рекомендовали мои друзья, затем я по цепочке общалась с приятелями первых моих собеседников. Чаще всего моими собеседниками были мужчины и женщины в возрасте от 30 до 40 лет (несколько человек — от 40 до 50), живущие в Париже и его пригородах. Эта возрастная группа как нельзя лучше подошла для задуманного мной исследования, поскольку многие из тех, с кем я общалась, ко времени нашей беседы «определились в жизни»: все знали, в какой стране будут жить; практически у всех были семьи, у многих дети; многие также определились с местом работы / направлением деятельности. Кто-то имел хорошую работу, кто-то перебивался временными заработками и до сегодняшнего дня опирался на социальную помощь государства; но выбор места жительства (квартала, дома, квартиры) практически для всех был не случайным, а следствием цепочки событий, произошедших с ними за несколько лет.

Всего было проведено 18 интервью с бывшими студентами, а ныне обитателями Парижа и его предместий. Продолжительность каждого интервью варьировалась от двух до трех часов. Со многими мы продолжали разговор и после «официального» отключения диктофона, и впоследствии я делала по памяти записи этих неформальных бесед. Во время нескольких интервью к беседе присоединялись коллеги и друзья моих респондентов, тоже выходцы из стран Африки.

Отрывки из моих бесед с респондентами приводятся далее курсивом с обозначением каждого респондента инициалом и с указанием места беседы.

Новая эпоха — новые студенты

Молодые люди, о которых идет речь в статье, заметно отличались от остальных африканских мигрантов. Отличия давали о себе знать уже при выборе ими места для наших бесед — некоторые назначали

встречи или у себя в офисе, либо в кафе в «буржуазных» районах Парижа: около Елисейских полей или в районе площади Сен-Жермен-де-Пре. Отличия проявлялись и в историях их жизни: в них неожиданно возникал то папа — бывший министр, то друг — сын президента одной из африканских стран... Исторические перипетии стран, откуда они родом, переплетались с историями жизни их семей. Будучи детьми африканской элиты или сформировавшегося за годы независимости среднего класса, многие из них пережили государственные перевороты и войны, экономические кризисы и этнические конфликты, порой даже становились их непосредственными участниками.

Франция на протяжении всей их жизни была частью истории их семей. Их родители были студентами-африканцами, получившими в ней образование в первые годы независимости или незадолго до нее. Вернувшись на родину, они заняли обещанные им правительствами их стран места в администрации, а также в представительствах иностранных компаний и в лучших клиниках, создали собственные фирмы. Одни влились в политическую элиту своих стран, другие стали, по заверениям моих собеседников, «редкими представителями африканского среднего класса». Родители многих из тех, кого я опрашивала, познакомились во время учебы во Франции, их первые дети родились во Франции же. В большинстве случаев и отец и мать по возвращении на родину выстраивали свою собственную карьеру, за детьми же следили няни, а за домом — прислуга.

Вернувшись в Африку, родители получили то, на что рассчитывали: престижную работу, хороший дом, обеспеченную жизнь. Так, проработавший три года в ординатуре во Франции выпускник-африканец с европейским дипломом в Африке сразу мог претендовать на должность главного врача клиники, как это было с отцом одного из моих собеседников, приехавшего из Камеруна. «Европеизированных» африканцев, знающих специфику отношений и культурные особенности своих стран, с удовольствием нанимали и международные корпорации. У меня было несколько собеседников, чьи родители в течение многих лет работали на такие корпорации в разных африканских странах.

На начальном этапе независимости в странах Африки стали открываться первые государственные университеты, и в них на должности профессоров приглашали молодых африканцев с европейским высшим образованием, предоставляя им достойные зарплаты

и множество благ. По свидетельству русской жены профессора из Кот-д'Ивуара, с которой мы беседовали в Москве в 2011 г., ее муж, защитивший диплом по философии в Москве, приехав в 1970-х гг. на родину, сразу стал профессором в Университете Абиджана. Вдобавок им дали большую полностью обставленную квартиру с видом на море. Жалованья профессора хватало на то, чтобы обеспеченно жить впятером; дети могли учиться в частной школе и ездить на каникулы в СССР, затем в Россию и во Францию.

Все мои собеседники провели детство в новых благоустроенных домах в престижных кварталах африканских столиц и посещали престижные школы и лицеи, созданные еще при колониальном режиме для детей местной французской администрации. В этих же классах учились и «белые» — дети работавших в стране специалистов и дипломатов. По заверению многих собеседников, только приехав во Францию, они впервые поняли, что они «черные»; до этого они не отделяли себя от «белых» одноклассников, так как жили с ними в одном квартале, ходили в одну школу, их родители работали в одной компании. «Там, в Африке, это я была “белой”», — делилась со мной живущая в Париже иммигрантка из Камеруна. Многие, рассказывая о своей жизни на родине, подчеркивали, что они были привилегированными детьми, детьми «элиты».

Одним из первых собеседников, встреченных мной во Франции во время исследования, был С., друг моего французского приятеля. Его родители были из Камеруна и, как рассказал С., *тоже учились во Франции. Они там и познакомились. Потом вернулись. Нас пятеро детей, и все уехали из Камеруна. У отца с 1974 года своя инженерная фирма. У нас в Камеруне три дома — два в городах и один в деревне. Наша семья хорошо там живет* (г. Робинсон). В 1993 г. родители отправили его во Францию, где сначала он жил у своего дяди, в пригороде Парижа, городе Мэзон-Альфрор. Однако его не устраивала жизнь с кузенами, которые, по его словам, учебе предпочитали улицу, тогда как он учился в университете, а в свободное время был вынужден подрабатывать частными уроками, чтобы прокормить себя. Поэтому он переехал к своим друзьям-африканцам, чьи родители купили им квартиру в том же пригороде. Обстановка у друзей его устраивала больше — все они также провели детство в Африке, закончили там школы, а затем приехали во Францию. Как сообщил тот же С., в Камеруне он *учился в самом престижном лицее. Там давали очень хорошее*

образование. (По признанию некоторых моих собеседников, лицеи, в которых они учились в Африке, были даже лучше тех, в которых учились их кузены на окраинах Парижа. — Е.Д.) Я приехал в Париж, чтобы учиться на инженера. У меня не было стипендии, я зарабатывал частными уроками математики для старшеклассников, готовил их к экзаменам.

Друзья-камерунцы, с которыми жил С., провели долгие годы в Нигерии, где работали их родители, также учились в лучших школах этой страны, а затем перевелись во французские лицеи. В трехкомнатной квартире на первом этаже небольшого жилого комплекса для среднего класса их жило несколько человек (братья и сестры): все молодые люди учились, деньгами им помогали родители, но этого не хватало, поэтому все подрабатывали. Сегодня С. живет недалеко от Медона в купленной им квартире с женой и тремя детьми.

Мои друзья в основном все камерунцы. Это мои школьные друзья. Мы все здесь остались. Встречаемся каждую первую пятницу месяца. Нас человек пятнадцать, плюс жёны. Да, это можно назвать коммунизмом. Да, я живу в своем сообществе. Мне в нем комфортно. И я знаю, что сегодня на вечеринке мы будем обсуждать Кот-д'Ивуар, а в следующем месяце — предстоящие выборы в Камеруне. Моя жизнь неразрывно связана с Камеруном. Каждое Рождество мы туда летим всей семьей. Потому что на Рождество во всем мире каникулы, мы приезжаем из всех уголков мира. Из Франции, Штатов, Канады. Мы все дружили в детстве. Мы все ездим друг к другу — в Америку, Германию.

Из пятидесяти человек, закончивших в 1993 г. в Камеруне школу вместе с С., только двое остались в стране. Остальные разъехались по всему миру. Все его братья и сестры также живут за границей.

Собирался ли я изначально остаться? Нет. Я жил у своих родственников в Мезон Альфор. Сначала я был в подготовительных математических классах. У меня было мало денег... Я себе тогда говорил: закончу учиться — обязательно вернусь домой, здесь мне всё не нравится. Но потом я переехал, стал учиться, подрабатывал. У меня появилась подружка, моя будущая жена (она родилась во Франции, ее мать француженка, отец из Камеруна. — Е.Д.). Когда я заканчивал учебу, у меня уже были предложения работать в Камеруне. Но я не поехал. Во-первых, я понимал, что если уеду, то потеряю свою девушку. Во-вторых, мне было неприятно, что в договоре со мной, с камерунцем,

прописывалась зарплата в три раза меньшая, нежели чем с французом. Я был местным. И меня нанимали как местного.

Мой двоюродный брат дал мне на первое время (после окончания университета. — Е.Д.) денег, и я стал искать работу. Мне удалось ее найти довольно быстро. Я думал, что это на год-два — пока моя подружка не закончит учебу. Но потом и она нашла работу. Мысль об отъезде всё реже стала меня посещать. Уже несколько лет у меня своя фирма, я открыл недавно еще одну, которая работает и в Камеруне, но я управляю ею отсюда. Я теперь не хочу наниматься, чтобы работать на кого-то. Я, если и поеду в Камерун, то если это будет мой собственный большой бизнес, который принесет мне большие деньги (С., г. Робинсон).

После того как я выключила диктофон, мы еще долго беседовали о его жизни во Франции. Он много говорил о том, что благодарен матери моего приятеля, которая помогала ему первые годы, в том числе с оформлением вида на жительство после окончания университета. Еще он недоумевал, как французы (здесь он имел в виду всех родившихся во Франции, вне зависимости от страны происхождения родителей), имея всё — дом, родителей, возможность учиться, — не стремятся достичь чего-то в жизни, бросают университеты и не хотят работать, рассчитывая только на социальные блага:

Я много работаю. Очень много. Я настоящий средний класс. И я добился этого сам. У меня не было наследства, как у многих моих французских сверстников, я все начинал с нуля. Я сейчас работаю, чтобы моим детям жилось лучше, чем мне. Я куплю еще одну квартиру, чтобы у них уже была квартира, чтобы они вошли в жизнь с чем-то, не как я. Чтобы они могли меньше работать. Жить, как французы.

Для С. и таких же, как он, африканцев, приехавших во Францию учиться и оставшихся в ней, выбор страны проживания во многом был обусловлен цепочкой обстоятельств. Многие отмечали, что не ставили перед собой цель во что бы то ни стало остаться во Франции. Но хорошая работа, женитьба, рождение детей, устоявшийся образ жизни, который им пришлось бы менять, вернись они на родину, — всё это стало причиной их оседания в стране обучения. При этом они поддерживают связи с соотечественниками, с родственниками и друзьями, создавая для себя особый транснациональный мир, в котором они равноправные участники происходящего и во Франции, и в Африке.

Однако не всем надеждам, которые возлагали родители на своих детей, суждено сбыться. Есть масса причин, по которым африканские студенты бросают университеты. Чаще всего денег, которые шлют родители, маловато для жизни в Париже. В ряде случаев их мало потому, что в каждой семье — несколько детей и всех их родители стараются отправить за границу. Бывало и так, что родители теряли работу в Африке и не могли дальше финансировать пребывание детей во Франции. Из-за нехватки денег дети шли работать и бросали учебу, но при этом каждый год снова записывались в университет для сохранения вида на жительство. И те из них, кому сегодня от 30 до 40 лет, вспоминали в разговоре со мной, что у них долго теплилась надежда, что они смогут доучиться, ведь именно для этого их и отправили во Францию родители.

В 2011 г. я встретила с живущей в Бобиньи молодой женщиной М. из Республики Конго. Ее контактные данные мне сообщила одна из моих собеседниц, сказавшая, что мне необходимо увидеть М., так как ее родители в 1970-х гг. учились в СССР. Однако со стороны самой М. энтузиазма не встретила: она много раз откладывала встречу и лишь после долгих уговоров согласилась пообщаться со мной. От ее знакомых я узнала, что она дочь дипломатов, работающих сейчас в одном из европейских государств. Сегодня она живет в пригороде Парижа с двумя дочками. Ее небольшая двухкомнатная квартира с кухней-салонем расположена в пятиэтажном доме социального жилья. Она с трудом объяснила мне, как до него дойти от метро, так как переехала в него всего за два дня до нашей встречи. Вот что она сказала по поводу своей квартиры: *До этого я жила в небольшой студии. Одной моей дочери десять лет, другой два года. Я каждый день в течение двух лет звонила в муниципалитет, чтобы добиться этой квартиры. Я каждую неделю ходила туда и добивалась ее.*

М. неохотно рассказывала о своей жизни. Детство в Конго было счастливым и беззаботным: *Я никогда не делала в своей жизни то, что я вынуждена делать во Франции. Я никогда не убиралась. У нас дома всегда была прислуга, шофер. Здесь, вы видите, мы живем в социальном жилье. Я всё делаю сама.* Родители время от времени уезжали в командировки и работали в посольствах Европы. Дочь, мою собеседницу, они отправили учиться во Францию, где через несколько лет она родила ребенка и бросила университет. С этого момента она перебивается случайными заработками: когда я брала у нее интервью, она

работала в Интернет-магазине, принимала заказы клиентов. На мой вопрос, почему же она остается во Франции, она ответила: *Я предпочитаю жить здесь, чем в Конго. Там война разрушила всё. Всю систему. Я хочу вернуться в Африку, но если там будет так же, как здесь. Экономика, социальные блага. Там разруха и ничего нет.*

Действительно, если даже она потеряет работу, — а такое бывало не раз из-за закрытия фирм, в которых она работала, — она знает, что будет получать социальное пособие. Ее дети ходят в школу, получают образование, смогут лечиться в больницах. Для нее, как и для многих других африканцев, оставшихся жить во Франции, важно наличие социальной защиты для детей, обеспечение их безопасности. Они убеждены, что детям лучше расти в стране, где им гарантированы социальные блага, а родители более или менее избавлены от страха перед опасностями, грозящими их детям на городских улицах.

Сегодня бывших африканских студентов можно встретить как в иммигрантских пригородах, в домах социального жилья, так и в пригородах для среднего класса, где они покупают себе квартиры. Один из братьев может ютиться с семьей в маленькой квартирке и работать менеджером в Интернет-магазине, другой, закончивший университет и получивший диплом, — жить в собственной квартире в хорошем жилом комплексе и работать в одном из ведущих французских банков. Но ни тот, ни другой не собираются возвращаться на родину. Аргумент один: там у них нет никакой перспективы. Даже те, у кого, казалось бы, нет ее и во Франции — у кого временная работа, социальное жилье, проблемы с документами — всё равно убеждены: одно дело отсутствие перспективы там, другое — здесь. Ибо здесь хотя бы есть шансы у детей.

Низкий уровень высшего образования или отсутствие перспектив?

Практически для всех моих собеседников эмиграция во Францию не являлась их собственным планом. То был «проект» родителей, которые хотели, как тогда объяснялось, дать хорошее образование детям. По заверениям моих собеседников, за годы независимости африканские университеты так и не смогли подняться до европейского уровня образования, их дипломы до сих пор приходится подтверждать

в Европе. Поэтому родителям, некогда учившимся во Франции, казалось логичным отправлять учиться в ней своих детей.

У нас все родители, кто имел хотя бы какие-то средства, отправляли детей за границу, чтобы дать им образование. Нас пятеро детей и все уехали учиться во Францию. В Камеруне нет хороших университетов, в Африке в целом нет хороших университетов. Чтобы получить образование, надо ехать в Европу, Америку, Канаду. Все дети из нашей семьи, большинство моих одноклассников, все те, кому могли позволить средства, уехали из страны, — рассказывает С.

Ему вторит Г., владелец собственной компании, женатый на французенке, уже 30 лет живущий во Франции: *Я приехал во Францию в 14 лет. Я из Того. В нашей стране родители, если им хотя бы немного позволяют средства, отправляют детей в Европу учиться. Так было и в моем случае. Я жил без родителей в Париже со своими братьями и сестрами. Родители оставались с младшими детьми в Того (г. Робинсон).*

Однако, по признанию самих респондентов, нехватка университетов и хорошего образования в них — не единственная и не главная причина, по которой родители стремятся отправить детей за границу: *Почему родители хотели, чтобы мы уехали? Потому что в Того ничего не происходит. Что дала независимость? Ничего. Того застыл на месте. Там ничего нет (Г., г. Робинсон).*

Наша политическая система отличается от европейской. У нас есть президент, которому всё подчинено. Если его свергают, вся его команда летит с ним. Мои родители работали в правительстве. У них были проблемы во время смены руководства страны. Они предпочли, чтобы я уехал, — рассказывает конголезец (Кр., г. Бобиньи).

Мой отец, когда приехал из Европы, работал в государственной клинике в Камеруне, потом он стал известным врачом, и они с коллегой открыли частную клинику. У них были конкуренты — клиника того же профиля сына одного из руководителей страны. Мой отец не смог с ним конкурировать. Ему пришлось закрыть клинику. Он вскоре умер от удара. Мама переехала ко мне, в Париж (Ж., Париж).

Нестабильность политической и экономической ситуации, коррупция, бизнес, построенный на «черных» схемах — все эти обстоятельства в свое время заставили многих родителей моих собеседников «подстраховаться»: купить квартиры в пригороде Парижа, отправить детей учиться. Многие собеседники вспоминали о постоянной

тревоге родителей за них, за их будущее, в котором не были уверены. При этом они отмечают, что изначально собирались вернуться к себе на родину, поскольку неустроенность быта во Франции, постоянные проблемы с документами, да и климат, сильно отличающийся от африканского, побуждали их с ностальгией вспоминать Африку.

Есть и более веские причины эмиграции африканцев, такие, например, как война. Эта тема прозвучала в интервью с выходцами из Кот-д'Ивуара, Республики Конго (Браззавиль) и Демократической Республики Конго (Киншаса).

С 1969 по 1990 г. Африка пережила 17 из 43 гражданских войн, происходивших в мире, с 1990 г. разрушительные внутренние конфликты лишь умножались. С 1993 по 2002 г. ситуации массового насилия были зафиксированы в 27 из существующих на континенте 53 стран; они негативно влияли и на соседние страны, которые хотя и не были в них вовлечены, принимали на своей территории беженцев. Практически постоянными были конфликты в Мозамбике, Анголе, Судане, сюда же можно добавить конфликты в Руанде, Сьерра-Леоне, Либерии [De l'Afrique... 2011, p. 16], стоит также вспомнить Сомали, Кот-д'Ивуар и ДРК (бывший Заир), где гражданские войны стали перманентными. (В Республике Конго или же в Мавритании ситуации более стабильные, но и они не избежали быстротечных гражданских войн.) Все эти события вынуждали и вынуждают бежать из этих стран людей из разных слоев общества, и для многих выезд из страны становится спасением.

Мои родители поехали в 1970-е годы после учебы во Франции работать по контракту в Нигерию. Я пережила всё. И войны, и налеты. Мы жили на охраняемых территориях. Были моменты, когда мы ждали, что вот-вот нас начнут эвакуировать из-за сложной обстановки в стране. Когда мне исполнилось 11 лет, отец понял, что больше не может постоянно бояться за нас. Он отправил нас во Францию. Купил в пригороде Парижа квартиру, устроил нас с братом в пансион. Он решил, что нам лучше и безопаснее жить во Франции (В., Париж).

Многие респонденты сталкивались и сталкиваются с проблемой получения вида на жительство или гражданства. При этом у половины из них либо родители являются французами (эхо колониальной истории), либо они сами родились на территории страны, что дает им право подавать документы на обретение гражданства. Однако и для них истории с получением документов могут тянуться годами

(в среднем 8–10 лет), поскольку сама Франция уже не в силах разрешить вопрос, кто на самом деле этих документов «достоин».

Нам было легче. Я въезжал в страну без визы. До 1983 года виза была не нужна, — рассказывает тоголезец Г. — *Я много учился еще и потому, что мне нужны были бумаги, вид на жительство. Мне надо было всё время доказывать, что я должен быть здесь. Что я хорошо учусь. Что я буду хорошо работать. Франция дала нам гражданство, но мы для этого много работаем. На нас держится экономика (Г., г. Робинсон).*

Для родителей моих сегодняшних собеседников отправка детей на учебу во Францию была способом, с одной стороны, оставить им право выбора между иммиграцией и возвращением в страну, с другой — предоставить им возможность постепенной интеграции во французское общество. Будучи студентами (а некоторые — школьниками), африканцы в первые годы пребывания во Франции испытывали трудности в адаптации в стране приема. Однако со временем смогли организовать вокруг себя достаточно комфортное пространство. Многие интегрировали в это пространство таких же африканцев, как и они, — детей африканского среднего класса и элиты, тоже приехавших учиться. По утверждению моих собеседников, через пять-десять лет пребывания во Франции у многих сформировался африканский по происхождению круг общения, который позволяет им жить *chez soi*, не уезжая из страны.

«Уехать, чтобы жить»

Да, вот мы делаем сейчас экономику Франции. Мы пашем. Мы это делаем, чтобы детям было легче. Чтобы они уже не чувствовали это на себе. Есть анекдот. В городе выходят на демонстрацию: «Долой иммигрантов! Они едят наш хлеб!» Мэр города выгоняет всех иммигрантов. «А где же хлеб?» — интересуются жители. — «Булочник тоже уехал» (Кр., Париж).

Мои собеседники с трудом находят время для беседы, часто я приезжаю к ним на работу, чтобы поговорить с ними в обеденный перерыв. Многие гордятся своими должностями, местом работы, собственными фирмами. Их жизнь во Франции начиналась в частных недорогих пансионах, куда они попадали в подростковом возрасте и где впервые осознали что они «черные», иммигранты; или же — в квартирах их

родственников, где они были вроде бы «из семьи», но тоже чужими, тоже иммигрантами. В 30–40 лет одни с гордостью говорят о своих достижениях, другие — с беспокойством о будущем и с желанием чего-либо достичь. Но на вопрос, почему они остались, все однозначно, как когда-то и их родители, дают ответ, предельно кратко сформулированный С.: *Ради детей* (С., г. Робинсон).

В заключение каждого интервью я всегда задавала один и тот же вопрос: «Собираетесь ли Вы когда-нибудь вернуться в Африку?». Ответы при всех их нюансах тоже совпадали по смыслу: нет.

Для многих моих собеседников родная страна в Африке осталась «страной детства», где еще живы родители, к которым они и приезжают: *В Того меня держат еще мои родители. Они умрут, я даже не знаю, буду ли я ездить туда. Там меня ничего не держит. Все мои друзья здесь. Я живу здесь. Здесь мой дом* (Г., Париж). Некоторые подчеркивали, что Африка воспринимается ими как место для отдыха — всегда тепло, хорошие продукты, плюс родные и близкие люди: *В Африку хорошо приезжать на каникулы. Там семья, большой дом. Мы всегда туда ездим на Рождество. Это замечательно* (С., Париж). Но каждый год отдаляет их от родных мест, где по приезду они видят множество недостатков, связанных с политической жизнью и социальными проблемами.

Никто из нас не хочет вернуться навсегда. В Африке делать нечего. За 50 лет независимости она не сдвинулась. Она как была, так и осталась. Появился черный президент. Он делает деньги на госуdarстве. Отдает часть европейцам. А стране — ничего. Мне грустно видеть мост в городе, где живут мои родители. Его очень давно построили немцы. Он разрушается. Но никто им не занимается (Г., г. Робинсон).

Только если там всё будет как во Франции. Те же социальные блага, медицина, не будет перебоев с водой, с электричеством. Может быть, это будет, уже когда вырастут наши дети. Я не буду запрещать им туда возвращаться (Ф., Париж).

Возвращается тот, у кого родители находятся еще у власти. Например, отец работает в министерстве, он возвращает сына и тот идет работать в министерство. Потом сын займет его место. Иначе не имеет смысла (Кр., г. Бобиньи).

Таким образом, ездят только на время, например на каникулы, публикуя потом в Фейсбуке фотографии родственников, улыбающихся детей, африканских пляжей, но не хотят и не могут жить в своих

родных странах постоянно, так как не знают или не принимают «правила игры», по которым там надо жить. Находясь с подросткового возраста в стране, в которой понятие «демократия» не является мифом, и все живут по правилам, определенным законом, дети африканцев, закончивших французские университеты в 1960–1970-х гг., не могут представить себе возвращение на родину, где лишь слово «Республика» в названии страны напоминает об ожиданиях, которыми жили их родители в середине прошлого века.

В отличие от родителей, перед детьми не стоит цели создать независимое государство, в котором они могли бы собственными усилиями строить новое общество. Живущие во Франции тридцатилетние и сорокалетние африканцы не питают иллюзий насчет собственных стран, осознавая и открыто признавая беды и трудности, с которыми те сталкиваются: насилие, господство теневой экономики, разгул коррупции, беззастенчивых политических и экономических махинаций. Более того, они не питают и надежд на изменение общества, предпочитая жить в европейской стране, в которой им понятны «правила игры», определяющие поведение как политиков, так и соседей.

Список литературы

- Barou J.* Du foyer pour migrants à la résidence sociale: utopie ou innovation // Hommes et migrations. 1996, n° 1202. P. 6–13.
- Barou J.* Travailleurs africains en France. Rôle des cultures d'origine Grenoble-Paris: PUG / Publications orientalistes de France, 1978.
- Boudimbou G.* Habitat et modes de vie des immigrés africains en France. Paris: L'Harmattan, 1991.
- Coquery-Vidrovitch C.* Colonisation, coopération, partenariat: Les différentes étapes (1950–2000) // Etudiants africains en France (1951–2001): Cinquante ans de relations France–Afrique, quel avenir ? Sous dir. Michel Sot. Paris: Karthala, 2002. P. 29–48.
- Daum Ch.* Les associations de Maliens en France: migrations, développement et citoyenneté. Paris: Karthala, 1998.
- De l'Afrique à la France. D'une génération à l'autre / Sous dir. Jacques Barou. Paris: Armand Colin, 2011.
- Demintseva E.* Ignorer ou endurer le racisme (l'expérience vécue par les immigrés d'Afrique subsaharienne en France) // Migrations Société, 2012, novembre-décembre. Vol. 24, n° 144. P. 9–22.

- Demintseva E.* Faire des études pour rester: parcours d'étudiants africains en France // Migrations Société. 2014, novembre-décembre. Vol. 26, n° 156. P. 17–30.
- Dewitte Ph.* Le Paris noir de l'entre-deux-guerres // Le Paris des étrangères / Sous la dir. A. Kaspi et A. Mares. Paris: Imprimerie nationale, 1989.
- Dewitte Ph.* Intellectuels et étudiants africains à Paris à la veille des indépendances (1945–1960) // Paris des étrangères depuis 1945 / Sous dir. Antoine Mares et Pierre Milza. Paris: Publ. de la Sorbonne, 1995.
- Gondola D. Ch.* La crise de la formation en histoire africaine en France vue par les étudiants africains // Politique africaine. 1997, mars, n° 65. P. 132–139.
- Gourévitch J.-P.* La France africaine. Islam, intégration, insécurité: infos et intox. Paris: Le Pré aux clercs, 2000.
- Gueye A.* Les intellectuels africains en France. Paris: L'Harmattan, 2001.
- Kuczynski L., Razy É.* Anthropologie et migrations africaines en France: une généalogie des recherches // Revue européenne des migrations internationales. 2009. Vol. 25, n° 3. P. 79–100.
- Manchuelle F.* Les diasporas des travailleurs Soninké (1848–1960). Migrants volontaires. Paris: Karthala, 2004.
- Poiret Ch.* Familles africaines: ethnicisation, ségrégation et communalisation. Paris: L'Harmattan, 1996.
- Quiminal C.* Gens d'ici, gens d'ailleurs: migrations Soninké et transformations villageoises. Paris: Christian Bourgois, 1991.
- Sarraut A.* La mise en valeur des colonies françaises. Paris: Payot, 1923.
- Sot M.* (éd.). Etudiants africains en France (1951–2001): Cinquante ans de relations France–Afrique, quel avenir? Paris: Karthala, 2003.
- Timera M.* Travail, citoyenneté urbaine et intégration communautaire marginale: les migrants soninké en France // Sociétés africaines et diaspora. 1997, n° 4. P. 95–106.
- Timera M.* Les Soninké en France. D'une histoire à l'autre. Paris: Karthala, 1996.

Моника Перотто

МИГРАНТЫ ИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ В ИТАЛИИ¹

В статье сравниваются две группы русскоязычных информантов. Группу А образуют мигранты из РФ, Украины, Беларуси, Молдавии, группу Б — мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Армении. Информанты группы А воспринимаются прежде всего как славяне, и с культурной точки зрения они ближе к Западу, чем к Востоку. Группа Б не столь единообразна. Входящих в нее русских отличает «множественная» идентичность, скорее всего, по их словам, советская. Влияние восточной культуры у них проявляется только в некоторых элементах быта, в других составляющих их идентичности хорошо видны черты православной и советской культуры. Иной подход у молодых информантов, приехавших в Италию для учебы: они признают свои корни в «азиатских» культурах. Русский язык для них — второй или третий, в отличие от взрослых информантов, для которых русский — лингва франка. Информанты-студенты не особенно чувствуют проблему интеграции. Взрослые из Восточной Европы нередко подчеркивают превосходство «русской духовности» над «западным материализмом», но при этом адаптируются к новому образу жизни, интегрируются в новое общество и усваивают новый язык, демонстрируя «бикультурную» установку при определении своей идентичности.

Ключевые слова: транснациональная миграция, идентичность, ассимиляция, культурная интеграция, билингвизм, смешение кода, переключение кода.

Миграционная волна 1990-х гг., которую Е. А. Земская определила как «коммерческую» [Земская, 2001, с. 43], оставила в Италии территориально разбросанный контингент русскоговорящих мигрантов из стран Восточной Европы (далее ВЕ), под которыми здесь понимаются Российская Федерация, Украина, Беларусь и Молдова.

¹ Статья написана автором на русском языке.

Численно этот контингент в последние годы довольно стабилен: к началу 2015 г. насчитывалось 226 060 выходцев с Украины, 147 388 — из Молдовы, 35 211 — из России и 8379 — из Беларуси².

Поначалу итальянцы воспринимали восточноевропейских мигрантов как более или менее однородную группу и всех их называли «русскими». На самом деле, в 1990-х гг. этнических русских в Италии было немного и их присутствие замечалось больше всего на севере, в Ломбардии и в Милане, в то время как украинцы и белорусы селились преимущественно в центральной Италии, в области Лацио вокруг Рима. (Количество мигрантов из других стран постсоветского пространства было незначительным.) Но в последние годы контуры данного контингента стали более четкими, и внутри него разные национальные группы обрели свои очертания. Дискуссия о характере миграционных потоков внутри и вне ЕС стала настолько актуальной в СМИ, что жители Италии начали больше интересоваться проблемой и различать ее аспекты, в том числе — более четко представлять, «кто есть кто» среди мигрантов.

Следует заметить, что и в прошлом веке мигранты первой волны русской эмиграции в Италию и Западную Европу в целом, для которой Л. Магаротто употребляет термин «политические беженцы» [Magarotto, 2007, p. 130], не составляли компактную общину или однородное общество. Наоборот, с социальной точки зрения они жили очень по-разному, хотя сохранили русский образ жизни, обычаи и нравы родной земли, в том числе и любовь к языку, который очень бережно хранили. Во Франции был даже создан «Союз защиты чистоты русского языка» [Голубева-Монаткина, 2001, с. 15].

Как уже отмечалось мною в других работах [Perotto, 2009; Перотто 2004; 2008; 2010], все сегодняшние восточноевропейские мигранты в Италии употребляют русский язык как *лингва франка*, но по-разному относятся к своим традициям и к возможностям интеграции и социализации в итальянском обществе. Они не образуют настоящие национальные общины, а составляют скорее то, что Л. Ременник называет «транснациональной (т.е. пересекающей национальные границы) *диаспорой*, где Россия, Украина и другие страны исхода остаются для русскоязычных сообществ общим центром притяжения»

² См. данные итальянского института по статистике (ISTAT): [Cittadini Stranieri... 2015].

[Ременник, 2007, с. 421]. Транснациональные миграции, появившиеся в результате глобализации, характеризуются главным образом поддержанием семейной, экономической и культурной связи с родиной и процессом интеграции в общество принимающей страны [Levitt, Jaworsky, 2007, p. 129].

В последнее десятилетие к миграционному притоку из ВЕ добавился ощутимый рост миграции из азиатских стран. В начале 2010 г. из почти 4 млн азиатских мигрантов в Европе 700 тыс. проживали в Италии. Эти люди, в отличие от мигрантов из Европы, среди которых значительна доля приезжающих для воссоединения с родственниками, уже проживающими за границей, приезжают в основном в поисках работы. На 31 декабря 2014 г. 19,3% мигрантов в Италии имели азиатские корни. Самые крупные общины образовывали мигранты из Китая (265 820 человек), с Филиппин (168 238) и из Индии (147 815) [Cittadini Stranieri... 2015]. На ту же дату в Италии было зарегистрировано 15 009 мигрантов из государств Южного Кавказа (большинство из них — 13 742 человека — из Грузии) и 4052 мигранта из республик Центральной Азии [Cittadini Stranieri... 2015]. При этом в составе обеих групп довольно много этнических русских, идентичность которых, как мы увидим далее, непросто определить даже им самим. По широко распространенной практике переселений внутри Советского Союза эти люди или их родители уже имели опыт миграции из одного этнического ареала в другой. После распада СССР многие русские, особенно те, кто до 1991 г. жил в Закавказье, Средней Азии и Казахстане, пытались вернуться в Россию по причине экономического кризиса и политической нестабильности, растущего национализма титульного населения, сокращения возможностей занятости для русских и вытеснения русского языка. Но некоторые решили эмигрировать в Европу, хотя тогда миграция из ВЕ в ряд европейских стран, в том числе в Италию, еще не была массовым явлением.

В настоящей работе сравниваются две небольшие выборки русскоязычных информантов, приехавших из России и/или из стран ближнего зарубежья, с целью качественного анализа их положения, идентичности и языкового поведения. Также ставилась задача установить, отличаются ли каким-то образом друг от друга эти группы, и какие элементы русско-европейской или азиатской культуры их характеризуют. Всего было опрошено 26 человек — 20 женщин и 6 муж-

чин; с каждой/каждым были проведены неформальные беседы для установления дружеского контакта и определения индивидуальных особенностей жизненного опыта. Первая выборка, или группа А, включает 13 «европейских» русскоязычных информантов из России, Украины и Молдовы, вторая, или группа Б, — столько же «азиатских» мигрантов из Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Армении. В эту же группу я включила и одну этническую башкирку, поскольку ее родная республика находится, по ее собственным словам, «в далекой части России», куда ближе к Центральной Азии, чем к ВЕ.

В конце статьи, в табл. 1–2 дается более полная информация о составе обеих групп.

Социологическая трактовка выборки

Как уже было отмечено, двумя главными причинами миграции последней русскоязычной волны в Италию являются работа или брак / воссоединение семьи. Еще одна причина приезда, особенно для молодой части этого контингента, — это учеба. В группу Б входят трое «азиатских» студентов Болонского университета, которые специально выбрали обучение в нашей стране, потому что уже говорили на итальянском языке или испытывали особый интерес к итальянской культуре и образу жизни. Решено было включить их в группу информантов, поскольку они уже три-четыре года проживают в Италии.

В группе А — группе «европейских» русскоязычных — большинство информантов женщины. У десяти из них главной целью миграции было замужество или воссоединение семьи, только трое приехали с целью найти работу. В «азиатской» группе Б распределение по целям более сбалансированное: создание / воссоединение семьи было целью миграции для шести человек, работа — для четырех, учеба — для троих. Большинство информантов — выходцев из ВЕ, живет в смешанных семьях. Что касается выходцев из Азии, то пять из них входят в смешанные семьи, а четверо (Д. М., А. М., О. М., И. К.³, все из Узбекистана) — в моноэтнические семьи. Информантов, живущих отдельно от семьи, — только пять: в группе А это сиделка с Украины, в группе Б — студентка из Узбекистана, студент из Таджикистана,

³ Здесь и далее информанты называются по первым буквам имени и фамилии.

студентка из Армении и одна женщина из Армении, работающая преподавателем в университете.

Образование у 22 информантов высшее, у четырех — среднее, уровень занятости тоже высокий, но работа не всегда соответствует полученному на родине образованию. Для мигрантов, приехавших в Италию по семейным причинам, особенно для женщин, работа не была в начале проживания приоритетом, но после наступившего в стране кризиса они почувствовали необходимость в ней, однако в большинстве случаев не смогли найти работу по специальности.

В конце 1990-х гг. в Италии существенно выросло количество женщин из ВЕ, въехавших в качестве трудовых мигрантов. Они заняли ключевое место в сфере домашних услуг и ухода за престарелыми (так называемые *badanti* — сиделки). Эту нишу они занимают до сих пор. Возраст женщин, приезжающих работать сиделками, сильно варьируется: у тех, что с Украины, он растет, в то время как из Молдовы приезжает всё более молодой контингент. Кризис на рынке труда осложнил в последние годы оформление вида на жительство или гражданства, поэтому многие женщины из ВЕ, в особенности русские, для быстрого получения этих прав выбирают замужество⁴. Эти женщины не хотят возвращаться в страну происхождения, поскольку считают, что прием иностранцев в Италии достаточно хорош. Информантка Р. М. отметила, что жизнь в Италии ее удовлетворяет во всех отношениях и что *здесь даже мигранты из Африки лучше приняты, чем таджики, узбеки и киргизы в России*.

Каждый мигрант ищет свой индивидуальный путь. В отличие от людей среднего возраста, молодые информанты нашей выборки выразили желание найти более квалифицированную работу, соответствующую достигнутому уровню образования. Студенты — выходцы из Центральной Азии мотивировали решение учиться в Италии еще и тем, что здесь им гарантировано лучшее, чем дома, качество образования, благодаря чему перед ними могут открыться и более интересные перспективы занятости на родине. При этом информанты-студенты не особенно чувствуют проблему интеграции. По признанию одной из них, интеграция в студенческую среду не проблематична, поскольку в Болонье университетская среда очень открытая. Однако

⁴ Было подсчитано, что 99% русских женщин в Италии получило гражданство именно таким образом [De Marco, 2004, p. 288].

большинство мигрантов живет отнюдь не в этой среде, и у них возникают проблемы, связанные с адаптацией к итальянской культуре, с ее восприятием. Посмотрим, о каких проблемах такого рода чаще и больше говорили сами респонденты.

Проблемы интеграции и адаптации русскоязычных мигрантов

Как показывает жизненный опыт наших информантов в Италии, главные проблемы адаптации возникали у них при трудоустройстве и при «встрече» их культурной и языковой идентичности с итальянской средой. И именно на почве восприятия идентичности будет интересно сравнить позиции двух групп, члены которых по географическому расстоянию и культурной дистанции уже исходно были по-разному далеки от Италии.

Напомним, что общим для обеих групп является преобладание женщин: 20 из 26 информантов. Как показывают проведенные в начале 2000-х гг. первые исследования иностранной женской занятости в Италии, женщины из ВЕ приезжали главным образом для поднятия личного или семейного уровня жизни, причем число их довольно быстро увеличивалось. Уже к концу 2002 г. на долю женщин-мигрантов только из четырех восточноевропейских стран — из Румынии, Польши, Украины и Молдовы — приходилось 30% от общего числа легальных мигрантов. В особенности быстрым был прирост численности женщин с Украины и из Молдовы — соответственно в восемь и пять раз более высокий, чем у других национальностей [De Marco, 2004, p. 280]. Но тогда их опыт далеко не всегда был положительным. Так, части из них пришлось долгое время работать нелегально, из-за чего они испытывали чувства неуверенности и страха, становились жертвами дискриминации⁵. В те годы только 22% из них утверждали, что чувствуют себя «нормальными» гражданками, а 30% жаловались, что у них много обязанностей и никаких прав. То был период, когда в Италии принимались первые меры для «регулирования»

⁵ В частности, в ходе исследования, проведенного в области Абрुццо (центральная Италия), в г. Пескаре, 13% опрошенных женщин — мигрантов из ВЕ указали, что подвергались дискриминации по месту работы, а 31% отметили, что столкнулись с отказом сдать им жилье в аренду. См.: [Di Vito, Palladini, 2005, p. 45].

нелегальных мигрантов посредством системы квот⁶. (Следует заметить, что сама легализация миграционного потока происходит, к сожалению, нерегулярно, поэтому проблема присутствия нелегалов так и не решена.)

В нашей выборке только одна женщина с Украины прошла этот путь, но ей не было тяжело, так как работодатели хорошо ее приняли и относились к ней скорее с любопытством, чем враждебно. Ее положение очень типично для сиделки: главное условие, к которому ей пришлось адаптироваться, это полная языковая изоляция и погружение в итальянский язык. Работа сиделкой в итальянской семье часто означает, что нет возможности смотреть российское телевидение, читать русскоязычные газеты и поддерживать контакт с родными или соотечественниками через Интернет (не во всех итальянских семьях имеется данная связь, тем более в семьях престарелых). Впрочем, языковой адаптации будет посвящен следующий раздел.

Проблема общения с соотечественниками является приоритетной не для всех русскоязычных в Италии. Информанты в основном проявляли интерес к такому виду общения, но на определенных условиях. Так, на вопрос, заданный на форуме *RussianItaly*: «Хотите ли Вы войти в организацию русских соотечественников в Италии?» большинство ответили, что им было бы достаточно участвовать в неформальной организации для хорошего времяпровождения и душевного общения, но только без денежных взносов [Перотто, 2010, с. 95]. Всё же в последние годы развивается активность культурных ассоциаций и центров объединения соотечественников. Правда, в большинстве случаев их мероприятия не привлекают молодых, более заинтересованных в социализации внутри итальянского общества.

Если раньше сети, связывающие русскоязычных, можно было довольно четко подразделять на открытые и закрытые (*looseknit* и *closeknit networks*), то теперь такое деление стало относительным⁷.

⁶ Имеется в виду Закон № 189 от 30 июля 2002 г. о поправках к законодательству об иммиграции и труде (*Modifiche alla normativa in materia di immigrazione e lavoro*) или так называемый Закон Bossi-Fini. См.: [Bentivogli, Carfagna, Pittau, 2004, p. 257].

⁷ Закрытые сети работают как механизм закрепления лингвистической лояльности, тогда как широкое географическое распределение и слабые связи между говорящими, типичные для открытых сетей, негативно влияют на лингвистический контакт и на поддержание миноритарных языков [Milroy, 1987, p. 106]. В наших работах, в которых анализировалась выборка в 100 информантов, живших в Италии в конце 1990-х гг. и в первые годы XXI в., русские мигранты занимали место в открытых сетях,

Информанты, особенно из группы А, не выразили потребности в знакомстве с русскими в Италии, так как не чувствуют себя изолированными от страны исхода. Если исключить женщин, работающих сиделками, — а они, по терминологии Л. Милроя, образуют отдельный кластер, почти все мигранты могут сегодня поддерживать тесные связи с родственниками благодаря электронным средствам коммуникации или часто возвращаться на родину. Как пишет Л. Ременник, «иммиграция перестала быть путешествием без обратного билета» [Ременник, 2007, с. 423].

Положительный или отрицательный опыт жизни в Италии зависит прежде всего от социокультурной среды проживания мигрантов и их связи с итальянским обществом, поскольку раздробленность русскоязычной диаспоры препятствует образованию компактной общины. Не все мигранты одинаково воспринимают стереотипы и предрассудки, проявляющиеся в отношении к ним итальянцев. Что касается последних, то их беспокойство по поводу растущей иммиграции основывается скорее на ментальном представлении феномена, чем на реальном знании условий жизни мигрантов⁸.

Женщинам, мигрирующим из ВЕ, особенно молодым и живущим отдельно от семьи, часто приходится бороться с распространенным в Италии стереотипом русской как женщины легкого поведения⁹. Данный стереотип, как и различия в вырабатываемых воспитанием гендерных моделях поведения, более всего ощущаются «азиатскими» женщинами группы Б. Студентка Болонского университета, информантка Ф. А. из Узбекистана признала, что следовать итальянской модели ей было бы «странно и непривычно»; например, она не сочла бы возможным продолжать свои отношения с женихом из местных, если бы тот не был знаком с ее семьей.

Культурная дистанция и трудности с определением собственной идентичности необязательно вызывают дискомфорт. Информантка

украинцы — в закрытых. Первых в равной мере устраивало и русское, и итальянское общество, вторые предпочитали земляков [Perotto, 2009, p. 41].

⁸ Для анализа отношений итальянцев к иностранным мигрантам см.: [Valtolina, 2011].

⁹ В исследовании де Вито и Палладини 15 % женщин выборки заявили, что их даже подозревали в проституции [Di Vito, Palladini, 2005, p. 36]. К сожалению три наши информантки из группы Б подтвердили, что такой стереотип очень распространен до сих пор. О присутствии в Италии стереотипов и предрассудков о России см.: [Zannoni, 2015].

Р. М., родом из Башкирии, в Италии проживающая уже 14 лет, улыбается, когда вспоминает, что поначалу ее из-за азиатских черт лица путали с японкой. *Поскольку в Италии никто не знает, кто такие башкиры, чтобы не терять время на объяснение, я все время говорила, что приехала из далекой части России, и поэтому меня считали экзотикой.* Заметим в этой связи, что одно дело представить себя узбечкой из Самарканда и совсем другое — русским из Ташкента. Первая, как только что упомянутая башкирка, итальянцами воспринимается как персонаж хотя и экзотический, но четко определяемый и потому понятный; второй — как персонаж тоже экзотический, но совсем в другом смысле — непонятный, странный. Итальянцы, в массе своей не знающие или плохо знающие историю Советского Союза, часто не подозревают о присутствии русских в Центральной Азии; поэтому *трудно объяснить им, что ты русский из Узбекистана, они на тебя смотрят как на редкое животное* (Д. М.).

Реакции меняются, конечно, в зависимости от культурного уровня собеседника: информантка Ф. А. из Самарканда была удивлена, когда выяснилось, что ее итальянские соседи знали, что *культура Самарканда связана с историей и культурой Венеции. Они были самыми основными торговыми центрами Великого Шелкового пути.* Сходным образом студент Т. А. из Таджикистана восхищен интересом итальянцев к восточным культурам, к восточной кухне. Он, обобщая и несколько переоценивая итальянцев, определяет их как «любопытный народ, ценителей культур». Особенно его поразил интерес итальянских знакомых к его языку: *Когда они узнали, что я из Таджикистана, и таджикский язык — одна из ветвей персидского языка, конечно же, захотели узнать самые простые слова. Иногда мои друзья-итальянцы со мной здоровались на персидском, говоря «Салом, чи хели?», хотя со странным и смешным для меня акцентом.* Безусловно, в этих словах чувствуется энтузиазм относительно его жизни в Болонье. На прямой вопрос «Вам приятно или трудно жить в Италии?» он ответил: «Приятно — это не то слово».

Особый подход к проблеме интеграции и социализации мы обнаружили у людей, входящих в круг «интеллигенции» — высокообразованных людей. В числе информантов группы А была Л. Г. — русская жена знаменитого итальянского режиссера, сценариста и поэта Тонино Гуэрра. Она рассказывала, что среди близких ей людей много артистов и художников, как русских, так и итальянских. Пребывание

в такой среде обеспечивает соединение, притом на самом высоком уровне, элементов русского и итальянского духа и поддержание обоих языков. При жизни мужа она находилась отчасти в его тени, тем не менее такое культурное окружение защитило ее идентичность, так как *культурные люди всегда уважают чужую культуру и менталитет*.

Подобное скрещение культур может ощутимо способствовать интеграции мигранта, служить основанием для формирования двойной идентичности. Ассимиляция не обязательно означает потерю собственных корней: «Ассимиляция — это процесс интерпретации и слияния. В ходе его отдельные люди и группы приобщаются к воспоминаниям, чувствам, образцам восприятия, свойственным другим людям и группам и, разделив таким образом с этими другими их опыт, их историю, входят вместе с ними в совместную культурную жизнь» [Alba, Nee, 1997, p. 828].

Восприятие идентичности

Как слияние двух культур влияет на процесс образования новой идентичности? При определении динамики этого процесса у русскоязычных мигрантов целесообразно исходить из точки зрения, сформулированной М. Н. Губогло: «Идентичность предстает не как постоянно и произвольно меняющаяся категория, а как набор интериоризованных черт, норм и форм поведения, изменяющихся под давлением среды, этнических лидеров и творческих личностей в рамках заданной культуры» [Губогло, 1999, с. 265].

В диалоге с информантами мы старались определить, какие формы поведения и элементы культуры сочетаются в двух группах с восприятием идентичности, учитывая при этом тот факт, что почти все информанты группы А — этнические русские из стран Восточной Европы, в то время как все члены группы Б, за исключением трех студентов, просто по возрасту не имевших возможности приобщиться к советской жизни, еще во времена Советского Союза и несколько лет после его распада жили в азиатских союзных республиках, а респондентка-башкирка — в смежной с ними автономной республике. Как следствие, у них помимо этнической идентичности (в девяти случаях русской и в одном случае башкирской) развилась еще советская/российская или, как ее называет Губогло, множественная идентичность [Губогло, 1999, с. 265].

Пара взрослых информантов из Узбекистана так описывает свой «семейный котел»: есть европейские предки, так как родители жены жили на Украине, но имели польские и немецкие корни, а предки мужа со стороны матери были украинцы и мордва, со стороны отца — узбеки. При таком переплетении этнических линий происхождения непросто определить свою идентичность, и, как полагают некоторые информанты, скорее всего, у них преобладает «советскость» как единая идентичность. Но это типично лишь для взрослых, дети отличаются от родителей, так как в становлении их идентичности существенную роль играют факторы возраста (родились ли они и росли до или после распада СССР) и места первичной социализации (была ли она на родине или в Италии). Пусть их воспитание в семье не итальянское, по образу жизни и социализации они хотя бы частично воспринимают себя итальянцами.

Информанты из ВЕ нередко подчеркивают превосходство «русской духовности» над «западным материализмом», но при этом адаптируются к новому образу жизни, интегрируются в новое общество, усваивают новый язык. Данную установку можно определить как бикультурную.

В качестве яркого подтверждения можно привести ответы информантов на вопросы об особенностях их культуры «по происхождению». В. Г.: *Не разделяю их (людей Запада. — М. П.) всепоглощающую практичность, всем руководят деньги. Для меня главное — язык, патриотизм, власть души.* С. Н.: *Русскость не только приятное, но большое чувство. Пушкин — наше всё. Русскость — некое всё, отправная точка. Глупо пытаться превратиться в кого-то другого. Дерево, лишённое корней, перестаёт расти.* Другие вспоминают о традиционной музыке или, как В. С., акцентируют какие-то дорогие им черты бытовой культуры: *Очень люблю пить с подругами горячий чай с вареньем.*

Все эти высказывания однозначны в том смысле, что отражают сугубо позитивное отношение к каждому из упоминаемых аспектов унаследованной по рождению культуры. Лишь в ответе Ж. Б. отождествление некоторых индивидуальных особенностей ее характера с «русскостью» сопровождалось скорее отрицательной, чем положительной оценкой: *Часто поддаюсь кризисам тоски, пессимизма, наслаждаюсь ужасной бесконечной тоской. Провожу целые дни «по Достоевскому», анализируя себя с головы до ног и беспощадно осуждая*

себя. Мне хотелось бы быть более веселой и оптимистичной, поэтому стараюсь подражать итальянцам.

Студенты из Узбекистана и Таджикистана отождествляют себя с родной им национальной культурой (соответственно узбекской и таджикской), хотя признают, что городская молодежь в обеих этих странах одевается и ведет себя современным образом, живет современной жизнью. Для них русский язык, в группе Б являющийся первым языком для взрослых, — только второй или даже третий — после родного (например таджикского) и английского.

У информантов обеих групп — светская культура. Русские, приехавшие из «азиатских» республик, не придерживаются религиозных традиций, отмечают советские праздники. Это еще одна черта, типичная для транснациональной диаспоры постсоветского пространства [Ременник, 2007, с. 427].

Как уже отмечалось, некоторые взрослые информанты группы Б., жившие в Узбекистане и Казахстане, определяют свою идентичность как «советскую». Рассказывая о жизни в Центральной Азии, они не приводили примеров адаптации к национальной культуре. Тогда их установка была скорее монокультурной. Так, информантка Ю. Н. из Ташкента рассказывала, что в столице Узбекистана русское общество было очень высокого культурного уровня и поэтому для него были неприемлемы «мусульманские» нравы и обычаи: *Для нас была травма увидеть, как женщины и мужчины кушают отдельно; мы, европейцы, так не могли. Европейцы общались с другими европейцами. Было много людей из Белоруссии, с Украины. Мы только с ними общались.*

По мнению Губогло, в процессе выстраивания новой идентичности в условиях диаспоры используются две стратегии: *интраконструктивизма* и *экстраконструктивизма* [Губогло, 1999]. Если говорить конкретно о русских в диаспоре, то первая стратегия выражается в том, что они стараются самостоятельно сохранить свои национальные корни, а вторая — в поиске социальной и культурной поддержки у россиян и, шире, славян, живущих вне пределов России. В жизненном опыте информантов обеих групп выявляются обе стратегии. При этом информанты группы Б, в той или иной мере следующие стратегии экстраконструктивизма, находят для себя поддержку в европейской культуре, а не в культуре своих бывших азиатских соотечественников по Советскому Союзу. Многие просто идентифицируют себя с европейцами.

Не все информанты из бывших советских «азиатских» республик были бы готовы вернуться туда, откуда они уехали, даже на время. Причина — произошедшие там большие перемены. Выходцы из Узбекистана и Казахстана поясняли, что не смогли бы найти прежние условия жизни, поскольку в этих странах радикально изменилось отношение к русским (Ю. Н.: *Из-за роста национализма начали нас называть завоевателями, оккупантами и т.п., на базаре могли даже не обращать к нам ни слова на русском языке*). В период с 1989 по 2004 г. очень сильно уменьшилась доля русского населения во всех странах Центральной Азии, а в Казахстане еще и намного увеличилось количество казахов в городах, из-за чего русские не чувствовали себя комфортно и эмигрировали¹⁰. Одна информантка сказала, что не вернется в Казахстан, потому что не может любить родину, которой не существует.

Языковые стратегии русскоязычных мигрантов в Италии

Проблема идентичности может замыкаться на язык: *Хранить свою речь означает хранить возможности выражения своих эмоций, но если одновременно выучить новый язык, это дает тебе возможность приобрести новую идентичность, жить второй жизнью* (А. Н.), или, как образно выразилась Ж. Б., «родиться уже взрослым».

Язык, однако, не всегда составляет для мигрантов главный показатель идентичности. Уже в нашем исследовании 2009 г. из ста русскоязычных информантов на вопрос: «В чем проявляется Ваша “русскость”? Язык, менталитет, культура, другое?», большинство (61 человек) выбрали «культуру», затем «менталитет» (54) либо вместе «язык, культуру, менталитет» (35), но только четверо выбрали отдельно «язык» [Perotto, 2009, p. 127; Перотто, 2010, с. 94]. Объясняется это, скорее всего, тем, что для многих мигрантов доминирующим стал, из-за его интегрирующей функции, итальянский язык.

Все информанты обеих групп в разной степени — билингвы. Русский язык — родной для всех респондентов группы А и для 11 респондентов из группы Б. Для студента из Таджикистана и студентки

¹⁰ О влиянии демографических изменений на состояние русского населения и языка в Казахстане см.: [Панарин, 2008; Перотто, 2008].

из Узбекистана родными являются соответственно таджикский и узбекский языки, а русский язык для них второй или третий, в то время как среди взрослых информантов титульным языком оставленной республики владеют в качестве второго всего трое. Студентка из Армении долго жила в России и родители у нее русские, поэтому она очень редко говорит на армянском языке.

Информанты употребляют русский язык в основном дома, только для пятерых из них это рабочее средство. То, что у них в бытовой жизни доминирует итальянский язык, еще не означает, что они поддаются лингвистической ассимиляции. Все в разной степени пытаются поддерживать знание языка: смотрят русские программы или фильмы на телевидении, читают книги и журналы, следят за новостями в интернете. Большинство стремятся передать родной язык детям, если не встречаются противостояния в семье. Иногда отмечается отказ от русского языка со стороны членов семьи или даже детей, но это бывает только в смешанных семьях. Успеваемость у информантов второго поколения бывает разная, зависит от периода, проведенного на родине, и от частоты посещения детьми субботних русских школ, которые в Италии всё более распространяются, особенно на севере. То, как говорят дети второго поколения русскоязычных иммигрантов в Италии, т.е. поколения, в специализированной литературе называемого *heritage speakers*, какие у них трудности и ошибки, — предмет отдельной работы, к которой и отсылаем читателя [Перотто, Низник, 2014].

Русскоязычные мигранты, которые готовы принять новую идентичность, но одновременно не хотят потерять свою оригинальную, первичную, очень часто прибегают к двум лингвистическим стратегиям. Когда используются иноязычные вкрапления, это стратегия смешения кода (СК), при переходах на другой язык — стратегия переключения (ПК)¹¹. Следование каждой стратегии может быть сознательным и бессознательным. СК сознательное, когда мигрант говорит на русском, но должен использовать определенную терминологию, указывающую на реалии итальянского быта (типичные примеры: *permesso di soggiorno* — вид на жительство, *contributi* — вклады в пенсионный фонд, *assistente sociale* — работник социальной службы) и не хочет тратить время на поиск слов. ПК говорящий может сознательно

¹¹ Об этом более подробно см.: [Perotto, 2009; Perotto, 2003; 2010].

применять в виде «тайного» кода, часто используемого детьми, — тогда, когда не хочет быть понятым. Неосознанное использование СК или ПК характерно для мигрантов, которые не знали итальянского языка до приезда в Италию и на начальном этапе иммиграции всё внимание уделили его изучению, из-за чего частично потеряли контроль над правильным использованием русского языка.

Стратегии СК или ПК не соотносятся с определенным социальным слоем и не зависят от уровня образования мигранта, они определяются контекстом речи и составом ее участников¹². Иногда они представляют компромисс, необходимый для удачного общения, иногда употребляются для повышения экспрессивности или для игры словами.

В любом случае применение в речи мигрантов этих стратегий не обязательно является следствием лингвистической эрозии, может быть признаком неполного развития двуязычия у говорящего или двуязычия без диглоссии, т.е. без ограничения сфер употребления каждого из языков. В этом отношении лингвисты выражают различные позиции: М. Полинская на примере языка «русских» эмигрантов в США отличает язык первого поколения (*emigration Russian*) от языка второго (*American Russian*), который она определяет как «язык, находящийся в опасности» [Polinsky, 1998, p. 79]. Наоборот, А. Осипова интерпретирует ПК как явление эмпатии между говорящими, как применение ими общих моделей речи, позволяющих установить своего рода мост между двумя языковыми идентичностями [Осипова, 1999]. Сами же информанты воспринимают данные стратегии как естественное поведение, вызванное необходимостью сожительствовать с двумя языками без пуристических предрассудков, руководствуясь практическими соображениями. Seriously волнует судьба русского языка в эмиграции лишь интеллигентов, преподавателей (в нашей выборке их пятеро). Они стараются развивать оба языка по отдельности. Как выразилась Лора Гуэрра, *главная забота — это не столько быть русскоязычным, сколько не стать косноязычным <...> не вариться больше в собственной каше и [так] постепенно прийти до состояния культурного одурения.*

Беседы с информантами показали, что поддержание культурных и лингвистических связей приоритетно для интеллигентных, высоко-

¹² Джон Гумперц в этой связи писал о ситуативном ПК. См.: [Gumperz, 1982, p. 62]

образованных мигрантов. Для них язык составляет важную часть русской идентичности. Остальные выбирают более прагматичный подход, для них русский язык — не главный показатель идентичности, важнее эффективное, успешное общение.

Заключение

В последнее десятилетие в Италии к уже многочисленным иммигрантам из ВЕ добавилась растущая транснациональная русскоязычная диаспора из стран постсоветского пространства. Внутри нее по разным причинам не образовались настоящие национальные общины, прежде всего из-за географического рассеяния ее членов и их включенности в разные по типу сети.

Напомним: в статье сравнивались две небольшие выборки русскоязычных информантов разного происхождения: первую группу составили мигранты из стран ВЕ, вторую — мигранты с Востока. Соответственно, особое внимание было уделено восприятию идентичности в двух группах информантов. Информанты группы А с культурной точки зрения оказываются ближе к Западу, чем к Востоку. Группа Б не столь единообразна. Входящие в нее русские передают восприятие итальянцами их идентичности как странного, трудноопределимого явления, а их самих отличает «множественная» советская идентичность. Влияние восточной культуры у них проявляется только в некоторых элементах быта, например в музыкальных и гастрономических предпочтениях, тогда как в других составляющих их идентичности, таких, например, как религия и отмечаемые праздники, хорошо видны черты православной и советской культуры. Другое дело — молодые информанты, приехавшие в Италию для учебы. У них — иной подход: они признают свои корни в «азиатских» культурах, полностью себя с ними идентифицируют. Русский язык для них — только второй или третий язык, в отличие от взрослых информантов, для которых русский стабильно выполняет роль лингва франка.

У обеих групп трудности трансформации идентичности отражаются в процессе усвоения нового языка и в применении новых лингвистических стратегий. В бытовой коммуникации мигранты последней волны выбирают прагматическую установку, поэтому далеки от пуризма, отличавшего речь первой миграционной волны. Большинство информантов обеих групп старается передать свой родной язык детям,

Приложение

Таблица 1

Характеристика выборки. Состав группы А

Имя, фам.	Страна, возраст, пол	Этнич. идентич.	Цель приезда	Образование	Работа в Италии	Работа на родине	Владение ит. языком	Родной язык
В.Г.	РФ, 42, ж.	Русская	Брак	Высшее	Служащий	Менеджер	Свободное	Русский
А.Б.	РФ, 53, ж.	Русская	Брак	Высшее	Коммерсант	Директор	Свободное	Русский
Н.М.	РФ, 46, ж.	Русская	Брак	Высшее	Переводчик	Гид	Свободное	Русский
Т.И.	РФ, 45, ж.	Русская	Брак	Высшее	Продавец	Журналист	Свободное	Русский
Л.Г.	РФ, 73, ж.	Русская	Брак	Высшее	Не работает	Преподаватель	Хорошее	Русский
В.С.	Беларусь, 28, ж.	Бело-русская	Брак	Высшее	Служащий	Преподаватель	Свободное	Русский/белорусский
Н.К.	Украина, 61, ж.	Русская	Работа	Среднее	Сиделка	Продавец	Слабое	Русский
С.Н.	РФ, 58, ж.	Русская	Работа	Высшее	Преподаватель	Канд. наук	Хорошее	Русский
Ж.Б.	РФ, 45, ж.	Русская	Брак	Высшее	Преподаватель	Переводчик	Свободное	Русский
Н.С.	РФ, 41, ж.	Русская	Брак	Высшее	Преподаватель	Переводчик	Хорошее	Русский
А.А.	Молдова, 20, ж.	Молдавская	Воссоединение семьи	Высшее	Студентка	–	Свободное	Русский
Л.М.	Молдова, 47, м.	Молдавская	Работа	Среднее	Рабочий	Рабочий	Хорошее	Русский
Д.К.	Украина, 23, м.	Русская	Воссоединение семьи	Высшее	Студент	–	Свободное	Русский/украинский

Таблица 2

Характеристика выборки. Состав группы Б

Имя, фам.	Страна, возраст, пол	Этнич. идентич.	Цель приезда	Образование	Работа в Италии	Работа на родине	Владение ит. языка	Родной язык
Ю. Н.	Узбекистан, 41, ж.	Русская	Воссоединение семьи	Высшее	Гид-переводчик	Инженер	Свободное	Русский
Д. М.	Узбекистан, 25, м.	Русская	Воссоединение семьи	Высшее	Переводчик	Студент	Свободное	Русский
А. М.	Узбекистан, 49, м.	Русская / советская	Работа	Высшее	Спортсмен	Тренер	Свободное	Русский
О. М.	Узбекистан, 46, ж.	Русская	Воссоединение семьи	Высшее	Соц. работник	Инженер	Свободное	Русский
М. К.	Казахстан, 41, ж.	Русская	Брак	Среднее	Переводчик	Учитель	Свободное	Русский
А. Б.	Казахстан, 42, ж.	Русская / советская	Брак	Высшее	Служащий	Менеджер	Свободное	Русский
И. К.	Узбекистан, 28, ж.	Русская	Работа	Среднее	Продавец	Продавец	Хорошее	Русский
О. Н.	Кыргызстан, 36, ж.	Русская	Работа	Высшее	Не работает	Служащий	Свободное	Русский / киргизский
Ф. А.	Узбекистан, 23, ж.	Узбекская	Учеба	Высшее	Студентка	Переводчик	Свободное	Узбекский / русский
Т. А.	Таджикистан, 26, м.	Таджикская	Учеба	Высшее	Студент	–	Слабое	Таджикский / русский
М. Т.	Армения, 23, ж.	Русская	Учеба	Высшее	Студентка	–	Свободное	Русский
М. М.	Армения, 54, ж.	Советская	Работа	Высшее	Преподаватель	Преподаватель	Свободное	Русский / армянский
Р. М.	Башкирия, 38, ж.	Башкирская / советская	Брак	Высшее	Секретарь	Преподаватель	Свободное	Русский / башкирский

хотя употребляет его с ними только в домашней среде, в результате у *heritage speakers* русский развивается только как устный язык.

В обеих группах взрослые русскоязычные мигранты первого поколения разделяют общие стратегии идентификации: при контакте с итальянцами у них актуализируется русская духовная культура, при общении же, как реальном, так и воображаемом, с представителями Востока они предпочитают отождествлять себя с европейским образом жизни. Здесь стоит вспомнить, что русские, перебравшиеся в Италию из «азиатских» республик бывшего СССР и потому предстающие на Западе Востоком, во время проживания на этом Востоке далеко не всегда адаптировались к его условиям. Сегодня же, пребывая в западном обществе, они, по словам информантки Ю. Н., *поневоле приобретают как бы специальные качества, присущие одновременно обоим народам* (русскому и итальянскому. — М.П.). Это означает становление новой идентичности, одновременно и западной, и несущей некоторые черты «Востока внутри Запада». Результаты этого процесса трудно предугадать, но очевидно, что «восточные» традиции всё более размываются в европейском контексте глобализации, а усвоение русского языка у второго поколения иммигрантов из-за доминирования европейских языков заметно ослабевает.

Список литературы

- Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В. Красильниковой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 8–68.
- Губогло М.Н. К изучению идентичностей. Вопросы теории // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / Отв. ред. М. Губогло. Москва: ЦИМО, 1999. С. 265–303.
- Земская Е., Гловинская М., Бобрик М. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / Под ред. Е. Земской. М.; Вена: Языки славянской культуры, 2001.
- Осипова М.А. К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // Slavia [Praha]. 1999. Roc. 68, ses. 1. S. 37–44.
- Панарин С. Современный Казахстан: социальные и культурные факторы изменений в положении русского языка // Вестник Евразии. 2008. № 4 (42). С. 65–79.
- Перотто М. Стратегии переключения и смешения кода в устной речи русских, живущих в Италии // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков:

Человек и его дискурс / Ред.: Ю. А. Сорокин, М. Р. Желтухина. М.: Азбуковник, 2003. С. 276–291.

- Перотто М.* Проблемы языка и идентичности у русскоязычных, живущих в Италии // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Труды и материалы междунар. интернет-конф., май 2004 г. / Рос. общество преподавателей русского языка и литературы, Моск. гос. ун-т леса, Ун-т китайской культуры (Тайвань) при участии фак. иностр. яз. Болонского ун-та (Италия) / Редкол.: В. Г. Санаев и др. М.: МГУЛ, 2004. С. 331–340.
- Перотто М.* Язык и образование в постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии. 2008. № 4 (42). С. 49–64.
- Перотто М.* Мигранты из постсоветских стран в Италии // Диаспоры. 2010. № 1. С. 83–100. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/analit04.php> (дата обращения: 02.10.2015).
- Перотто М., Низник М.* «По-русски говорим мы с детства...» Из опыта неформального обучения русскому языку в Израиле и в Италии // *Slavica Helsingiensia*. Вып. 45: А. Никунласси, Е. Ю. Протасова (ред.). Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. Хельсинки: Ун-т Хельсинки, 2014. С. 75–95.
- Ременик Л.* Транснациональные тенденции в жизни русскоязычной общины Израиля // Русское лицо Израиля: черты социального портрета / Сост., ред. М. Кенигштейн. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2007. С. 421–441.
- Alba R., Nee V.* Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31. No. 4. P. 826–874.
- Bentivogli F., Carfagna M., Pittau F.* L'incidenza dell'Est Europa in Italia dopo la regolarizzazione del 2002 // Forti O., Pittau F., Ricci A. (eds.) *Europa. Allargamento a Est e immigrazione*. Roma: IDOS Centro Studi e Ricerche, 2004. P. 251–271.
- Cittadini Stranieri. Popolazione residente e bilancio demografico al 31 dicembre 2014 // *Statistiche Demografiche ISTAT*, 15 giugno 2015. URL: <http://demo.istat.it/str2014/index.html> (last visited on 02.10.2015).
- De Marco M.* Le donne dell'Est: una presenza crescente e significativa // Forti O., Pittau F., Ricci A. (eds.). *Op. cit.* P. 277–290.
- Di Sciullo L., Forti O.* Gli immigrati dell'Est Europa in Italia: dinamiche territoriali e inserimento socio-lavorativo // Forti O., Pittau F., Ricci A. (eds.). *Op. cit.* P. 230–250.
- Di Vito M., Palladini S.* (eds.) *Le protagoniste invisibili. Donne immigrate nella provincia di Pescara, Provincia di Pescara*, 2005. URL: http://bancadati.italialavoro.it/bdds/download?fileName=C_21_Strumento_5074_documenti_itemName_0_documento.pdf&uid=af6889cb-83c7-4724-9eaa-54c76c41ca9a (last visited on 02.10.2015).

- Forti O., Pittau F., Ricci A.* (eds.) Europa. Allargamento a Est e immigrazione, Roma: IDOS Centro Studi e Ricerche, 2004.
- Gumperz J.J.* Discourse strategies. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
- Levitt P., Jaworsky V.N.* Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // Annual Review of Sociology. 2007. No. 33. P. 129–156.
- Magarotto L.* Per una tipologia dell'emigrazione russa // Europa Orientalis. 2007. No. 26. P. 127–144.
- Milroy L.* Observing and analyzing natural language. A critical account of sociolinguistic method. Oxford: Blackwell, 1987.
- Perotto M.* Lingua e identità dell'immigrazione russofona in Italia. Napoli: Liguori, 2009.
- Polinsky M.* American Russian: A New Pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998. Т. 4. P. 78–138.
- Valtolina G. G.* Gli italiani e l'immigrazione // Fondazione ISMU, XVII Rapporto sulle migrazioni 2011. Milano: Franco Angeli, 2011. P. 155–168.
- Zannoni F.* La Russia che ci rappresentiamo, tra ignoranza ed esotismo // Educazione interculturale. Trento: Eduzione Erickson, 2015. Vol. 13. No. 2. URL: <http://rivistedigitali.erickson.it/educazione-interculturale/archivio/vol-13-n-2> (last visited on 02.10.2015).

Раиса Акифьева, Валерия Ерашова

КУЛЬТУРНЫЕ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖЕНЩИН В ПРОЦЕССЕ БРАЧНОЙ МИГРАЦИИ В НИДЕРЛАНДЫ¹

Статья основана на результатах исследования русскоязычных женщин, эмигрировавших или планирующих эмиграцию в Нидерланды к голландскому партнеру. Анализ интервью с ними показывает, как в процессе миграции формируются и меняются культурные практики и идентичности. Несмотря на культурный компромисс, в той или иной степени свойственный всем транснациональным союзам, на уровне идентификации и культурных практик мы в некоторых случаях наблюдаем тенденции к этнизации: респондентки начинают интерпретировать в этнических категориях широкий спектр явлений и ситуаций, актуализировать этнические особенности и различия, формировать ориентации на национальную культуру. При этом этничность как женственность может служить символическим капиталом, женщина не хочет его утратить, и он высоко оценивается ее партнером. В статье делается попытка объяснить эти тенденции в интеграционных терминах.

Ключевые слова: трансграничная брачная миграция, смешанные союзы, интеграция, межкультурный обмен, идентичность, русскоязычные мигранты.

Трансграничная брачная миграция является интересным исследовательским сюжетом по ряду причин. Во-первых, заключаемые в ходе ее союзы отличаются от других видов союзов различиями между партнерами в этнической, религиозной, национальной идентификации, культурных практиках, средах социализации и т.д. Их исследование позволяет также установить, в каких случаях уникальная семейная среда приводит к гибридизации и двустороннему

¹ Вторичный анализ данных, на основе которых написана статья, проводился в рамках проекта «Образовательные практики российских и российско-испанских семей в Испании: роль ценностей и убеждений родителей и/или структурных факторов», реализуемого при финансовой поддержке Центра изучения Германии и Европы (СПбГУ – Билефельдский университет, Германия).

межкультурному обмену между партнерами, а в каких — к ассимиляции [Collet, 2015; Scott, Cartledge, 2009]. Во-вторых, трансграничная брачная миграция имеет ряд специфических особенностей по сравнению с другими типами миграции. Так, брачные мигранты могут быть не включены в мигрантские сообщества и транснациональные сети, но через своего партнера получают доступ к ресурсам (языковой практике, информационной поддержке, особому типу легализации, частичной или полной финансовой поддержке и т. п.) и к сетям поддержки в стране рецепции, образуемым родственниками и друзьями партнера. Брачные мигранты могут обладать особенностями, отличающими их от других типов мигрантов и в интеграционном смысле: ряд исследований показывает большую интегрированность мигрантов из смешанных браков [Furtado, Song, 2015; Scott, Cartledge, 2009]. С другой стороны, всё больше исследователей не находят однозначной взаимосвязи между опытом проживания в смешанном браке и интегрированностью [Alba, Foner, 2015; Rodríguez-García, 2006; Rodríguez-García и др., 2015], в связи с чем задаются вопросом, что понимать под интеграцией и как ее измерять [Rodríguez-García, 2015].

В нашем исследовании мы рассмотрим культурную специфику данных союзов с точки зрения интеграционной перспективы. Особое внимание будет уделено идентичностям женщин, гендерным установкам, повседневным культурным практикам, их включенности в различные дружеские и родственные сети в стране рецепции, а также контекстуальным условиям, в которых протекает жизнь мигрантов. Мы надеемся, что это позволит нам ответить на следующие вопросы: какие культурные ориентации конструируются в процессе брачной миграции и почему; какие культурные сценарии формируются; какие тенденции наблюдаются с точки зрения интеграционных перспектив?

Транснациональная брачная миграция: интеграция и культурный обмен

Для обозначения браков и брачных союзов, где один из супругов/партнеров — внешний мигрант или представитель культурного меньшинства, применяются такие термины, как «смешанные/бинациональные/бикультурные/транснациональные браки» (*mixed/bi-national/bi-cultural/transnational marriage*), «брак между представителями разных групп» (*intermarriage*), «смешанные союзы» (*mixed*

unions) и «смешанная пара» (*mixed couple*)². В статье мы будем часто использовать термин «смешанные союзы» (далее СмС).

Феномен СмС побуждает к поиску ответов на широкий круг вопросов. Исследователи интересуются, чем обусловлен выбор иностранного партнера, какие механизмы лежат в основе смешанных браков, какие различия позволяют рассматривать их в качестве особого случая со своей спецификой [Górny, Kępińska, 2004; Maffioli, Paterno, Gabrielli, 2014; Nedomysl, Östh, Nam, 2010]. Также партнерство в СмС рассматривается скорее как один из типов миграционных сценариев, описываемых и анализируемых в рамках миграционных теоретических подходов, например интеграционных [Brahic, 2013].

Культурная специфика СмС. Исследование смешанных пар с точки зрения их культурной специфики позволяет наблюдать новые формы и особенности повседневного взаимодействия, образа жизни, самоидентификации. Повседневные практики и восприятие пар могут приобретать гибридные черты, культурный компромисс становится частью повседневной жизни [Brahic, 2013], культурные изменения в процессе брака могут приводить к различным типам бикультурализма [Vasquez, 2014].

Вместе с тем было справедливо отмечено, что социологический анализ культурной специфики не будет полным, если не включает в рассмотрение гендерные роли партнеров и их классовые позиции. Классовые позиции, гендерные роли и социальный контекст могут оказывать большее влияние на семейную жизнь, на изменения в повседневных практиках и взаимоотношениях, чем культурные различия. Учет социального контекста предполагает рассмотрение различных механизмов, посредством которых неравенство между партнерами закрепляется или воспроизводится. Так, асимметричным может быть их легальный статус: один из партнеров обладает гражданством, а другому еще предстоит получить разрешение на легальное проживание в стране. Этнические и расовые различия могут иметь следствием неравный доступ к ресурсам, в конечном счете — приводить к дискриминации и стигматизации одного из партнеров, что не может не влиять на взаимоотношения в семье. От статуса языков партнеров может зависеть выбор языка общения в семье и за ее пределами. Важным

² Примеры употребления перечисленных выше терминов см. в работах: [Alba, Foner, 2015; Brahic, 2013; Collet, 2012; Rodríguez-García, 2015; Rodríguez-García, 2006].

для понимания эффектов смешанности (*mixedness*) является изучение наблюдаемых различий в идентичностях партнеров, в их самовосприятии. Кроме того, взаимообмен принимает различные формы: один из партнеров может адаптировать основные особенности доминантной культуры или культуры меньшинства либо партнеры могут выработать вообще новый стиль семейной жизни и таким образом влиться в формирующийся глобализированный социальный слой, более мобильный и менее связанный с локальными и национальными контекстами [Collet, 2012; 2015].

Интеграционные исследования. Согласно классической концепции Милтона Гордона, мигранты должны пройти несколько стадий до ассимиляции — оптимального варианта их приспособления. Они начинают адаптацию к новой стране с поведенческой ассимиляции и постепенно утрачивают отличительные этнические черты, культурные особенности своего сообщества, перестают использовать родной язык в повседневном общении. Супружеская ассимиляция — рост числа браков с представителями местного населения — третья стадия этого линейного процесса [Gordon, 1964].

Теория Гордона подверглась критике с появлением новых подходов к миграции. Авторы одних из них указывали на необходимость при поиске и описании оптимальных сценариев адаптации учитывать социальные особенности принимающего общества (например его социальную сегментированность) и самих мигрантов (например принадлежность к определенной социальной страте) [Portes, Rumbaut, 2001; Portes, Zhou, 1993; Zhou, 1997]. Авторы других подчеркивали, что современные мигранты транснациональны, поэтому нельзя ограничивать исследование происходящим в стране рецессии [Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992; Levitt, Jaworsky, 2007]. Для описания жизненных сценариев мигрантов в стране прибытия чаще стали использоваться новые термины. Наибольшую популярность из них получил термин «интеграция»: он не привязан к американскому опыту, идеологически более нейтрален, позволяет полнее учитывать, как миграция влияет не только на мигрантов, но и на принимающее общество [FitzGerald, 2014]. Исследователи, придерживающиеся интеграционной перспективы, стремятся понять, как мигранты в смешанных парах интегрируются в принимающее общество, чем отличаются траектории их интеграции по сравнению с эндогамными союзами, можно ли рассматривать смешанный брак в качестве механизма социальной интеграции.

Исследований, демонстрирующих интеграционный потенциал СмС, немало³, но немало и работ, показывающих, что нельзя говорить об однозначной положительной взаимосвязи брачной миграции с процессами социальной интеграции. В одном из них, проведенном в Каталонии, изучались иммигранты в экзогамных (пары из иммигрантов и уроженцев Испании) и эндогамных союзах (пары, в которых оба партнера — иммигранты). Результаты показали сегментированную взаимосвязь между смешанным браком и интеграцией. Различия в степени интеграции могут зависеть от таких факторов, как страна происхождения мигранта, гендер, длительность проживания в стране реценции, а не от эндогамности и экзогамности союза [Rodríguez-García et al., 2015].

Мы будем анализировать специфику культурного обмена в СмС обследованных нами пар, ориентируясь на описанную выше методологию Беаты Колле [Collet, 2012]. Мы также рассмотрим эти пары в контексте интеграционной перспективы, понимая под интеграцией ориентацию мигрантов на принимающее общество с целью полной включенности в него [Rodríguez-García et al., 2015]. Что считать оптимальным сценарием выстраивания мигрантами жизненных траекторий, вопрос очень сложный, особенно учитывая, что мы провели исследование брачной миграции на самых ранних ее этапах. Поэтому мы используем интеграционную перспективу лишь для того, чтобы поместить изучаемые нами случаи в поле других исследований брачной миграции и таким образом получить возможность анализа сходств и различий в наблюдаемых тенденциях.

Методы и выборка

Эмпирической базой исследования являются интервью с русскоязычными женщинами из России, Украины и Беларуси, проживающими с партнерами-голландцами в Нидерландах или планирующими переезд к ним. Полевая работа была проведена весной 2014 г.

Брачная миграция практически не подлежит такой форме документального контроля, которая находилась бы в открытом доступе, поэтому для формирования выборки нами был выбран метод снежного кома. Женщины, уже перебравшиеся в Нидерланды, рекрутировались

³ См., напр.: [Furtado, Song, 2015].

в социальной сети «В контакте», в сообществе русскоязычных жен в этой стране; из них мы выбирали для опроса только тех, кто переехал меньше чем за год до момента интервью. Женщин, которые планировали и готовили переезд, мы находили через сообщество тех, кто сдает интеграционный экзамен, необходимый для миграции в Нидерланды. При выборе респонденток учитывались возраст, семейное положение и миграционный статус. Мы опрашивали только молодых женщин, не имевших детей от голландских партнеров, принявших решение иммигрировать или уже совершивших переезд. Всего было опрошено 16 женщин: восемь находившихся на родине и столько же переехавших к своим партнерам в Нидерландах. Возраст респондентов варьировался от 23 до 31 года (средний возраст — 25 лет)⁴.

Некоторые женщины, готовившиеся к переезду, имели опыт проживания с партнером в Нидерландах, что при описании респонденток мы будем оговаривать отдельно. По семейному положению они делились на четыре категории: «не замужем», «помолвлена», «зарегистрированное партнерство»⁵, «замужем». Женщины, на момент интервью уже совершившие миграцию, находились в Нидерландах от трех до десяти месяцев. Интервью проводились посредством онлайн звонков с использованием программы Skype, велись на русском языке и занимали от сорока минут до полутора часов.

Респондентки имеют высшее образование (степень бакалавра, специалиста или магистра), одна женщина на момент интервью завершала обучение. Общение с партнером во всех случаях начиналось на английском языке. Никто из женщин не владел языком партнера до знакомства с ним, как и никто из голландских партнеров не владел русским языком. В некоторых случаях английский язык женщин в начале знакомства не был достаточно свободным. Знакомство, как правило, завязывалось в Интернете или во время туристической поездки одного из партнеров. В одном случае голландский партнер участвовал в программе студенческого обмена. Большинство партнеров-голландцев были с высшим образованием или получали его на момент интервью, некоторые закончили колледж или специализированные курсы.

⁴ Унифицированное краткое описание наших информантов см. в Приложении.

⁵ Юридически закрепленный союз двух лиц, направленный на совместное проживание. Отличается от брака правами и обязанностями относительно детей. См.: [Marriage... 2016].

Все женщины не планировали до знакомства иммигрировать в Нидерланды. Более того, некоторые из них подчеркивали вынужденность своего переезда, объясняя его тем, что им со знанием английского языка и другими компетенциями легче адаптироваться в Нидерландах, чем их партнерам в России.

Правила миграции в Нидерланды

Правительство Нидерландов придерживается основ «ограничительной миграционной политики» [Денисенко, Хараева, Чудиновских, 2003, с. 183–191]. Согласно информации, предоставляемой Службой иммиграции и натурализации (<https://ind.nl>), перед переездом в Нидерланды иммигранты должны получить базовые знания нидерландского языка, быть знакомыми с историей и устройством страны. Эти знания проверяются посредством специального экзамена, который сдается в стране проживания мигранта. Экзамен — одно из условий получения разрешения на временное пребывание — *Machtiging tot Voorlopig Verblijf (MVV)*. Оно необходимо для получения *Verblifsvergunning* — временного вида на жительство. Выполнение данных процедур обеспечивает пребывание в Нидерландах на срок более трех месяцев.

Экзамен требует значительных временных и материальных затрат. После подачи заявки на сайте службы иммиграции и натурализации надо перечислить 350 евро на специальный банковский счет в Нидерландах. Дата и время экзамена назначаются в посольстве или генеральном консульстве Нидерландов после этой оплаты. При подготовке кандидаты используют учебный пакет «*Naar Nederlands*» стоимостью около 64 евро. Кроме того, в случае брачной миграции требуется доказательство финансовой состоятельности партнера. Эта мера стала ограничительной для большого количества планировавших брачную миграцию в Нидерланды из стран, не являющихся членами Евросоюза. Подсчитано, что «требования к уровню доходов для “создания семьи” в Нидерландах, повышенные в 2004 г. со 100 до 120% от минимальной заработной платы, автоматически лишают около 30% работающего населения права на участие в данном процессе» [Leerkes, Kulu-Glasgow, 2011, p. 95].

Особенности получения гражданства зависят от страны происхождения женщин-мигрантов, но общим требованием является

проживание на территории Нидерландов сроком от трех до пяти лет с действующим видом на жительство. Получение двойного гражданства возможно лишь в ряде исключений, требующих обоснования. В целом, брачная миграция — весьма трудоемкий и затратный процесс.

Перейдем теперь к основным результатам нашего исследования.

Этничности и идентичности

Идентичности мы рассматриваем в контексте дискурсивной психологии, вобравшей в себя целую группу социально-конструктивистских подходов в психологии [Филлипс, Йоргенсен, 2004; Edley, 2001]. С ее точки зрения идентичности конструируются и изменяются в постоянном взаимодействии с социальным миром [Филлипс, Йоргенсен, 2004]. Центральное положение в конструировании идентичностей занимают процессы социальной категоризации и сравнения [Varjonen, Arnold, Jasinskaja-Lahti, 2013, p. 112], соответственно, дискурсивно-психологические исследования фокусируются на том, как определяются и используются в социальном взаимодействии социальные категории, на сравнениях себя со значимыми «другими» и противопоставлениях себя им.

Для описания себя респондентки использовали категории, отсылающие к этнической/национальной самоидентификации: «девушки из России», «русские», «украинки», «белоруски», а также к надэтнической («славянки») и языковой общности («русскоговорящие»). В последнем случае нарративы отражают представления о воображаемом сообществе русскоязычных жителей постсоветского пространства, имеющих общие традиции либо схожий образ жизни и говорящих на русском языке: *Ну, сейчас, сейчас я общаюсь с русскими* (в Нидерландах. — Р.А., В.Е.). *Вот, ну даже не сколько с русскими, вот, все русские, все, кто даже украинцы, белорусы, Казахстан — они все русские. Все русскоговорящие, поэтому я называю их русскими* (Респ. 7). Как видно из только что приведенного отрывка интервью, категория «русские» тоже оказывается надэтнической и внеэтнической. А вот как другая респондентка описывает подругу, с которой познакомилась в Нидерландах: *Девушка русская. Она в 91-м году, будучи ребенком, с родителями переехала в Голландию, потому что они евреи* (Респ. 3). То есть, несмотря на этническую еврейскую историю семьи подруги, категория «русские» и здесь — надэтническая.

При характеристике сообщества «славянок», «русских», «русскоязычных» включались стереотипные представления об особом «русском характере» и «менталитете», в частности о жизнестойкости, умении бороться с трудностями: *У нас жизнь сложнее намного, нужно... если ты с детства не привык выкручиваться, выживать, то потом сложно будет... Ну, т.е. просто так отдыхать и говорить: «Ой, я устал от одной работы», — в принципе у нас это редкость* (Респ. 2). Здесь прослеживается распространенное представление о том, что особенности характера формируются в процессе социализации в условиях, специфических для страны происхождения. Этническими особенностями объясняются и различия в практиках дружбы между «своими» и голландцами. Многие респондентки согласны в том, что дружат голландцы иначе и завести с ними дружеские связи сложно или невозможно: *Дружба в Голландии — это не настолько распространенное явление, как у нас, славянок. Поэтому с нашим менталитетом, с нашей общительностью и с нашей открытой душой, мне кажется, все-таки нужно общение с себе подобными* (Респ. 2).

Представления о некоторых общих этнических чертах и особенностях поведения разделяли многие женщины, но нарративы тех, кто уже переехал в Нидерланды и получил опыт относительно длительного пребывания в этой стране, более этнизированы по сравнению с нарративами женщин с опытом кратковременного проживания у партнера. Это проявляется в тенденции интерпретировать в этнических категориях более широкий спектр явлений, поступков, паттернов поведения и особенностей людей, в более негативном описании голландцев, в противопоставлении положительного этнического «мы» негативному «они»: *Русские люди намного глубже, чем голландцы, и больше переживают, больше сочувствуют друг другу* (Респ. 10). Голландцы могут быть описаны как люди эгоистичные, живущие только для себя (Респ. 11), не привыкшие помогать другим (Респ. 12), а их дружелюбие может восприниматься как напускное, немножко фальшивое (Респ. 9). Важно отметить, что такая негативная характеристика голландцам часто дается для того, чтобы объяснить некоторые сложности, с которыми женщины сталкиваются после переезда в Нидерланды. Другими словами, личные интеграционные проблемы ставятся в казуальную связь с обобщающими этническими категориями: работу найти трудно — голландцы не помогают; трудно найти

друзей — у голландцев иные представления о дружбе. И потому *переезд в эту страну тоже мне нелегко дался, и я бы не сказала, что мне здесь много посочувствовали* (Респ. 10).

Среди нарративов женщин, еще не переехавших в Нидерланды, также встречаются этнизированные интерпретации своего и чужого опыта и интеграционных перспектив, но они преимущественно касаются вопросов дружбы и гендерных репрезентаций, всплывают при осмыслении истории знакомства и взаимодействия с партнером. Наряду с этим актуальной оказывается идентификация себя как жителя большого/малого города и профессиональная. Так, сложности, с которыми сталкивается информантка с большим опытом переездов, объясняются ею не особенностями страны и ее населения, а размерами населенного пункта: *Всегда тяготела к каким-то путешествиям, переездам, мне как-то не сиделось, поэтому было такое, что я год жила в Москве, год в Петербурге, а потом всё равно переезжала в Ярославль и оставалась здесь, потому что я не люблю большой город, я люблю маленькие города <...> поэтому я люблю Амстердам* (Респ. 8). И в другом случае Нидерланды рассматриваются в первую очередь как страна больших и малых городов со своими стилями жизни и идентичностями. Переехать в зарубежный город, соразмерный предпочитаемому на родине, кажется проще, чем внутри своей страны, но в населенный пункт неприемлемой размерности и стиля жизни: *И хорошо, что я еду не в маленький город. Во-первых, я бы, наверное, не выжила бы после Москвы в этой деревне, где не происходит ничего* (Респ. 6). В обеих цитатах речь идет о переезде в Амстердам, который описывается как город, обладающий положительными особенностями, потому подходящий для переезда. Но в первой цитате эти особенности обусловлены представлением о небольших размерах Амстердама, во второй — представлением о нем как о городе крупном и столичном.

Другая важная идентификационная категория, к которой отсылают женщины, недолго находившиеся в Нидерландах, — это профессия. Интересно в этом смысле интервью актрисы московского музыкального театра. Причину не очень доброжелательного первоначального отношения к ней родителей партнера она видит в том, что является актрисой: *Актриса, это значит сразу мысли такие, что вот, что это за профессия, вот, это вот: вульгарная, не вульгарная — не знаю, какие у них там мысли крутились* (Респ. 3).

Предвзвудки и дискриминация

Брачная миграция — один из видов миграции, наиболее подверженных критике со стороны принимающего общества, особенно в тех случаях, когда речь идет о переезде в страны экономически более развитые, чем страны происхождения мигрантов, и когда партнеры знакомятся через посредников — с помощью брачных агентств, сайтов знакомств, объявлений в газетах [Heuse, 2010; Lemish, 2000]. Наши респондентки явно воспринимают себя в качестве стигматизированной группы, основание — транслируемый СМИ образ меркантильной русскоязычной женщины: *...У нас тут сейчас даже идет передача, называется «Из России с любовью», и там рассказывают про русских девочек и голландских мальчиков. И о том, что русские девочки все приезжают сюда за паспортами, за деньгами и за развлечениями, вот, а бедные голландские мальчики должны всё это содержать* (Респ. 10). Также описывается личный опыт столкновения с дискриминацией и предвзвудками, в том числе со стороны родственников партнера: *...Папа его ему сначала всё говорил, что, типа: «Смотри, эти восточно-европейские девочки только и смотрят, чтобы женишка из Западной Европы подыскать»* (Респ. 4). Ссылаются и на опыт других русскоязычных женщин: *Общаясь здесь с русскими девушками, ну, с русскими, с украинскими девушками, много от кого я слышала, что м-м-м... ну так, достаточно пренебрежительно относятся* (Респ. 7).

Повторяющийся опыт дискриминации может лежать в основе конструирования этничности, что, к примеру, проявляется в отказе от американской идентификации, наблюдаемой у некоторых мигрантов второго поколения в Америке [Portes, Rivas, 2011]. В исследованиях, проведенных в разных европейских странах, было показано, что русскоязычные мигрантки знакомы с разделяемым негативным стереотипом о русскоязычных женщинах, переехавших в развитые страны Европы с прагматическими целями, и пытаются дистанцироваться от этого образа. Женщины подчеркивают важность романтических причин переезда и противопоставляют себя тем, чье поведение и поступки способствуют сохранению стигматизированного образа русскоязычной женщины [Heuse, 2010; Säävälä, 2010]. Наши респондентки тоже акцентировали романтическую причину переезда и в ряде случаев противопоставляли себя женщинам, целенаправленно ищущим партнера-иностранца: *Я никогда не хотела, вообще*

никогда не хотела жить в Европе! Мне всегда нравилось, ну, мне всегда нравился Питер. Я как бы не стремилась, знаешь, там, найти какого-то друга иностранца, как многие женщины тут, которых я знаю (Респ. 16). Даже девушки, нашедшие партнера на англоязычных сайтах знакомств, утверждали, что не было у них цели познакомиться именно с иностранцем, тем более переехать к нему: *Там, конечно же, есть куча вариантов знакомств, но у меня не было такой цели, т. е. я не преследовала цель знакомства. Вот, и соответственно, так мы и познакомились. То есть мы начали переписываться именно с целью изучения английского* (Респ. 11). Заметим, что изучение английского языка — распространенное объяснение причин знакомства в Интернете.

В своем исследовании русскоязычных женщин в Бельгии Петра Хейсе выделяет два основных способа описания мотивов для выбора иностранного партнера, используемых, чтобы легитимировать этот выбор и подчеркнуть честные намерения обоих. Одни женщины объясняют выбор этническими в своей основе причинами, к примеру, тем, что русскоязычные женщины более ориентированы на семью, чем бельгийские. Другие — указывают на мотивы романтической любви. В нашем исследовании нет такого разделения. Хотя некоторые партнеры, по словам респонденток, намеренно осуществляли поиск русскоязычной жены, сами женщины настаивают, что не искали специально партнера-иностранца. Однако, если знакомство и не воспринимается как этнически мотивированное, этностереотипы восприятия женщины могут, как будет показано далее, артикулироваться как значимые и важные в семейной жизни.

Гендер и этничность

Транснациональная брачная миграция предполагает не только смену гендерных дискурсивных контекстов, но и выстраивание семейных отношений с партнером, который может иметь отличные культурные модели поведения и семейные ценности, особенно если страны различаются по доминирующим гендерным контрактам [Касымова, 2010].

Гендерные контракты регулируют распределение обязанностей по ведению домашнего хозяйства, правила поведения и взаимоотношения в семье, имеют специфические страновые особенности и трансформируются в разные исторические периоды в пределах одного го-

сударства [Тёмкина, 2008; Тёмкина, Роткирх, 2002]. Россия имеет ряд существенных отличий от европейских стран как на уровне гендерной идеологии и политики, так и на уровне повседневных гендерных практик [Rodin, Åberg, 2014]. Начиная с 1960-х гг. в Западной Европе и Америке развивается новый тип отцовства (*new fathering*); он характеризуется тенденцией к равенству мужчин и женщин в семье и выполняемых ими функций. В частности, в Нидерландах модель активного отцовства развивается и в частной, и в общественной сфере. Однако при сравнении идеологии и реализуемой политики гендерного равенства Нидерланды оказываются противоречивым случаем: с одной стороны, относятся к странам с укорененной «сильной» моделью семьи с мужчиной-кормильцем (*male-breadwinner model*), преобладанием неполной занятости у женщин, четким разграничением зон ответственности между семьей и государством и осуществлением институтами публичной сферы функции «патриархального контроля» [Буссмейкер, 2000]; с другой стороны, характерная для Нидерландов институционализированная политика позитивных действий для женщин и ряд других показателей позволяет определить это государство как «дружественное женщинам» (*woman-friendly state*) [Гардинер, Лейенаар, 2000]. В России же с советского времени укоренена «слабая» модель семьи, т.е. преобладают домохозяйства с двумя кормильцами, но участие мужчин в обслуживании домохозяйства и в уходе за детьми остается низким [Кравченко, Мотеюнайте, 2008]. В постсоветский период происходит трансформация гендерных контрактов, на них начинает влиять идеология нелиберального гендерного традиционализма [Здравомыслова, Темкина, 2003]. В основе его лежат противоречащие друг другу убеждения о равноправии женщин и мужчин — и о врожденных различиях между полами, определяющих их особенности, предназначения и карьерные возможности. В отличие от «классического» традиционализма, здесь предназначение женщины предполагает наряду с исполнением ею роли домохозяйки широкий спектр других возможностей, в том числе совмещение ведения домашнего хозяйства с зарабатыванием денег для семейного бюджета.

Анализ гендерных репрезентаций позволяет условно разделить респонденток на две группы, границы которых не совпадают с делением по критерию переезда состоявшегося либо планируемого, т.е. не зависят от опыта пребывания в Нидерландах и его продолжительности. Водораздел между группами в данном случае в другом — в степени

этнизации нарративов. У женщин одной группы этнизация сильнее, они проводят более четкие этнические границы между собой и голландками и фактически воспроизводят противоречивость идей неолиберального гендерного традиционализма. Они разделяют и ценности самореализации, и представление о преимущественной ответственности женщины за ведение домашнего хозяйства, позиционируют соответствующую модель семьи как имеющую национальную специфику и противопоставляют себя голландским женщинам: *У них девушки, как по мне и то, как Руд⁶ говорил, им семья особо не нужна, они сами себе командиры, т.е. что хотят, то и делают. Готовить не умеют, особо не убирают, ничего не делают по квартире, ну, по дому, по хозяйству... я считаю, что девушка должна успевать делать и это, и там еще — я не знаю, или работать или какие-то хобби иметь* (Респ. 2). Другая респондентка, тоже полагающая, что неотъемлемой обязанностью женщины является работа по дому и профессиональная или досуговая занятость, рассматривает работу именно как деятельность, сопоставимую с хобби как минимум по мотивам занятости: *Естественно, я буду работать, потому что иначе тут можно сойти с ума от сидения дома* (Респ. 10).

Доминировавший в СССР тип контракта «работающая мать» подразумевал ответственность женщины за домашнее хозяйство и экономическое благополучие семьи. Современная его версия не столь монолитна, может иметь отклоняющиеся черты, например классово-специфические. Так, семьи молодого образованного среднего класса в России избирают стратегию, предполагающую наличие у партнеров эгалитарных ценностей наряду с воспроизводством традиционного разделения гендерных ролей в приватной сфере [Чернова, 2013]. В наших примерах представления женщин скорее отражают нормы и практики одного из типов постсоветской реконфигурации контракта: акцент делается не на работе или заработке женщины, а на ее обязательном саморазвитии.

Респондентки этой группы уверены, что обладают личностными и ценностными особенностями, по критерию привлекательности для мужчин выгодно отличающимися их от западных женщин⁷. По их

⁶ Имя изменено.

⁷ Такая самооценка была зафиксирована и в других исследованиях. См., напр. [Темкина, 2008; Heuse, 2010].

мнению, наиболее значимыми характеристиками, востребованными на брачном рынке и присущими как раз русскоязычным женщинам, является, в противовес эгалитарным ценностям и установкам голландских женщин, большая ориентация на семью и на отношения в ней, чем на свою карьеру и свои желания, а также восприятие мужчины как «семейного лидера» (Респ. 11). В обоснование такой позиции делаются ссылки на мнения и практики мужчин — друзей мужа: *И как бы все его друзья очень хотят к нам в дом... Я как бы думаю, что все девушки-голландки — они больше заняты работой, даже приходят мальчишки и жалуются, какие у них девочки, что они заняты работой, что вообще нам некогда сходить в кино, вот, что всегда в работе, всегда в чем-то* (Респ. 8).

Еще один довод: по сравнению с голландками русскоязычные женщины «более женщины» не только по взглядам, но и по внешнему виду. В первую очередь это проявляется в том, как они одеваются. Женственность в одежде для них означает предпочтение юбок и платьев, обувь на каблуках. Стиль одежды может быть использован в качестве ресурса для конструирования этнической идентичности, для поддержания границ между «своей» и «другой» группой [Ger, Østergaard, 1998]. Исследование, проведенное в Эстонии, позволило выделить два интерпретативных репертуара, посредством которых репрезентируется эстонский и российский молодой потребитель в нарративах русскоговорящих и эстоноговорящих. Это репертуар этнической принадлежности (*the ethnic belonging repertoire*) и потребительский (*the consumerist repertoire*) [Vihalemm, Keller, 2011]. В рамках дискурсивной психологии интерпретативные репертуары концептуализируются как относительно отчетливые способы говорения об объектах и событиях в мире — обеспечивают основу разделяемого группой социального понимания, позволяют понять ограничения в конструировании себя и других [Филлипс, Йоргенсен, 2004; Edley, 2001; Varjonen, Arnold, Jasinskaja-Lahti, 2013]. Репертуар этнической принадлежности организуется вокруг представления об этничности как о факторе, оказывающем решающее влияние на стиль жизни и внешний вид [Vihalemm, Keller, 2011]. Одно из специфических проявлений этого — отсылки для объяснения видимых различий в стилях одежды к «менталитету» — к укорененным культурным различиям между эстонцами и русскими. В нашем исследовании респондентки более этнизированной группы также были убеждены в этнической обусловленности различий

в потреблении одежды, а в некоторых случаях указывали на изменения в собственном стиле в сторону большей этнизации, объясняя их опытом визитов и проживания в Нидерландах: *Я говорю: «Я же русская, у нас в России все девочки красивые, все ухоженные, все ходят в платьях...» Я как бы не могу себе позволить делать, как европейская девушка* (Респ. 8). И эти различия женщины могут воспринимать как очень важные для брака — соответствующие ожиданиям мужа от русскоязычной жены: *Я не собираюсь там ассимилироваться или еще что-то, потому что и Руд меня выбрал как украинку* (Респ. 2).

Другая группа женщин не использовала интерсекции гендера и этничности при описании семейных отношений и для самоидентификации⁸. Значимыми для этой группы в вопросах семьи и самопрезентации являются иные объяснительные схемы — молодость, профессия, необходимость жить в новой стране и другие контекстуальные причины. Но это не означает, что респондентки данной группы могут обходиться без этнических репертуаров, когда говорят на разные темы, например об адаптации, и что им несвойственны стереотипные негативные представления о голландцах.

Образование и профессия

Как правило, наши респондентки полагают профессиональную занятость важным индикатором успешности человека и его уровня образованности. Тема профессиональной удовлетворенности перекликается с артикуляцией ценности образования. Образованность русскоязычных женщин входит в число ключевых элементов в их стратегиях самоидентификации. Так, одна респондентка на вопрос об образовании ответила: *Разумеется, высшее* (Респ. 4). Образованность — один из водоразделов между «своими» и «чужими». Та же женщина так отозвалась о друзьях мужа: *Те люди, с которыми он дружил, ну, не то чтобы дружил, а общался, просто общался, мне они казались странными, потому что они ему не ровня, понимаешь? То есть там люди без особых стремлений, без какого там либо образования.*

⁸ Интерсекциональный подход позволяет определить социальные категории, которые формируют чувство идентичности, и контексты, в рамках которых они артикулируются, предполагает изучение не только содержания интерсекций (класс, возраст, этничность, гендер), но и того, какие интерсекции становятся видимыми и в каких контекстах (см., напр., [Heuse, 2010]).

Тема образованности русскоязычных женщин всплывает часто. Женщины отмечают, что и при знакомстве, и при продолжении отношений для них был важен уровень образования партнера. В некоторых случаях образованность отождествляется с этнической/национальной спецификой, образование предстает национальной ценностью, имеющей прямое отношение к высокой «русской культуре» (литература, живопись, другие сферы искусства). Респондентки считают, что социализировались в уникальной среде, наделившей их эрудицией и иными достоинствами, выгодно отличающими русскоязычных женщин от других: *...У нас очень богатая культура, и не зря иностранцы выбирают русских девушек, потому что мы очень разные все* (Респ. 14).

Многие женщины описывают историю своей миграции как самопожертвование, ибо воссоединение с любимым человеком оборачивается нисходящей профессиональной мобильностью. Они сетуют, что оставили квалифицированную работу, поскольку без знания языка и без валидации диплома им было бы непросто или вовсе невозможно претендовать в Нидерландах на аналогичную работу или другую, но соответствующие их уровню образования: *...Для меня это немножечко, скажем так, шаг назад по карьерной лестнице* (Респ. 14)⁹. Вместе с тем респондентки, в Нидерландах ставшие заниматься низкоквалифицированным трудом, во-первых, упоминают об этом как о незначительном факте биографии, как о «работе на первое время» (Респ. 9), во-вторых, пытаются повысить свою квалификацию, чтобы вернуть утерянный профессиональный статус. Они начинают учиться в различных образовательных учреждениях: от краткосрочных языковых курсов до университетов. Впрочем, к получению в Нидерландах дополнительного образования могут подталкивать не только профессиональные притязания, но и стремление к самосовершенствованию.

Культурные ориентации

Все респондентки учили и/или планировали выучить в совершенстве нидерландский язык, а также использовать его при повседневном общении: *Да, буду не стесняться говорить. Я понимаю, что*

⁹ Эти примеры можно рассматривать и в контексте стремления дистанцироваться от образа меркантильной русскоязычной невесты.

мне нужно будет выучить голландский идеально, если я там планирую оставаться жить — и жить всю свою жизнь (Респ. 2). Конечно, главная причина изучения языка — требование сдачи языкового экзамена как условия переезда в Нидерланды. При этом многие респондентки, независимо от степени владения голландским языком, для общения с партнером продолжали использовать английский.

Женщины на предмиграционном этапе говорили о своей готовности к культурной интеграции в стране рецепции: *...Конечно, я буду максимально стараться понять традиции этой страны, т. е. не буду я пытаться всех переучить на русский лад, типа: а у нас вот так вот* (Респ. 6). Но при этом никто не предполагал максимальной аккультурации себя и своих будущих детей: *Семья у нас интернациональная, и такой она и останется, и дети будут разговаривать как минимум на голландском и на русском* (Респ. 10).

После переезда многие респондентки стали отмечать голландские праздники и в то же время продолжали отмечать некоторые российские праздники. Иногда это встречало сопротивление, приводило к конфликтам, что хорошо прослеживается в рассказах о праздновании Восьмого марта. Праздник этот для некоторых респонденток имеет большое значение, так как традиция индивидуального поздравления женщины хорошо соотносится с репрезентациями женственности и привлекательности для мужчин: *Мой муж там, увидев мои слезы, удивился вообще: что это за поздравления вообще? Ну, в общем, он сказал, что он этого праздника не знает. А я говорю, что теперь тебе придется его знать, так как ты взял русскую жену* (Респ. 12).

Можно говорить о культурном обмене в семьях, причем приобщение партнера к «русским» культурным практикам происходило путем переговоров и по инициативе женщины: *Я их научила есть супы, всю семью* (Респ. 16). Помимо праздников и кухни, это касается и других сфер повседневного взаимодействия и потребления. На этом фоне некоторые респондентки осознавали большую этнизацию своих повседневных практик по сравнению с тем, что они делали «дома». Например, они начинают слушать русскоязычные радиопередачи, смотреть русскоязычные каналы: *На самом деле раньше я вообще не смотрела те передачи, которые смотрю сейчас. Например, сейчас еще по поводу не только телевидения, то радио... сейчас я на самом деле получаю огромный кайф от этого. Раньше я бы никогда не слушала, а сейчас мне это родное и очень повышает настроение* (Респ. 14). Та же тенденция

прослеживается в круге чтения: *Стала очень много читать русскую классику здесь* (Респ. 15). Усиливается внимание к политическим процессам, в которые вовлечены страны происхождения. В частности, некоторые женщины, проживающие в Нидерландах, стали интересоваться отношениями России и Украины после присоединения Крыма к России и событиями на востоке Украины. В этих вопросах они были хорошо информированы и имели четкие позиции, в отличие от респонденток, находившихся на предмиграционной стадии, большинство которых имело лишь поверхностное представление о российско-украинском конфликте.

Социальная укорененность

Брачная миграция позволяет иностранному партнеру через супруга или супругу войти в социальные сети местных жителей. В нашем случае это действительно происходило на первых этапах миграции: женщины довольно быстро знакомились с родителями своих партнеров, родственники всех партнеров оказывали им теплый прием и помощь, вплоть до того, что одна пара стала проживать в доме родителей партнера вместе с ними. Если вначале родственники и проявляли этнические предрассудки, они затем пересматривали свои позиции, и во время интервью респондентки отзывались о них сугубо положительно.

Интересно, что во всех случаях поведение и качества родственников не описываются в этнических категориях, они не рассматриваются как типичные голландцы, и положительный опыт общения и взаимодействия с ними не экстраполируется за пределы семьи: *А родители, знаешь, ну прямо золотые. Как бы... я сейчас по работе много голландцев встретила, ну, и они такие люди — очень сложные. А эти — прямо, знаешь, как дочку приняли, до сих пор помогают* (Респ. 16). Многие регулярно общаются не только с родителями, но и с родственниками мужа, в том числе не кровными, однако это общение воспринимается исключительно в привычных категориях родства, а не как свидетельство того, что выстраивание дружеских сетей с голландцами возможно: *Вот, вообще-то друзей, понятное дело, у меня тут нет. Я общаюсь с его семьей <...> Жена его брата мне помогает* (Респ. 12). И эта же респондентка убеждена, что в Нидерландах *как-то не принято, видимо, особо помогать*.

Многие женщины с опытом проживания в Нидерландах на момент интервью больше всего общались с русскоязычными мигрантами и со смешанными парами. Иногда они специально искали русскоязычных друзей в Интернете, но часто находили случайно, на работе или при подготовке к экзамену на знание голландского языка. Такому выбору, помимо внутренней этнизирующей мотивации, способствуют, разумеется, и описанные выше стереотипы восприятия голландской дружбы: *А вот именно которые местные, они вообще не идут на контакт, они всё больше своей группой держатся...* (Респ. 8)

Заключение

Наше исследование имеет ряд ограничений: мы изучали только тех, кто состоял в Интернет-сообществе русскоязычных жен в Нидерландах, т. е. изначально выбрали группу, ориентированную на русскоязычный круг общения. Почти наверняка за рамками рассмотрения остались другие русскоязычные мигрантки с иными культурными практиками и интеграционными стратегиями. Кроме того, в поле нашего исследовательского внимания находились женщины, пребывающие на первых этапах миграции. Между тем бинациональный компонент смешанного брака меняется на протяжении всей длительности этого брака [Brahic, 2013], поэтому идеальным было бы лонгитюдное исследование, позволяющее глубже понять специфику СмС на разных этапах семейной биографии. Тем не менее, и наши ограниченные одним этапом наблюдения могут способствовать лучшему пониманию феномена брачной миграции.

Исследование русскоязычных женщин, переехавших или планирующих переезд в Нидерланды к голландскому партнеру, позволило, как представляется, взглянуть на транснациональную миграцию, используя сразу две теоретические перспективы. Мы стремились проследить, как в процессе миграции формируются и трансформируются культурные практики и идентичности; и мы попытались выявить специфику этих практик и идентичностей в контексте интеграционных тенденций.

С точки зрения интеграционных подходов для понимания жизненных траекторий мигрантов в первую очередь следовало установить, в какие социальные слои они инкорпорируются, каким является их социальное окружение [Portes, Rumbaut, 2001; Portes, Zhou, 1993]. По этому показателю исследованные нами женщины-мигрантки

имеют хорошие стартовые позиции — они и их мужья образованы, имеют опыт работы или работают, к тому же процесс эмиграции, согласно законодательству Нидерландов, предполагает финансовую состоятельность партнера-голландца.

Мы не зафиксировали утраты культурных особенностей, проявлений аккультурационных стратегий и сценариев. То, что мы обнаружили, можно охарактеризовать как формирование гибридных культурных паттернов. Вместе с тем, хотя культурный компромисс в той или иной степени свойственен всем семьям наших респонденток, на уровне идентификации и культурных практик прослеживается тенденция к этнизации. Она проявилась в интерпретационном использовании этнических категорий, в актуализации этнических особенностей и различий, в появлении/усилении ориентации на национальную культуру. Отчасти этому способствовали довольно распространенные в Нидерландах негативные представления о русскоязычных женщинах, эмигрировавших с целью замужества.

Особый случай — респондентки, считающие, что именно этнокультурные отличия русскоязычных женщин, в первую очередь приписываемая им выраженная женственность повышают спрос на них на брачном рынке. Убежденностью в ценности «своей» этничности, скорее всего, объясняется поддержание этнизированных культурных практик, таких как потребление одежды, неравное разделение домашних обязанностей, чтение русской литературы. Можно предположить, что та же причина во многом определяет и выбор оптимального круга общения. Как участницы брачной миграции респондентки легко могут быть включены — и на деле включаются — в семейные, дружеские и прочие социальные сети голландских партнеров. Однако они не воспринимают эти сети как часть своего дружеского круга и формируют сети из русскоязычных мигрантов.

Приложение

Описание информантов

До переезда:

Респ. 1: 23 г., не замуж., место рожд. Саратов, живет в Москве, образ. высш.

Респ. 2: 23 г., не замуж., место рожд. Киев, живет там же с молодым человеком, образ. высш.

Респ. 3: 24 г., место рожд. Смоленск, не замуж., живет в Москве, образ. высш.

Респ. 4: 23 г., помолвлена, место рожд. г. Красногорск Московской обл., живет там же, получает высш. образ.

Респ. 5: 27 л., не замуж., место рожд. Уфа, живет в Москве, образ. высш.

Респ. 6: 24 г., не замуж., место рожд. Москва, живет там же, образ. высш.

Респ. 7: 24 г., разведена, ребенок от предыдущего брака, место рожд. Казань, живет там же, начала получать второе высш. образ.

Респ. 8: 25 л., не замуж., место рожд. Ярославль, живет там же, образ. средн. спец. и высш.

После переезда:

Респ. 9: 25 л., помолвлена, место рожд. Рязань, переехала из г. Новополюцка, Белоруссия 10 месяцев назад, образ. высш.

Респ. 10: 25 л., не замуж., место рожд. Самарская обл., переехала из Самары 4,5 месяца назад, образ. высш.

Респ. 11: 24 г., не замуж., место рожд. Ижевск, переехала из Санкт-Петербурга, образ. высш., получает дополнительное высш. образ. в Нидерландах.

Респ. 12: 28 л., заключила партнерство, место рожд. Чебоксары, переехала из Санкт-Петербурга 4 месяца назад, образ. средн. спец. и высш.

Респ. 13: 31 г., замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 6 месяцев назад, два высш. образ.

Респ. 14: 23 г., не замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 9 месяцев назад, образ. высш.

Респ. 15: 30 л., замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 9 месяцев назад, два высш. образ.

Респ. 16: 25 л., не замуж., место рожд. Санкт-Петербург, переехала отсюда же 6 месяцев назад, образ. высш.

Список литературы

Буссмейкер Д. Гражданство, типология государств всеобщего благосостояния и материальное обеспечение семьи: истоки и опыт осуществления политики равенства полов // Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / Под ред. Ф. Гардинер. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 253–275.

- Гардинер Ф., Лейенаар М. «Решительные и смелые»: анализ политики «государства, дружественного женщинам», в Ирландии и Нидерландах // Там же. С. 95–133.
- Денисенко М., Хараева О., Чудиновских О. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М.: Институт экономики переходного периода, 2003.
- Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Трансформация гендерного гражданства в современной России // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 140–150.
- Касьмова С. Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 126–149.
- Кравченко Ж.В., Мотеноайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 177–200.
- Тёмкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.
- Тёмкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–14.
- Филлипс Л.Д., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2004.
- Чернова Ж.В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
- Alba R., Foner N. Mixed Unions and Immigrant-Group Integration in North America and Western Europe // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 38–56.
- Brahic B. The Politics of Bi-nationality in Couple Relationships: A Case Study of European Bi-national Couples in Manchester // *Journal of Comparative Family Studies*. 2013. Vol. 44. No. 6. P. 699–714.
- Collet B. Mixed couples in France. Statistical facts, definitions, and social reality // *Papers. Revista de Sociologia*. 2012. Vol. 97. No. 1. P. 61–77.
- Collet B. From Intermarriage to Conjugal Mixedness: Theoretical Considerations Illustrated by Empirical Data in France // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 129–147.
- Edley N. Analysing masculinity: Interpretative repertoires, ideological dilemmas and subject positions // *Discourse as Data: A Guide for Analysis* / Ed. by M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates. London: Sage, 2001. P. 129–228.
- FitzGerald D. S. The Sociology of International Migration // *Migration Theory: Talking across Disciplines* / Ed. by C.B. Brettell and J.F. Hollifield. New York: Routledge, 2014. P. 115–147.

- Furtado D., Song T.* Intermarriage and Socioeconomic Integration: Trends in Earnings Premiums among U. S. Immigrants Who Marry Natives // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 207–222.
- Ger G., Østergaard P.* Constructing Immigrant Identities in Consumption: Appearance Among the Turko-Danes // *Advances in Consumer Research*. 1998. Vol. 25. P. 48–52.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C.* Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992. Vol. 645. No. 1. P. 1–24.
- Gordon M.M.* Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion, and National Origin. New York: Oxford Univ. Press, 1964.
- Górny A., Kępińska E.* Mixed marriages in migration from the Ukraine to Poland // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 353–372.
- Heyse P.* Deconstructing Fixed Identities: An Intersectional Analysis of Russian-speaking Female Marriage Migrants' Self-representations // *Journal of Intercultural Studies*. 2010. Vol. 31. No. 1. P. 65–80.
- Leerkes A., Kulu-Glasgow I.* Playing Hard(er) to Get: The State, International Couples, and the Income Requirement // *European Journal of Migration and Law*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 95–121.
- Lemish D.* The Whore and the Other: Israeli Images of Female Immigrants from the Former USSR // *Gender and Society*. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 333–349.
- Levitt P., Jaworsky B.N.* Transnational migration studies: Past developments and future trends // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. P. 129–156.
- Maffioli D., Paterno A., Gabrielli G.* International Married and Unmarried Unions in Italy: Criteria of Mate Selection // *International Migration*. 2014. Vol. 52. No. 3. P. 160–176.
- Marriage, registered partnership and cohabitation agreements // *Family Law*. Available at: Government of the Netherlands. URL: <http://www.government.nl/issues/family-law/marriage-registered-partnership-and-cohabitation-agreements> (last visited on 15.03.2016).
- Niedomysl T., Östh J., Ham M. van.* The Globalization of Marriage Fields: The Swedish Case // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 7. P. 1119–1138.
- Portes A., Rivas A.* The adaptation of migrant children // *The Future of Children*. 2011. Vol. 21. No. 1. P. 219–246.
- Portes A., Rumbaut R.G.* Legacies: the story of the immigrant second generation. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001.
- Portes A., Zhou M.* The new second generation: Segmented assimilation and its variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530. No. 1. P. 74–96.

- Rodin J., Åberg P.* Fatherhood across space and time: Russia in perspective // *Baltic Worlds*. 2014. Vol. 6. No. 3–4. P. 21–28.
- Rodríguez-García D.* Mixed Marriages and Transnational Families in the Intercultural Context: A Case Study of African-Spanish Couples in Catalonia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2006. Vol. 32. No. 3. P. 403–433.
- Rodríguez-García D. et al.* Contesting the Nexus between Intermarriage and Integration: Findings from a Multi-dimensional Study in Spain // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2015. Vol. 662. No. 1. P. 223–245.
- Rodríguez-García D.* Intermarriage and Integration Revisited: International Experiences and Cross-Disciplinary Approaches // *Ibid.* P. 8–36.
- Säävälä M.* Forced Migrants, Active Mothers or Desired Wives: Migratory Motivation and Self-Representation in Kosovo Albanian and Russian Women's Biographies // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36. No. 7. P. 1139–1155.
- Scott S., Cartledge K.H.* Migrant Assimilation in Europe: A Transnational Family Affair // *International Migration Review*. 2009. Vol. 43, No. 1. P. 60–89.
- Varjonen S., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I.* 'We're Finns here, and Russians there': A longitudinal study on ethnic identity construction in the context of ethnic migration // *Discourse & Society*. 2013. Vol. 24, No. 1. P. 110–134.
- Vasquez J.M.* The Whitening Hypothesis Challenged: Biculturalism in Latino and Non-Hispanic White Intermarriage // *Sociological Forum*. 2014. Vol. 29. No. 2. P. 386–407.
- Vihalemm T., Keller M.* Looking Russian or Estonian: young consumers constructing the ethnic "self" and "other" // *Consumption Markets & Culture*. 2011. Vol. 14. No. 3. P. 293–309.
- Zhou M.* Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation // *International Migration Review*. 1997. Vol. 31, No. 4. P. 975–1008.
- Zeidenstein G.* Population, Women, and Security: A Reflection // *Common Security in Asia: New Concepts of Human Security* / Ed. by Tatsuro Matsumae and Lincoln C. Chen. Tokyo: Tokai University Press, 1995. P. 147–156.

SUMMARY

Sergei Panarin

Foreword: Cross-border migrations as a subject of study

Cross-border migration implies that a person passes through one or more borders. These may be state, ethnic, linguistic and cultural boundaries (to name just a few), but in any case they are experienced as a dividing line. The meanings of such a line are more broad and intense than just a line drawn on the map or on the soil. Having crossed a border, a person finds her/himself in a new and unfamiliar world. This collection of articles is focused on the groups of migrants for whom an act of crossing the state frontier is both a move from one cultural space towards the other: from one macro-region of the Orient to another, from East to West, from East to Russia and, finally, from Russia, perceived as a part of global East, to the West where Russia is sometimes seen through an Orientalizing lens.

Nyamaa Galiimaa

Cross-border Mongols' migration: Why do they leave and why do they return

This paper presents the results of a sociological study of Mongols' migration abroad. Informants among migrants and former migrants were selected using snowball method. They answered the questions regarding their sex, age, education, destination of their migration, their activities abroad, whether their work there was legal or not. Skilled professionals and technicians, academics and even circus performers were among those surveyed. To sum up, the survey indicated rising complexity of the structural traits of contemporary cross-border migration from Mongolia, and demonstrated the ways migrants' labour is used in the recipient countries. Yet the focus of this paper is on the unique combinations of push-pull factors that migrants-to-be and returnees consider as they take the decision both to go for work abroad and come back home.

Tsend-Ayush Battseren

Mongolia: The influence of cross-border labour migration on children's upbringing

Since the 2000s the citizens of Mongolia have actively joined international streams of labour migrants. Among people leaving the country there are a lot of those with kids of preschool and school age. A long absence of one or both parents

has an influence on their offspring – in Mongolia these kids are called “children that were left behind”. The author of this paper has conducted a small study in order to find out how the separation from migrant parents affects their children. The results of the study generally confirm the findings of similar studies conducted in Latin America and South-East Asia: international migration does not necessarily imply a total deterioration of all spheres of the abandoned kids’ lives. Their housing conditions and school education did not change for the worse. Still, the absence of parents had a negative influence on the intelligence and psychological well-being of the children, their socialization and character formation.

Anna Pinigina

Cross-border migration to the Republic of Korea

There are three main sources of cross-border non-tourist inflow to the Republic of Korea: labour migration, student migration, and marriage migration. Unskilled workers, mainly from the states of South-East Asia, comprise about three fifths of all the labour migrants. The majority of skilled workers are employed in science, teach foreign languages and do similar jobs. The contribution of other two sources is more limited: 13 per cent of total migrants’ number each. Rural Koreans frequently choose foreign spouses, and women from China (predominantly ethnic Koreans) and South-East Asia are behind marriage migration. A growing number of foreign students in Korea are employed in production and service sectors. Two special cases are worth noting: a small Chinese minority of permanent residents and a group of fugitives from North Korea which arrive every year in ever-growing numbers.

Marina Baldano, Nyamaa Galiimaa, Svetlana Kirichenko

Mongols in South Korea: Migration and adaptation

This paper deals with a case of the East-to-East migrations – namely, from Mongolia to South Korea, emerging Mongol diaspora being in the focus. Legal, social, financial issues and tensions between the migrants and Koreans are met with understanding and are being resolved relatively well. This finding applies both to the state agencies and to the NGOs and employers. Migration legislation and the mechanisms of migrants’ social security specified in it help migrants to deal rather smoothly with the people of the receiving society, and also enable all the parties concerned (the state, employers, migrants and the general populace) to fully realize their rights and responsibilities. The paper is based generally on the materials collected during field study conducted by the authors in South Korea and Mongolia in 2015.

Nikolay Steblin-Kamensky

Wollo (Ethiopia): local meanings of migration abroad and stigmatization of those who came back

The article is based on the interviews conducted with the inhabitants of Habru district. The author explains the historical context of labour migration from Wollo to the Gulf states, and writes about the attitudes to this phenomenon at the

national level. The main part of the paper is dedicated to the naming and discussion of the meanings that the migrants themselves (and their families) ascribe to the cross-border migration. A special attention is paid to the negative stereotypes about the migrants who came back, and to the contradiction between a negative attitude towards migration and its popularity as a personal strategy. Negative view of migration, being imposed from above, does little to foster integration of illegal migrants deported to Ethiopia by the Gulf states authorities.

Irina Bochkaryova, Sergei Panarin

**The perception of cross-border migrants by Russian students
(following the results of express surveys in three Russian universities)**

The paper deals with the ways Russian students perceive cross-border migration. The findings are based on the results of the express surveys conducted in three provincial universities. The presence in Vladivostok, Barnaul and Ulyanovsk where the surveys took place, of cross-border migrants is not seen by respondents there as a meaningful problem that anyhow touches upon their identity. However, the students expressed negative attitudes towards ethnic groups from the Caucasus and particularly from Central Asia, the latter being generally associated with an unwanted expansion of Islam. Such an attitude was even more explicit when the behavior of the migrants was seen as contrary to the norms of the receiving society. Generally, cross-border migration is understood, first and foremost, as a challenge to the culture and values of Russian society.

Viktor Dyatlov

**The Orient in the East of Russia: Chinese immigrants in settler society
(late Imperial and post-Soviet eras)**

The subject of this paper is the perception of cross-border Chinese migrants as the carriers of stereotypical “Orient” in Siberia and the Russian Far East. The population of both these vast regions consists of settlers and was formed by migrations, and such historical heritage makes it special in what concerns the attitude to cross-border migrations. Two “advents” of Chinese migrants in Russia, separated by the years of Soviet rule, provide an opportunity to unravel the reaction of the receiving society (that identifies itself with the West, anyhow), to the presence of people that are seen as the carriers of Oriental culture. In general, local Russian society has substituted pre-1917 discourse of “yellow peril” for the contemporary “Chinese threat” what amounts to a fundamental shift from the mystical and inescapable “war of the worlds” to the pragmatic and resolvable conflict of interests. While generally keeping in line with this discourse, Russia’s East has rapidly moved towards perceiving Chinese migrants as a remunerative “resource”.

*Anatoly Sokolov***The Vietnamese in Russia: a history of migrations and diaspora**

The author traces the history of migrations from Vietnam to Russia since the 1920s. The documents and statistical data concerning the labour and educational migration from Vietnam to USSR/Russia allow the author to reveal features characteristic of this phenomenon in different periods of the two countries' history. If anything, the intensity and other variables of Vietnamese migrations depended to a great extent on the state of political and economic relations between Russia and Vietnam. A general outline of Vietnamese diaspora employment in Russia is also presented, as well as its cultural and social profile.

*Sergei Abashin***Both here and there: transnational aspects of migration from Central Asia to Russia**

The author investigates the benefits of applying the concept of transnationalism for studying contemporary migration from Central Asia to Russia. It suggests switching the research focus from integration and adaptation strategies to the strategies of sustaining transnational ties with the sending countries. In particular the frequency of migrant trips between Central Asia and Russia, the role of family and household in migrants' lives, their images of "home" and "return", ways of communication between migrants and those left behind, remittances and ideas, images, and gifts transfers are considered. As a whole, migrants from Central Asia retain manifold, regular and intensive ties with the sending countries, rhetoric of "return" being dominant.

*Dmitry Poletaev***The changes in patterns of Central Asian labour migrants' behavior in Russia**

New living conditions in Russia bring about rather painful changes in migrants' behaviour, making it difficult and sometimes irrational to reproduce its long-established forms. These changes, however, are made more difficult and slow by prejudice against migrants — a widespread phenomenon in the receiving society. The same is true about the underdevelopment of public services in Russia (especially weak judiciary and corruption in the bodies responsible for law enforcement) and stringent control on the part of diaspora and local communities of compatriots. Still, the behaviour of Central Asian migrants in Russia is getting closer to that of Russian people. Due to large numbers of labour migrants, these shifts in behaviour facilitate gradual transformation of social relations — even on the basic level — within the states of Central Asia.

*Evgeniy Varshaver, Anna Rocheva***The migrants' integration on the local level: Western and Russia's experience**

The authors studied a lot of various experimental schemes of migrants' integration into host society on the local level that were realized in Europe and the USA, and this foreign experience has allowed them to draw some lessons applicable in Russia. What they selected for their field-work was the Kapotnya district in Moscow. This district has a reputation of an insecure and environmentally unsafe place. A sociological survey was conducted there, and its results were used to develop a set of integration practices that were tested and evaluated, and then represented and discussed at the special workshop on migration, the synopsis of discussion being added to the paper.

*Sergei Filatov***Russian Orthodox Church and labour migration from traditionally Islamic lands**

Russian Orthodox Church acts both as a partisan of national interests of Russian people, and as a proponent of imperial ambitions of the multinational Russian state. Both these attitudes are present in the consciousness of average believers. Given this background, a mass influx of migrant workers is met with mixed reactions that are hard to reconcile. In general, Orthodox believers are more hostile towards Muslims than average Russian citizens. At the same time, "imperial" project is aimed at integrating the migrants into Russian life. This desire is expressed in two attitudes. More liberal option implies supporting the migrants without regard for their faith. Another attitude is clearly missionary one and is aimed at gradual converting the most responsive part of migrants to the Orthodox religion.

*Ekaterina Deminsteva***To get education in order to stay: African elite in France**

There are a lot of Africans who, after graduating from European universities, face a choice: either to return to their countries of origin or stay in Europe (or go to the USA, Canada, Australia). Not infrequently, Africans decide to stay. Having spent several years in a European country, they no longer find acceptable norms and attitudes prevalent on their continent — in politics, economy, or everyday life. Yet the question remains: why the parents of these African students, having graduated from European universities in the middle of the 20th century, were willing to come back to Africa, whereas their children consider Europe the only place where they and their offspring can live? What forces young Africans to make such a choice? The author concludes that the years spent in Europe (where they saw a different world), and miserable politics and economy in their countries of origin both determine Africans' choice.

*Monica Perotto***Migrants from post-Soviet states in Italy**

The author compares two groups of Russian-speaking informants. The first group comprises migrants from Russia, Ukraine, Belarus and Moldova, the second one — migrants from Uzbekistan, Tajikistan, Kazakhstan and Armenia. Those

belonging to the first group are perceived as Slavs and culturally more close to the West rather than the East. Second group is less homogenous. Russians coming from Central Asia and the Caucasus possess multiple identities, what comes equal to the Soviet identity (in their own opinion). Young non-Russian informants from Central Asia who came to Italy to get higher education, identify themselves with “Asiatic” cultures. Russian is the second language for them, whereas for older informants Russia is the lingua franca. Adults from Eastern Europe frequently emphasize the superiority of “Russian spirituality” over “Western materialism”, but at the same time they integrate into the receiving society and master new language, thus demonstrating bicultural attitudes in defining their identity.

Raisa Akifyeva, Valeriya Yerashova

Cultural and integration practices of Russian-speaking women in the context of marriage migration to the Netherlands

The paper is based on the results of the study of Russian-speaking women who migrated (or are planning to migrate) to the Netherlands, to live with their Dutch partners. Interviews conducted with them show how cultural practices and identities form and change. In some cases there are evidences of ethnicization: the respondents tend to view a broad spectrum of facts and processes in ethnic terms, put a stress on ethnic differences and peculiarities, and expose their rising interest for Russian culture. At the same time ethnicity may become an expression of femininity, a form of symbolic capital that a woman would not like to lose, as it is highly valued by her partner. The authors of this paper try to explain these trends in terms of integration theory.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абашин Сергей Николаевич**, именной профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, s-abashin@mail.ru
- Акифьева Раиса Николаевна**, старший преподаватель, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, akifieva@mail.ru
- Балдано Марина Намжиловна**, заведующая, Отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии, тибетологии, Сибирское отделение Российской академии наук, Улан-Удэ, histmar@mail.ru
- Батцэрэн Цэнд-Аюуш**, научный сотрудник, Институт социальных и гуманитарных исследований, Монгольский государственный университет науки и технологии, Улан-Батор, Монголия, tseren_mn@yahoo.com.
- Бочкарёва Ирина Борисовна**, доцент, кафедра востоковедения, Алтайский государственный университет, Барнаул, portnygina@yandex.ru
- Варшавер Евгений Александрович**, старший научный сотрудник, Центр региональных исследований и урбанистики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, varshavere@gmail.com
- Галиймаа Нямаа**, профессор, Институт социальных и гуманитарных исследований, Монгольский государственный университет науки и технологии, Улан-Батор, Монголия, ngaliimaa@yahoo.com
- Деминцева Екатерина Борисовна**, ведущий научный сотрудник, Институт управления социальными процессами, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, katia-d@yandex.ru
- Дятлов Виктор Иннокентьевич**, профессор, кафедра мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, Иркутск, vikdyatlov@yandex.ru
- Ерашова Валерия Владимировна**, магистрант, программа “Studies in European societies”, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, valeriaerashova@yandex.ru
- Кириченко Светлана Викторовна**, старший научный сотрудник, Отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии,

тибетологии, Сибирское отделение Российской академии наук, Улан-Удэ, l-a-p-a@mail.ru

Панарин Сергей Алексеевич, заведующий, Центр исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, sergranar@mail.ru

Перотто Моника, старший научный сотрудник, доцент, Образовательный сектор «Славистика», Департамент языка, литературы и современной культуры, Болонский университет, Форли, Италия, perotto@unibo.it

Пинигина Анна Андреевна, аспирант, специальность «Мировая экономика», Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Москва, ann_pinigina@yahoo.com

Полетаев Дмитрий Вячеславович, ведущий научный сотрудник, Институт управления социальными процессами, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, dvpo@yandex.ru

Рочева Анна Леонидовна, научный сотрудник, Центр региональных исследований и урбанистики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, anna.rocheva@gmail.com

Соколов Анатолий Алексеевич, старший научный сотрудник, Центр изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения Российской академии наук, ansokolov@mail.ru

Стеблин-Каменский Николай Иванович, младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии Российской академии наук, Санкт-Петербург, ogotay@yandex.ru

Филатов Сергей Борисович, старший научный сотрудник, Центр исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, sfilatov2006@yandex.ru

Научное издание

ВОСТОК
НА ВОСТОКЕ, В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ
Трансграничные миграции и диаспоры

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 17.05.2016. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 19,0. Заказ № 478
Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23